

Вас. Ив. Немировичъ-Данченко.

- НЕМИРОВИЧЪ - ДАНЧЕНКО, Вас. Ив. На краю саѣта.** Другъ за друга. Повѣсть для дѣтей. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Въ трехъ частяхъ. Съ 40 рис. Ц. 75 к. 7-е изданіе. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библиот. низш. учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни. (Отнош. № 582 отъ 8 янв. 1911 г.).
- **Гаврюшкинъ плѣнъ.** Повѣсть. Съ 20-ю рисунками. Ц. 65 к. Изданіе 11-е. О. О. У. К. М. Н. П. книга допущена въ ученическія библиотеки низшихъ училищъ, въ библиотеки, младшаго возраста, среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни. (Отношеніе № 23555, отъ 4 мая 1914 года).—Гл. Упр. В. У З. одобрена для ротн. библ. кад. корп. (Циркуляръ № 19, 1897 г.).
- **О чемъ рассказывалъ вѣтеръ.** Очерки и рассказы. Изданіе 5-е. Ц. 50 к. У. К. М. Н. П. книга одобрена для ученич. библ. низшихъ училищъ, для таковыхъ же, младшаго и средняго возраста, библиотекъ среднихъ учебн. заведеній и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ. (Ж. М. Н. Пр. № 12, 1900 г.). Гл. Упр. В.-Уч. зав. рекомендована для приобрѣтенія въ библ. кадетск. корпус. для чтенія кадетамъ I, II, III, IV и V классовъ («Пед. Сб.» № 7, 1901 года).
- **По волѣ Божьей.** Ц. 75 к. 5-е изданіе. У. К. М. Н. П. одобрена для ученическихъ, младш. возраста, библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ библиотекъ низшихъ училищъ, а также допущена въ бесплатныя народныя читальни. (Отношеніе № 23555, отъ 4 мая 1914 года).
- **За Дунаемъ.** Война съ турками за освобожденіе славянъ. 1877 1878 г. Очерки и рассказы для дѣтей. Книжка I. Изданіе 10-е. Ц. 25 О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученическія библиотеки низши училищъ. (Отношеніе № 19389, отъ 5 мая 1913 г.).
- **За Дунаемъ.** Вторая книжка военныхъ очерковъ и рассказовъ д школъ и народа. Изданіе 7-е. Ц. 40 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена ученическія библиотеки низшихъ училищъ. (Отношеніе № 21539, с 19 мая 1913 года).
- **Что было, и что есть.** Рассказы. Ц. 25 к. 5-е изданіе. У. К. М. Н. П. книга одобрена для ученич. младш. возр. библиотекъ средн. и низшихъ учебн. завед. и допущена въ бесплатн. читальни. (Отношеніе № 15378, отъ 26 мая 1910 года).
- **Поднебесный аулъ.** Историческая повѣсть изъ старыхъ кавказскихъ былей. Съ 27 рис. худож. К. Чячагова. Ц. 75 к. 7-е изданіе О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученическія библиотеки низшихъ и среднихъ учебныхъ завед. и въ безплат. народн. библиот. и читальни. (Отношеніе № 34831, отъ 13 декабря 1910 года)з
- **Побѣдитель.** Съ рис. Ц. 30 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. средн. учебн. завед., город. и высш. нач. учил. (Отн. № 33056, отъ 1 іюля 1914 года).

226
Библиотека для семьи и школы.

Вас. Ив. Жемировичъ-Дакчекко.

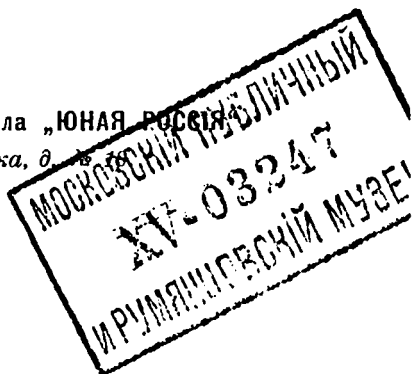
ПОДНЕБЕСНЫЙ АУЛЪ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ ИЗЪ СТАРЫХЪ КАВКАЗСКИХЪ БЫЛЕЙ.

Съ рисунками художника К. Н. Чичагова.

О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. низшихъ училищъ и признана заслуж. вним. при пополнен. безпл. народн. библ. и читальнъ. (Отношеніе № 34831, отъ 13 дек. 1910 года.)

7-е изданіе редакціи журнала „ЮНАЯ РОССИЯ“
Москва, Б. Молчановка, д. № 7.

Москва.—1915.
Типографія К. Л. Меньшова.
Арбатъ, Никольскій, 21.

I.

Старая дѣтская быль!.. Милые люди, которые живы только для тебя. Для другихъ не осталось даже и слѣдовъ къ ихъ могиламъ... Тихо-тихо колышутся надъ ними зеленые платаны, уныло свищетъ горный вѣтеръ, пробѣгая по ущельямъ, гдѣ разсѣяны ихъ плиты, сладко пахнутъ розы и лиліи, поднявшіяся надъ ихъ прахомъ... Какъ давно мнѣ хотѣлось воскресить этихъ людей, заставить ихъ жить, опять вернуть силу и звучность ихъ смолкшимъ голосамъ, огонь и яркость на вѣки погасшему взгляду, румянецъ и здоровый южный загаръ ихъ истлѣвшимъ лицамъ, казавшимся такими суровыми когда-то... Казавшимся!.. Но сколько доброты сіяло изъ-подъ ихъ угрюмо нависшихъ бровей, какая ласка была въ этой улыбкѣ, прятанной подъ низко-нависшіе сѣдые усы. Цѣ-

лая эпоха отошла назадъ, и сегодняшнему дню, съ его мелкою заботой, нѣтъ никакого дѣла до яркой полосы жизни, какъ лента свившейся въ темень прошлаго. Тамъ были герои съ простыми и наивными душами, люди, не придававшіе никакой цѣны ни своимъ мукамъ, ни своимъ подвигамъ. И всякій разъ, когда воспоминанія уходятъ въ синюю дымку этого милаго прошлаго, когда изъ-за его тумана встаютъ и киваютъ мнѣ дорогіе когда-то люди, и нѣжно-нѣжно ластятся къ сердцу полузабытые голоса,—я слышу въ нихъ упрекъ: расскажи о насъ нашимъ правнукамъ... Кому же сдѣлать это, какъ не тебѣ, чье дѣтство было охраняемо нашею заботой, для кого мы еще живы... Смерть и для тебя не за горами. Похоронять тебя, и уже не станеть очевидца нашихъ дѣлъ, некому будетъ передать людямъ, какъ мы жили, о чемъ болѣли душою, зачѣмъ уходили въ горныя пустыни... И когда, послушный этому таинственному призыву, я брался за перо, мнѣ всегда казалось, что моею рукою водили невидимыя нѣжныя руки, что мысли, передаваемая на бумагу, принадлежать не мнѣ одному, а еще кому-то, таинственно наклоняющемуся надо мною, образы являются ко мнѣ въ полнотѣ жизни и красокъ изъ загадочной и мистической бездны давно пережитыхъ былей... Странно, когда я былъ молодъ, эти голоса прошлаго молчали; теперь, когда я подхожу къ предѣлу, поставленному каждому изъ насъ,—далекое, схороненное, забытое другими, мнѣ кажется настоящею явлю, дѣйствительностью. Они смотрятъ на меня отовсюду... Заалѣетъ цвѣтокъ граната въ яркой зелени, зашумитъ тополь, пробужденный теплымъ вѣтромъ южнаго дня, заговорятъ волны голубого моря, поплывутъ въ безконечность серебряныя вершины горъ по безоблачному небу, послышится отголосокъ грустной восточной пѣсни, и вдругъ рядомъ съ этимъ мелькаютъ знакомыя лица, и Богъ вѣсть изъ какой страшной дали звучитъ мнѣ милое „здравствуй“... То же было и сегодня. Утро загоралось въ эмалевой яркости красокъ, у моего

окна зашевелились платаны, точно для того, чтобы сквозь зеленый узор их листов я лучше разглядѣлъ глубокую воздушную даль моря.. И вдругъ, когда я и не ожидалъ этого, оттуда, изъ этой дали, нахлынули на меня призраки прошлаго. Я вспомнилъ цѣлый кружокъ милыхъ лицъ, одинъ эпизодъ, связавшій ихъ вмѣстѣ,—и меня потянуло къ письменному столу... Постараюсь рассказать о нихъ такъ же, какъ они жили,—просто, безхитростно, не придавая значенія совершенному ими, не возводя этого въ исключительный героизмъ. Люди крѣпости взрывали и гибли при этомъ такъ же спокойно, какъ они дѣлали самое обыденное. Шли на смерть и на муку потому, что по-ихнему — такъ было надо, какъ надо ѣсть, пить, спать, чтобы жить, и жить, чтобы умереть...

II.

Стояла на Кавказѣ такая крѣпость, что о ней даже „черти забыли“. По крайней мѣрѣ, таково было убѣжденіе всѣхъ, кого судьба загоняла сюда на дно какого-то невѣроятнаго котла. Въ самомъ дѣлѣ, кругомъ этого каменнаго гнѣзда, съ горстью русскихъ, высились крутыя горы въ снѣговыхъ шапкахъ. Казалось, все здѣсь рвалось къ небесамъ, и чѣмъ больше это удавалось, тѣмъ глубже въ сырую низину проваливалась крѣпость. Мрачные отвѣсы висѣли надъ нею. По вечерамъ въ туманѣ чудилось — вотъ-вотъ эти горы сдвинутся, и отъ каменныхъ стѣнъ съ башнями не останется и слѣда. На страшной высотѣ по утесамъ лѣпились аулы. Тамъ жили „немирные“ черкесы. Это значило, что каждый ихъ горецъ былъ врагомъ всякому русскому солдату и врагомъ смертельнымъ. Встрѣтиться они могли только при одномъ условіи, чтобы одинъ изъ нихъ остался прибитымъ кинжаломъ или пулею къ землѣ. А то и встрѣчаться не приходилось. А просто, высунуть какой-нибудь

„Иванъ Еремѣевъ“ носъ за ворота укрѣпленія, а къ вечеру ротный писарь уже отмѣчаетъ его въ общемъ числѣ: „убить“, а товарищи, поминая его на первыхъ порахъ, снимаютъ шапки и крестятся: „Царствіе-де небесное, хорошій былъ солдатъ, хотъ и любилъ напиться чихирю и подраться, съ кѣмъ попало!“ Въ аулахъ жилось легче. Во-первыхъ, они съ своихъ насѣстей міръ Божій видѣли. Всползли на вышки, какъ птичьи гнѣзда, прилѣпились къ утесамъ и отсюда подъ ними сотни долинъ мерещатся, цѣлые океаны горныхъ вершинъ плывутъ въ небесахъ. И солнце къ нимъ раньше заглядываетъ утромъ и позже прощается съ ними вечеромъ. А въ крѣпость оно, случалось, по цѣлымъ недѣлямъ не заглядывало, особенно, какъ вѣтеръ съ запада нанесетъ морскія тучи сюда и запретъ ихъ въ эту котловину. Назадъ, какъ на западъ, имъ выходу нѣтъ, — а онъ оттуда дуетъ да дуетъ. Плачутъ онѣ, плачутъ, кропятъ забытую крѣпость холодными слезами и никакъ выплакаться не могутъ, — все еще этихъ слезъ въ нѣдрахъ у нихъ непочатыя рѣки. Пухнутъ горные потоки, пыжатся. Вчера еще ниточкой сочились, а сегодня цѣлыми водопадами въ темъ кромѣшную такіе утесы сносятъ, что стоитъ на часахъ солдатъ въ крѣпости и дивится, какъ это они не раздавятъ ее съ маху. Яряся горныя воды, сливаются, затопляютъ дно котла, шипятъ и бунтуютъ, у самыхъ стѣнъ ходятъ. Все тамъ мокрое, остуженное... А нивѣсть откуда смотришь, и лихорадка подбирается... Да какая! По словамъ линейцевъ, она, подлая, въ говядинѣ не сидитъ, а въ кость норовитъ, а изъ кости ее ужъ никакъ не выгонишь. До смерти дотрясетъ тебя, — будь покоенъ. Глотай хину, — сколько угодно доктору Карлу Карловичу, — лихорадка прихилится на время, а потомъ въ самое неудобное время на рубкѣ или въ экспедиціи, когда ты ее не ждешь и не чаешь, какъ набросится да замочаетъ тебя, — смерть легче. И подлецы черкесы, тоже хороши! Добрый хозяинъ собаки не выгонитъ въ эту пору, — а имъ первое удовольствіе, подберутся къ самой крѣпости, — благо

ихъ издали въ дождѣ не видно, — да и давай со скалъ да осыпей палить по ея дверямъ, окнамъ... Только и слышишь, какъ пульки ихъ чмокаются о булыжники да, словно свинцовые шмели, заползаютъ въ черепичныя кровли. Надоѣстъ, наконецъ, западному вѣтру дуть сюда. Тучи, далеко еще не разрѣшившіяся, медленно, лѣниво, нехотя втянутся въ ущелья къ морю, — и вдругъ дно котла ясно заблеститъ подъ солнцемъ, точно вымытое. И скалы загорятся,—такъ что только глаза береги, — ослѣпнешь. Солнце торопится высушить все, и каждый листокъ такъ горитъ на немъ, точно его лакомъ смазали. Остуженные и измокшіе люди выползаютъ изъ казематовъ. Вѣшаютъ мокрыя шинели, платье, бѣлье... Паръ идетъ отъ нихъ! Только бы радоваться Божьему свѣту, — да такія ямы не для радости созданы. Не съ чего-то развеселиться ему. Двухъ часовъ не прошло, — и дышать нечѣмъ. Вспучившіеся горные потоки унесло прочь, все сухо. Еще часъ,—и хоть кричи! Душитъ огнемъ. И скалы, и крѣпость—все томится въ полымѣ, да какомъ! Собака да и та раскроетъ ротъ и лапы раскидаетъ, и ни съ мѣста. Люди слоняются безъ мысли въ головѣ,— въ тѣни и то дышать нечѣмъ, а гдѣ изъ тѣни вышелъ,—въ голову сквозь мозжечокъ точно желѣзная раскаленная въ печкѣ рука проникнетъ, и готовъ солдатъ. Опять ротному писарю забота: отмѣчай—„умеръ отъ солнечнаго удара!“ А ~~звучитъ на вырѣ~~ — съ полгоря. Тѣ себѣ ~~на~~ на свѣту, ихъ и горный вѣтеръ обвѣваетъ, и воздухъ у нихъ не застаивается, да и вдоволь его, дыши полною грудью... „И занесло же насъ, братцы,—говорили солдаты.—Въ самое пекло. Распослѣдніе мы люди! Немирному куда лучше. Ишь, онъ на конькѣ-то по крутымъ тропкамъ красуется. А мы, какъ клопы въ щели,—и выйти никуда нельзя. Сиди да умирай“... „Впредь до приказанія!“,—философски прибавляютъ къ этому грамотные, однимъ локтемъ касающіеся начальства—ефрейтора.

III.

Вообще радоваться здѣсь было нечему!.. Хоть и тутъ ухитрялись кое-какъ веселиться и коротать время. Все-таки было нѣсколько офицеровъ, и между ними не всѣ ужь лычкомъ шиты. Случались даже переведенные изъ гвардіи изъ Петербурга. Эти, впрочемъ, недолго томились. Годъ-два, много-много три, — смотришь, въ какой-нибудь экспедиціи въ горы удалось отличиться, напомнить о себѣ, — и зовутъ счастливца въ Тифлисъ, въ штабъ, къ Воронцову, а то и еще того лучше: поднимается питерская рука и давай звонить во всѣ колокола. Смотришь, спѣшитъ въ крѣпость казакъ съ летучкой. Въ чемъ дѣло? — зовутъ опять такого-то въ гвардію. Иди, рыба, въ воду и радуйся! Не всѣ, впрочемъ, радовались. Бывали и такіе: сживется съ Кавказомъ, и противно ему вспоминать о разводахъ съ церемоніей да муштры съ вытяжкой. Къ Марсову полю вовсе не тянетъ, — пропадай оно совсѣмъ! И остается въ горахъ на ужасъ полошащейся и недоумѣвающей родни. Такой былъ и въ описываемой нами Карабулакской крѣпости... И не то, чтобы спился человѣкъ. Въ то время не особенно спивались. Пили кахетинское вино, чихирь, кизлярку, но до потери образа и подобія Божія доходить не случалось. Кавказъ не гремѣлъ этимъ. Вотъ хоть бы въ этотъ вечеръ, съ котораго начинается мой рассказъ. Собрались гг. офицеры у своего коменданта — стараго кавказскаго подполковника Петра Александровича Слободчикова, какъ собирались они и вчера, и третьяго дня. Куда же дѣться имъ? Всего вѣдь шестеро, клубовъ не устроишь, да еще если присоединить къ нимъ доктора и батюшку! Да и негдѣ бы. Все сужено и стѣснено до послѣдней степени. Самое обширное помѣщеніе у Слободчикова, — но и оно всего на все состоитъ изъ четырехъ комнатъ. Двѣ изъ нихъ — парадныя, для гостей, въ двухъ

спять сынишка и онъ съ женою. Петру Александровичу уже пятьдесятъ лѣтъ, изъ нихъ тридцать онъ провелъ на Кавказѣ, куда попалъ изъ корпуса. Но на видъ ему меньше. Онъ держится молодцовато. Виски зачесываетъ по модѣ впередъ, на лбу взбиваетъ кокъ. Тугой и высокій воротникъ николаевскаго сюртука всегда застегнуть и крѣпко упирается въ подбородокъ. Женился онъ въ Тифлисѣ, и съ тѣхъ поръ едва ли даже его супруга Тамара Давидовна встрѣчала его среди бѣла дня иначе, чѣмъ перетянутымъ, непременно съ Владиміромъ на шеѣ и въ густыхъ эполетахъ, красиво лежавшихъ на прямыхъ плечахъ. Снисходительный къ другимъ, онъ считалъ для себя невозможнымъ растегнуть хоть одну пуговицу сюртука и даже въ походахъ оставался такимъ же. Старый князь Аргутинскій-Долгоруковъ про него говаривалъ, что Слободчиковъ, какъ термометръ, всегда запертъ со всѣхъ сторонъ. Усы онъ фабрилъ и готовъ былъ простить все на свѣтѣ, кромѣ „лодырства“ и трусости... Тамара Давидовна начинала старѣть. У нея уже показывались сѣдые пряди на головѣ, но и она, единственная представительница женскаго пола въ крѣпости, держалась прямо и была аккуратна во всемъ до послѣдней крайности. Въ нее до сихъ поръ влюблялись молодые офицеры и декламировали ей цѣлыя тирады изъ тогдашней „Библиотеки для чтенія“, а одинъ даже писалъ стихи, гдѣ сравнивалъ ея возрастъ съ вечернимъ Амуромъ, въ простотѣ души, вѣроятно, полагая, что въ миѳологіи полагались также и „утренніе“. Впрочемъ, когда разъ Петръ Александровичъ присталъ къ нему, требуя по этому недоразумѣнію объясненій, то оказалось, что поручикъ Столбцовъ „Амура“ смѣшалъ съ Авророй. И на общій смѣхъ онъ презабавно отвѣтилъ:

— Что же, помилуйте, Петръ Александровичъ! Какъ ихъ отличить: и Амуръ и Аврора—обѣ дамы!

Сашу, сына коменданта, сегодня уложили почему-то рано, и ему не спалось. Онъ привсталъ съ постели, подошелъ къ

полуотворенной двери и заслушался. Молодой князь Лазаревъ рассказывалъ его отцу о послѣднемъ набѣгѣ горцевъ. Его только что перевели сюда, и онъ сильно скучалъ въ крѣпости. Прежде онъ былъ на линіи, чуть ли не въ Прочномъ окопѣ у Засса. Родня въ Петербургѣ выхлопотала ему переводъ въ Москву съ Кавказа. Князь отказался и былъ

за это отправленъ въ глушь, въ крѣпость къ Слободчикову. Сейчасъ онъ описывалъ коменданту, какъ Зассъ надулъ черкесовъ. Притворился мертвымъ, даже въ гробу лежалъ, и свѣчи надъ нимъ горѣли, а какъ горцы обрадовались смерти злѣйшаго врага, онъ воскресъ и нагрянулъ на нихъ за рѣку Бѣлую...

— Молодецъ!— смѣялись офицеры.

— Еще бы не молодецъ!.. А какъ дрался!..

— Отчего вы не остались у него, князь?

— И радъ бы... Петербургскія тетушки хотятъ меня образумить.

— Какъ это?

— А соскучусь, дескать, въ крѣпости, самъ къ нимъ запрошусь..

— Держи карманъ шире!

— Очень меня интересуютъ ихъ сплетни да парады!.. Ну ихъ... Тутъ хоть дѣло настоящее..

Саша подумывалъ уже, не забратъся ли ему опять въ постель, какъ вдругъ дверь передъ нимъ подалась, и онъ совершенно неожиданно для самого себя вылетѣлъ въ гостиную въ рубашонкѣ и босикомъ.

— Это еще что?—вскочилъ Петръ Александровичъ.—Что за явленіе?

Саша жмурился на свѣтъ, недоумѣло оглядывалъ хохотавшихъ гостей, пока отецъ не подхватилъ его и не посадилъ себѣ на плечи..

— Тамара, — крикнулъ Слободчиковъ, — полюбуйся на сына! Хорошъ? Это вмѣсто того, чтобы спать, онъ подъ дверями подслушивалъ..

Саша хотѣлъ, было, расплакаться, да изъ другой комнаты вдругъ запахло вкуснымъ.

Мальчикъ сейчасъ же сообразилъ, что Гордей, солдатъ, игравшій здѣсь роль повара, досталъ сегодня великолѣпнаго барана и обѣщалъ къ вечеру приготовить его по-кабардински, т. е. вырыть яму, наполнить ее горячими угольями, выпотрошить барана и уложить его туда съ шерстью, завалить землею часа на два и вынуть потомъ изжареннаго въ собственномъ соку.

Плакать было, значить, не зачѣмъ. Лучше остаться къ ужину.

— Я вовсе не подслушивалъ! — покосился онъ на отца.

— Что же ты дѣлалъ?

— Дядя Ваня,—такъ онъ называлъ князя,—про черкесовъ рассказывалъ...

— Ну, иди спать, пора!

Но это во всякомъ случаѣ не входило въ расчетъ Саши.

— Я днемъ спалъ!—дипломатически началъ онъ.

— Ну, такъ что же? Ты днемъ всегда спишь.

— И потомъ я сегодня еще не шалилъ... И въ углу не стоялъ... Дядя Ваня,—зашепталъ онъ на ухо молодому офицеру,—не пускай меня спать...

А самъ такъ и охватилъ его за шею.

— Тамара Давидовна, уступите мнѣ сегодня Сашу. Ей Богу, ему спать не хочется.

— А завтра онъ будетъ весь день соннымъ.

— Нѣтъ, мама... Ты увидишь,—я завтра буду такъ шалить, такъ шалить...

Всѣ расхохотались опять.

— Надо одѣть его. Срамникъ, пошелъ въ спальню, можешь придти сюда, когда будешь въ приличномъ видѣ.

— А дядя Ваня безъ меня не будетъ про черкесовъ рассказывать?

— Нѣтъ, нѣтъ!..

— То-то... Я это люблю... лучше сказокъ...

Но тутъ Тамара Давидовна взяла его на руки и отнесла въ спальню.

— Экой стыдъ, въ комнаты къ гостямъ чуть не голый бѣгаешь.

— Что жъ, что голый! Развѣ они меня не видали такимъ?

— Гдѣ это?

— А въ банѣ.

Мать засмѣялась.

— Ты знаешь, мама... я, какъ вырасту, буду очень, очень храбрый...

— Тамъ увидимъ!

— И всѣхъ черкесовъ покорю, и мнѣ дадутъ такіе же

эполеты, какъ у папы... А потомъ я построю себѣ на горахъ ауль и у всѣхъ отобью лошадей...

— Ай да воинъ, ну!.. Воровствомъ хочеть заняться...

— Нѣтъ, это не воровство, это хорошо. Папа тоже разсказываль, какъ онъ у князя Кай-Булата отбиваль лошадей...

Но тутъ въ комнатахъ послышалось движеніе...

— Петръ Александровичъ, что тамъ?

Ей за мужа отвѣтилъ молодой грузинъ, служившій въ крѣпости у Слободчикова. Онъ былъ прикомандированъ сюда, чтобы получить офицерскіе эполеты. Авань, случай выйдетъ, Георгій у него былъ солдатскій, а домой онъ не смѣлъ показаться, не заслуживъ „прапорщика“.

— Казакъ „съ летучкой!“

— Опять новости! Дай Богъ, чтобы были хорошія!

Казакъ „съ летучкой“ былъ единственною связью крѣпости съ міромъ. Не будь этого казака „съ летучкой“, какъ тогда называли „приказанія“, привозившіяся черноморцами въ крѣпости, судьба послѣднихъ была бы еще ужаснѣе.. Увѣжалъ казакъ, и связь укрѣпленія со всѣмъ остальнымъ свѣтомъ обрывалась. Точно это не крѣпость, а корабль, затерявшійся посреди не только чуждаго, но и враждебнаго ему океана... Впрочемъ, положеніе корабля все-таки было лучше. Онъ съ каждою минутою приближался къ какому-нибудь берегамъ, а крѣпость заштилѣла на одномъ мѣстѣ, и только. Являлся казакъ съ „летучкой“, и всѣ чувствовали здѣсь себя не такъ заброшенными и позабытыми...

IV.

Саша не особенно былъ доволенъ появленіемъ казака „съ летучкой“. Еще бы, всѣ занялись полученными извѣстіями, объ ужинѣ совсѣмъ забыли.

— Дядя Вапя! а, дядя Ваня!—дипломатически дергалъ онъ князя.

— Ну?

— Напомни имъ... о баранѣ... У Гордея сгорить.

— Не бойся... не сгорить.

— А не сгорить, такъ меня спать прогонять... Я, вѣдь, ихъ отлично знаю...

Но, вѣроятно, въ настоящую минуту всѣмъ было не до него и не до гордеевскаго барана.

— Тамара!.. Ты знаешь, твоя сестра ѣдетъ сюда?

— Маша?

— Да... съ своею дѣвочкою... Саша, радуйся, это по твоей части. Ты помнишь маленькую Лизу?

— У которой въ коробкахъ шоколадъ былъ?

— Ну, вотъ. Всѣ твои воспоминанія, кажется, соединяются исключительно съ тѣмъ, что вкусно или невкусно.

— А то какъ же еще?

— Лиза съ шоколадомъ ѣдетъ сюда... къ намъ...

Мальчикъ обрадовался.

— И тетя съ нею?

— Разумѣется, неужели одну отпустятъ дѣвочку...

— Это хорошо. Тетя отлично умѣетъ дѣлать пловъ съ алуцей..

— Ну, вотъ видишь.

Тамара Давидовна тоже ожила.

Она слишкомъ застыла въ крѣпости. Приѣздъ сюда ея сестры изъ Тифлиса обѣщаль ей такъ много новаго. Должно быть, она скоро'будетъ. Казакъ прискакаль сюда изъ ближайшей крѣпости, куда дали знать объ этомъ изъ Прочнаго окопа. Положимъ, скоро Марью Давидовну оттуда не выпустятъ. Вдова русскаго полковника, убитаго въ Дарчинской экспедици, она была еще молода и очень хороша собою. Какъ многія изъ грузинскихъ женщинъ того времени, выйдя замужъ за офицера, она не измѣняла своему нарядному костюму и оставалась такою же карталинкой, какою выходила замужъ. Саша помнилъ ее въ тавсакрови (головной уборъ), изъ-подъ котораго надъ ушами падали длин-

ные черные локоны, въ бѣлой накидкѣ, придававшей такую прелесть ея нѣсколько блѣдному, съ большими, пылавшими глазами, лицу. Въ широкомъ платьѣ ея было много кармановъ, и въ каждомъ изъ нихъ находилось всегда что-нибудь, особенно интересовавшее Сашу. Не было конфетъ оказывались фрукты въ сахарѣ, пряники, какая-нибудь са-

модѣльная игрушка, созданная немудрящимъ солдатикомъ и купленная тетей Машей для племянника. Тетя Маша нѣсколько разъ ужъ могла выйти замужъ опять, въ женихахъ у нея не было недостатка; но она разъ объявила, что останется вѣрной памяти своего мужа, и потому мѣстные остряки, шутя, называли ее индѣйскою вдовою. Дочка ея,

Лиза, была почти однихъ лѣтъ съ Сашей, и они вмѣстѣ шумомъ и гамомъ наполняли всѣ окрестности. Любимое пребываніе у обоихъ было на крышѣ. Сидя на конькахъ ея другъ передъ другомъ, они чувствовали себя отлично, и никакое другое положеніе въ цѣломъ мірѣ не могло показаться имъ въ такой же мѣрѣ удобнымъ, какъ это. Нѣсколько деревьевъ, выросшихъ на крѣпостной площади передъ маленькою церковью, тоже было для нихъ мѣстомъ самыхъ головоломныхъ упражненій. Когда подавали обѣдать и дѣтей не было дома, Петръ Александровичъ выходилъ на крыльцо, мигомъ оглядывалъ крыши, тамъ ли они? Если ихъ не было на конькахъ, онъ шелъ прямо подъ деревья и, не подымая головы вверхъ, кричалъ имъ:

— Обезьяны, обѣдать подано!

И въ чащѣ немедленно слышались визгъ и шуршанье. „Обезьяны“ мгновенно спускались на землю, хватались за стволы и вѣтви, царапали себѣ руки и лицо о жесткую кору, оборванные и измятые, но тѣмъ не менѣе голодные до такой степени, что, явившись къ столу и не ожидая супа, завладѣвали громадными горбушками черного хлѣба.

— Оставьте... Успѣете наѣсться.

Но „обезьяны“ такъ начинали работать челюстями, что вчужѣ становилось страшно..

— Ты, мама, не бойся!—успокаивалъ Тамару Давидовну мальчикъ,—мы и супъ съѣдимъ, мы все съѣдимъ.

V.

Больше всего доставляло мальчику удовольствіе то, что онъ можетъ показать Лизѣ своего коня. Въ самомъ дѣлѣ, у Саши была уже лошадь. Возвратясь изъ одной экспедиціи въ горы, князь привелъ съ собой отбитаго у черкесовъ иноходца рѣдкой красоты даже здѣсь. Султанъ, какъ его прозвали, былъ весь золотой масти. Особенно, бывало, какъ

ударить въ него солнцемъ, онъ такъ и загорится отъ головы до хвоста. Ноги у него были тонкія, на стройныхъ бабкахъ. Копыто крѣпкое, хотя и маленькое. Бывало, стучить онъ нетерпѣливо въ мостовую, озираясь огневымъ окомъ—гдѣ же мальчикъ?—такъ у него изъ-подъ подковъ, точно изъ-подъ огнива, цѣлыми брызгами искры летятъ. „Хоть трутъ зажигай!“ смѣялись солдаты. Голова у него была небольшая, на высокой и крутой шеѣ, нервная, чуткая. Бывало, еще Саша только подходитъ къ нему, а у него ужъ кожа ходуномъ ходитъ, и уши поднимаются, и золотистый хвостъ на отлетѣ.

Саша гордился своимъ конемъ до такой степени, что готовъ былъ за него отдать всѣ свои сокровища, которыхъ ему навезли не мало. Во-первыхъ, у него оказалась своя собственная коляска, въ которую впрягали важнаго и торжественнаго пса Балкана, созданнаго скорѣе для монумента, чѣмъ для упряжи. Во-вторыхъ, у него бѣгала по крѣпостному двору коза Бланшетка, — вся бѣлая, курчавая. Завидя мальчика, она слѣдовала за нимъ по пятамъ, какъ любой пудель, съ дѣтства обученный этому благородному ремеслу. Бланшетка по утрамъ подходила къ окнамъ его комнатки и блеяла. А если Саша не просыпался, она стучала къ нему въ ставень рожками: „Выходи-де, лѣнтяй,—самъ видишь, солнце встало, играть пора Нечего одному въ постели бездѣльничать“. Въ-третьихъ, былъ у него котъ „Прокуратка“, но за дурное поведеніе вотъ уже три дня онъ оказывался въ немилости.

Еще бы! Сашѣ принесли великолѣпныхъ сливокъ, а Прокуратка ихъ вылизалъ. За это его высѣкли, поймавъ на мѣстѣ преступленія—на чайномъ столѣ, и когда, получивъ законное возмездіе,—онъ вылетѣлъ, какъ ошпаренный на дворъ, — вѣроятно, для того, чтобы найти утѣшеніе въ природѣ, — коза Бланшетка, невѣдомо какими путями узнавшая о содѣянномъ имъ преступленіи, кинулась и погнала его рогами на Балкана, а Балканъ ткнулся въ него мордой

и такъ подбросилъ Прокуратку, что тотъ, самъ не вѣдая какъ, всѣми четырьмя лапами изобразивъ геральдическаго единорога, оказался на деревѣ. Впрочемъ, это избавило Прокуратку отъ дальнѣйшихъ воздаяній.

Убѣдясь изъ сего, что никакое зло въ мірѣ даромъ не пропадаетъ, котъ посидѣлъ, посидѣлъ на вѣткѣ, — частымъ движеніемъ хвоста освѣжая только что наказанную часть тѣла, мимоходомъ, какъ бы самъ того не желая, а только поддаваясь печальной необходимости, скушалъ любознательнаго воробья, подобравшагося къ нему слишкомъ близко; потомъ перемахнулъ на крышу, растянулся на солнцѣ и, зажмурясь, рѣшилъ отъ сихъ поръ препровождать всѣ свои дни въ гордомъ одиночествѣ. Онъ бы и выдержалъ это, — но, къ сожалѣнію, Гордей (денщикъ за повара) имѣлъ дурную привычку рѣзать барановъ какъ разъ подъ этой крышей. Печенка, да когда она еще свѣжая и дымится на воздухѣ, — гораздо сильнѣе прелестей гордаго одиночества. А тутъ еще Гордей окликнулъ: „Эй, ты, Прокуратка... Сѣченый хвостъ, — бѣги сюда, видишь, барана рѣжу“... Котъ посмотрѣлъ-посмотрѣлъ. Мяукнулъ. Хотѣлъ, было, для соблюденія собственнаго достоинства заставить Гордея еще попросить себя, но, увидавъ, что тотъ о немъ забылъ, рѣшилъ благоразумно отложить въ сторону самолюбіе и, цапаясь по стѣнѣ, спустился къ повару и давай тереться о его ноги, поднимая хвостъ, какъ знамя, и мурлыча самымъ примиряющимъ образомъ. Казалось, онъ выпѣвалъ: „ну, что же что сѣченный, а все-таки ты меня любишь и дашь мнѣ немножко жиру отъ печенки... Я тебя знаю, ты хоть и бранишься, а добрый!“

Такъ вотъ Саша и колясочку, и Балкана, и Бланшетку, и Прокуратку готовъ былъ бы отдать за Султана. Пожалуй, онъ еще сохранилъ бы для себя орла, пойманнаго для него однимъ солдатомъ-охотникомъ.

Орелъ былъ съ подстрѣленнымъ крыломъ, которое онъ влачилъ, какъ докторъ Карлъ Карловичъ свою невѣдомо

гдѣ подбитую ногу; орелъ былъ заключенъ въ большую ивовую клѣтку и шурился оттуда на все и на всѣхъ въ знакъ своего царственнаго презрѣнія къ недостойному его міру. Онъ даже не сдавался, когда ему кидали свѣжее еще теплое мясо, и любилъ его расклевывать, когда его оставляли въ покоѣ.

Но и орла Саша цѣнилъ только потому, что еще недавно ему мама рассказывала о другомъ такомъ же, который посадилъ мальчика между крыльями на спину, взвился съ нимъ въ высъ необъятную и оттуда показалъ ему дивныя моря и невѣдомыя земли, потомъ опустился въ такой дворецъ, котораго еще ни одинъ мальчикъ на свѣтѣ не видалъ. Тамъ были столы изъ миндальнаго торта, арабески на нихъ изъ жженого сахара, текли рѣчки изъ сиропу, а посреди стояло громадное озеро изъ варенья, по которому медленно плавали лодки, сдѣланныя изъ подрумянивагося хруста. Саша сообразилъ, что онъ тоже такимъ образомъ можетъ воспользоваться въ послѣдствіи своимъ орломъ, и потому очень цѣнилъ его, подходилъ къ его клѣткѣ и разговаривалъ съ нимъ. Но орелъ плохо сдавался.. Шипѣлъ, поднималъ здоровое крыло, глаза его загорались зловѣщимъ огонькомъ, и клювъ злобно раскрывался, точно предупреждая: „ты у меня только попробуй, посмѣй... Я тебѣ покажу... Подойди поближе“...

VI.

Сегодня Сашѣ во-время осѣдлали Султана.

Князю тоже ужъ была подана лошадь. Они по утрамъ катались вмѣстѣ, и за ними слѣдовали двое казаковъ. Иначе Тамара Давидовна ни за что не отпустила бы сынишку за крѣпость.

Солнце встало отлично, все кругомъ горѣло и лучилось въ его блескѣ.

Сіяли небеса надъ этою котловиною. Свѣтились вершины горъ — торжественныя и величавыя. Таяли облака, кое-какъ прилѣпившіяся къ ихъ отвѣсамъ, обнажая подъ собою влажныя, яркія скалы. Вонъ, точно горсточка леденцу, сплывшіяся сакли аула въ поднебесьѣ... Вонъ онѣ сползали книзу, завоевываемыя свѣжею зеленью... И цѣлыя тучи рошъ поднялись вокругъ крѣпости. Въ ихъ свѣжую, прохладную дрему такъ и тянуло мальчика.

Онъ выскочилъ раньше, чѣмъ князь вышелъ изъ комнаты. Султанъ оглядывался на Сашу огненнымъ окомъ и стучалъ нетерпѣливо копытомъ въ камень, двигая кожей съ головы до хвоста. „Пора-де... Садись, а тамъ ужъ будетъ мое дѣло!“ Такъ Саша и понялъ. Казакъ посадилъ его въ сѣдло, мальчикъ собралъ поводья, наклонился, поласкалъ шею Султана, даже поцѣловалъ его.. Подбѣжала Бланшетка, ласково ткнула коня рожками и прыгъ-прыгъ назадъ. Султанъ хвостомъ отсалютовалъ ей, какъ вѣжливый кавалеристъ саблюю во время исполненія своихъ обязанностей въ строю. Медленно подошелъ важный и торжественный Балканъ, — посмотрѣлъ-посмотрѣлъ и гавкнулъ тихо и скромно, какъ знающій приличіе дьячокъ чихаетъ при гостяхъ себѣ въ руку... Даже Прокуратка забылъ свои огорченія и вскинулся на крышѣ на всѣ четыре лапы, изображая изъ себя китайскаго дракона — съ шерстью дыбомъ.

— Ты у меня посмѣй еще сливки мои трескаться! — погрозился ему Саша; но въ это время князь вышелъ во дворъ крѣпости.

— Здравствуй, малышъ! Ну, что же, готовъ, ѣдемъ?

Вскочилъ въ сѣдло и повернулъ своего коня „Стрѣлу“ къ воротамъ.

Тяжело скрипя на ржавыхъ петляхъ, они широко растворились передъ всадниками. Казаки, подбираясь на сѣдлахъ, торопились за ними.

— Будьте осторожны! — крикнула имъ вслѣдъ Тамара Давидовна. — Черкесы шалять!

— Слушаю-сь!—приподнял фуражку князь.

Онъ это слышалъ каждое утро.

Несмотря на ранній часъ, солнце уже пекло здѣсь. Камни крѣпостной стѣны казались горячо нагрѣтыми. Рѣчушка, бѣжавшая шибко, каждою струйкой перекидываясь черезъ камушки, играла съ лучами. Они по песчаному дну ея, тамъ, гдѣ она расширялась въ крохотные плесы, выводили золотые дрожавшіе рисунки. Какая-то птица еще издали всполохнулась, взвилась въ высоту и уже тамъ, раскинувъ широкія крылья, наклонила головку съ острымъ клювомъ и давай высматривать, что это за всадники, нарушившіе ея утренній покой.

За рѣчкой начинались сады. Стояли миндальные деревья тутовники, вокругъ которыхъ на землѣ было пропасть опады—сорванныхъ вѣтромъ бѣлыхъ, мягкихъ, сладкихъ плодовъ; широколистый инжиръ точно показываетъ Сашѣ еще зеленые, но уже крупные кулачки вязкой винной ягоды. Точно осыпанныя всѣ краснымъ дождемъ, рубиновымъ блескомъ отливались вишни. И молчаливые, молитвенные, тянулись къ небесамъ кипарисы, какъ будто хотѣвшіе оборвать всѣ связи съ землей и унести въ недосягаемую синеву... И всюду, куда только хваталъ взглядъ Саши, стрекотали, звенѣли, чмокали, полыхались, свистали, верещали и пѣли птицы. Дрозды, точно подражая соловьямъ, старательно выдѣлывали свое стокатто; меланхолически отвѣчали имъ иволги; задорно и нахально въ концертъ этихъ маэстро вмѣшивались необузданные чижи, и гдѣ-то въ глубинѣ глухо и ровно отсчитывалъ дятель свои удары въ старую кору лѣснаго великана.

Проѣхали рѣчку. Изъ-подъ копытъ коней разбросались во всѣ стороны цѣлыя горсти брильянтовъ и изумрудовъ. Брызнуло въ лицо Сашѣ, онъ только засмѣялся этому свѣжему и ласковому привѣту горнаго потока...

И вдругъ лѣсная глушь и тишь со всѣхъ сторонъ охватили всадниковъ чарующей прохладою и тѣнью. Подъ ста-

рыми дубами стоялъ мракъ, и только вверху попадались горѣвшія зеленымъ свѣтомъ промежи. Тамъ рисовались такія переплетавшіяся въ чудные узоры арабески, въ нихъ голубѣло такое небо, что Саша вдругъ сталъ такъ веселъ, такъ веселъ, что погналъ коня въ самую глубь, нарушая очарованное молчаніе своимъ смѣхомъ и крикомъ. Ему казалось, что онъ несется въ какой-то страшный и чудный, заколдованный зеленый дворецъ, и тысячи великановъ съ его стѣнъ киваютъ ему своими зелеными длинными бородами, протягиваютъ ему корявыя, мозолистыя руки, тоже въ зеленыхъ уборахъ, дразнятъ его издалека кистями странныхъ большихъ цвѣтовъ...

Чу! въ глубинѣ что-то мелькнуло темное и грузно шархнулось въ сторону. Еще нѣсколько времени стоялъ глухой гулъ отъ тяжелаго и стремительнаго бѣга... Кабана подняли, вѣрно; теперь онъ направилъ клыки впередъ и несется подальше отъ людей, ища въ какомъ-нибудь сыромъ низѣ болѣе вѣрнаго пристанища. Ушелъ онъ, опять кругомъ только пѣніе птицъ и важный, медлительный шопоть листвы, кони все дальше и дальше уходятъ въ таинственныя лѣсва. Султанъ своею быстрою иноходью оставляетъ всѣхъ позади, что такъ любо мальчику, которому кажется, что онъ уже взрослый и ѣдетъ одинъ безъ провожатыхъ. Зачастую даже позади слышится крикъ встревоженнаго князя:

— Саша, гдѣ ты?

Но Саша молчитъ, и только топоть его коня выдаетъ мальчика.

— Ты что жъ не отзывается?—нагоняютъ его.

— Я и одинъ могу. Что бы вы думали?

— Можешь! Какъ выскочить изъ засады черкесъ.

— Что жъ, что выскочить...

— Взмахнетъ шашкой и срубитъ тебѣ голову.

— А я его плеткой.

— Безъ головы-то?

— А зачѣмъ голова?

— Вотъ тебѣ и на... Хорошо! Какъ же ты безъ головы махать будешь плеткой?

Мальчикъ задумывался и, дѣйствительно, соображалъ, что дѣло-то, вѣдь, швахъ—безъ головы. Онъ видѣлъ, какъ курицамъ Гордей рѣзалъ шею. Тоже потрепыхается-потрепыхается такая, и замретъ. Онъ пріостанавливался и ѣхалъ рядомъ съ княземъ, пока Султану это не надоѣдало, и онъ не забиралъ далеко впередъ.

По лѣсу текли ручьи, наполняя окружающую пустыню своимъ поэтическимъ журчаніемъ. Надъ ручьями носились въ солнечныхъ просвѣтахъ стрекозы, точно замирая въ воздухѣ, неподвижно разставляли свои прозрачныя сизыя крылья и только трепетали всѣмъ своимъ сухимъ блестящимъ тѣльцемъ надъ быстро бѣгущею водою. По стволамъ старыхъ лѣсныхъ великановъ скакали бѣлки,—только и различалъ Саша, что ихъ пушистые хвосты. Мелькнетъ здѣсь, смотришь, нѣсколько секундъ не прошло, а она ужъ вонъ гдѣ,—въ самой вершинѣ, да еще однимъ махомъ на другую вершину норовитъ маленькій звѣрокъ. Вонъ двѣ бѣлки заигрываютъ одна съ другою. Вокругъ большого дубоваго ствола суетятся. Спиралью вверхъ носятся, точно кто-нибудь двумя пушистыми хвостами все выше и выше, живо-живо обметаетъ дерево. Одна на вѣтку вскочила, и другая за нею. Вѣтка низко согнулась, но бѣлку не удивишь этимъ... Чу!.. Гдѣ онѣ? Саша только ротъ разинулъ. Князь, смѣясь, объяснилъ ему, что онѣ исчезли въ дуплѣ большой чинары. Тамъ у нихъ все хозяйство, — и домъ теплый, чистый, готовый и на зиму, и на лѣто. А лучше всего, что строить имъ его не приходится и платить за него никому. Самъ Богъ заботится о всякой мелкой твари.

VII.

Вотъ и лѣсъ порѣдѣлъ... Вдали видны какія-то желтыя осыпи и темныя скалы. Наши всадники пріостановились.

Только Султанъ нетерпѣливо храпѣлъ и порывался впередъ, закусывая удила и обливая ихъ пѣной. Онъ даже оборачивался къ Сашѣ, и тому казалось, что конь его безмолвно упрекаетъ: теперь бы намъ по чистому мѣсту и понестись! Къ самымъ горамъ тамъ прижался потокъ. Онъ родился съ недавними дождями, и ему суждено было умереть скоро. Довольно съ недѣлю еще постоять этимъ солнечнымъ днямъ, и отъ потока останется только размытое его водами ложе, сухое, какъ змѣиная кожа, и растрескавшееся, какъ кора стараго дерева. Надъ потокомъ скалы. За скалами другая гора съ ущельемъ между ними. Синее ущелье, тѣни тамъ и прохлады вдоволь,—такое синее, что все въ этой сини сливается, и не различишь многого. За ущельемъ на откосѣ — сакля. Вся бѣлая, точно сахарная, и за нею густой садъ. Хорошо тамъ, должно быть?!

— Дядя Ваня, поѣдемъ туда!

— Куда, Саша?

— А вонъ,—ишь, домикъ какой...

— Ну, такъ что жъ, что домикъ?

— И садъ...

— Попастъ-то туда попадемъ. Только какъ выберемся?

— У меня кинжалъ есть...

Дѣйствительно, тетя Маша какъ-то привезла ему изъ Тифлиса маленькій кинжалъ въ серебряной оправѣ и на серебряномъ поясѣ, и съ тѣхъ поръ Саша имѣлъ наивность считать себя грознымъ воиномъ, равнымъ, ну, хотъ Хаджи-Мурату, что ли. Ему казалось, что на такого джигита никто въ горахъ и въ лѣсу напасть не осмѣлится.

— Ты съ своимъ кинжаломъ ступай въ провіантскій магазинъ.

— Зачѣмъ?

— Съ крысами воевать настоящее твое дѣло! Да и то, пожалуй, крыса побольше твоего кинжала не испугается и носъ у тебя откуситъ.

Онъ только что хотѣлъ дать коню нагайкой и выѣхать

изъ опушки лѣса, какъ вдали показалось нѣсколько всадниковъ.

Несомнѣнно, черкесы... И, разумѣется,—немирные. Мирнымъ тутъ быть не полагалось.

Впереди ѣхалъ молодой, еще безбородый красавецъ, весь въ красномъ. И черкеска была на немъ красная, и шаровары красныя, и чевики тоже. Надъ бѣлымъ мѣхомъ папахи краснѣлъ также верхъ, отдѣланный золотымъ позументомъ.

За спиною у него висѣло ружье въ чехлѣ. Очевидно, что юноша ѣхалъ безъ дурныхъ намѣреній. Иначе у него ружье было бы вынуто изъ чехла. На поясѣ, какъ жаръ, горѣлъ великолѣпный, отдѣланный золотомъ и драгоценными камнями кинжалъ. Лошадь его, понурясь, переходила воду, захватывая ее ртомъ и глотая на ходу. За нимъ, несмотря на жару, ѣхалъ подъ башлыкомъ другой, одѣтый въ сѣрое верблюжье сукно, побѣднѣе; а позади догонялъ ихъ, понуря усталого коня, третій.

— Ваше сіятельство!—остановился, какъ вкопанный, выѣхавшій, было, впередъ казакъ.

— Ну... Что тебѣ, Столѣтовъ?

— А, вѣдь, это князь опять.

— Какой?

— Кай-Булатъ.

— Куда онъ пробирается?

— Должно, къ намъ.

— А вотъ сейчасъ узнаемъ. Держитесь за деревьями. Чуть что,—выручайте...

— Я съ тобой, дядя Ваня...

— Ни шагу впередъ, Саша! Чуть что,—свяжу. Слышишь? и самъ руками отдамъ тебя черкесамъ.

Онъ ударилъ коня и быстро вынесся за лѣсъ.

Неожидавшіе этого черкесы остановились, какъ вкопанные, посреди потока. Вода, шипя, быстро бѣжала черезъ ноги ихъ лошадей, воспользовавшихся этимъ и пившихъ ее вволю. Ѣхавшій вторымъ горецъ выхватилъ, было, ружье изъ чехла, такъ что посребренное дуло блеснуло только въ воздухъ, — но тотъ, кого казакъ Столѣтовъ называлъ княземъ, живо схватилъ за руку товарища и остановилъ его. Кай-Булатъ только зорко смотрѣлъ на безопасно подѣзжавшаго русскаго.

— Здравствуй!—крикнулъ ему тотъ.

Черкесъ въ красномъ медленно прикоснулся къ папахѣ...

— Откуда и куда ты ѣдешь?

— Кто ты такой, чтобы требовать такого отвѣта отъ князя Кай-Булата?

— Я, прежде всего, русскій офицеръ.

— Да, но мой отецъ тоже русскій полковникъ.

— Былъ когда-то... А теперь онъ только русскій измѣнникъ.

Кай-Булатъ привсталъ на стременахъ. Его молодое и красивое лицо залило кровью. Онъ положилъ, было, руку на рукоять кинжала, но тотчасъ же сдѣлалъ надъ собою усилие и уже спокойно отвѣтилъ князю:

— Ты плохо знаешь насъ, чтобы такъ говорить объ лучшемъ изъ вождей нашего народа. Отецъ служилъ русскимъ, пока имъ вѣрилъ. Былъ генералъ Ермоловъ, и онъ все время ѣздилъ съ нимъ. И Ермоловъ не назвалъ бы его, какъ ты теперь, измѣнникомъ. Измѣнниками оказались вы, русскіе. Вашъ Паскевичъ хотѣлъ заставить его драться противу своихъ, обманулъ отца. Ну, отецъ, вѣдь, души своей не продавалъ вамъ. Онъ ушелъ къ себѣ въ горы и поселился въ нихъ, никого не трогая. Вы первые разорили его ауль, отогнали табуны, перебили его скоть и пастуховъ. Кровь на вашей головѣ... Впрочемъ, не ему жаловаться. Онъ у васъ былъ только подчиненный, а у себя онъ свободный вождь вольнаго горскаго народа..

Молодой человекъ уже хотѣлъ проѣхать мимо, какъ вдругъ круто обернулся въ сѣдлѣ.

— Я тебѣ сказалъ, кто я! Жду теперь отъ тебя того же.

— Я—князь Гагаринъ...

Видимое дѣло, Кай-Булатъ зналъ его. Разомъ остановился и внимательно посмотрѣлъ на русскаго.

— Я радъ, что вижу тебя.

— Почему?

— Потому что въ бою буду знать, съ кѣмъ мнѣ особенно почетно сразиться. Храбрые должны искать себѣ равныхъ, а о тебѣ рассказываютъ въ горахъ немало. Есть матери,

которыя плачутъ при одномъ твоёмъ имени. Ты заставилъ ихъ осиротѣть.

— Ты не заѣдешь къ намъ въ крѣпость?

— Теперь?

— Да.

— Нѣтъ, князь. У меня другое дѣло въ виду. Да мнѣ и нечего дѣлать у васъ.

— Ты бы былъ моимъ гостемъ.

— Я не могу быть гостемъ человѣка, назвавшего моего отца измѣнникомъ. Прощай, князь!

— Прощай! Отчего ты не нападаешь на меня теперь? Вѣдь, я одинъ.

— Потому что Кай-Булатъ дерется только въ бою. И потомъ ты лжешь, русскій. Впрочемъ, всѣ русскіе лгутъ.

— Чѣмъ я лгу?

— У тебя за деревьями есть казаки... Ты не обманулъ меня ни на одну минуту. Впрочемъ, мы, можетъ быть, скоро встрѣтимся. Во всякомъ случаѣ, на дняхъ ты обо мнѣ услышишь...

Странное предчувствіе сжало сердце князя Гагарина непонятною тоскою.

Онъ внимательно посмотрѣлъ вслѣдъ молодому горцу.

— Что бы это значило?.. Что онъ задумалъ?

— Ваше сіятельство, ваше сіятельство! — тревожно слышалось изъ лѣсу.

— Ну, чего вамъ?

— Изъ ущелья черкесы выѣзжаютъ...

Князь внимательно посмотрѣлъ туда. Изъ синевы оставшагося въ тѣни провала, дѣйствительно, показалось нѣсколько папахъ. Очевидно, ѣхала цѣлая боевая партія, и Кай-Булатъ былъ только ея вождемъ.

Замѣтивъ русскихъ, всадники, было, остановились, но князь зналъ ихъ слишкомъ хорошо. Онъ крикнулъ Сашѣ: „держись!“, и ударилъ иноходца плетью. Лошадь, точно сослѣпу, вихремъ помчалась назадъ. Вѣтви и листья хлестали

мальчика въ лицо, хотъ онъ и самъ не понималъ, чего онъ такъ стремится къ крѣпости, хотъ времени у него еще довольно. Но, оглядываясь, онъ видѣлъ, что и казаки точно такъ же пригнулись къ лукамъ своихъ сѣделъ и опрометью несутся за нимъ, и князь не отстаеъ, а на лицѣ у него совсѣмъ несвойственное ему выраженіе крайней озабоченности. Скоро, впрочемъ, и Саша понялъ, въ чемъ дѣло. Не отѣхали они еще и полуверсты, какъ лѣсъ точно ожилъ...

Лѣсъ, дѣйствительно, ожилъ.

Каждый листъ его проснулся, гулъ наполнилъ дали. Гремѣло и звенѣло вездѣ. Саша охватилъ руками шею Султана, но благородному коню не нужна была эта ласка, онъ самъ выручалъ маленькаго всадника и несся впередъ, ничуть не кидая его изъ стороны въ сторону, не тряся его на дѣтскомъ сѣдлѣ, но быстро и прямо, какъ стрѣла. И въ этотъ разъ въ послѣшномъ бѣгствѣ ни казаки, ни князь не могли нагнать Сашу.

Мальчикъ съ ранняго возраста, едва ли не съ той минуты, какъ началъ ходить, приучался уже по тогдашнему кавказскому обычаю къ лошадямъ. Сначала онъ ѣздилъ на смирныхъ, такъ называемыхъ, артиллерійскихъ коняхъ, съ широкими крупами, толстыми и сильными ногами и медленной побѣжкой; потомъ ему мало-по-малу пришлось привыкнуть и къ другимъ. Теперь онъ и на Султанѣ чувствовалъ себя дома.

Погоня не отставала отъ нихъ. Мимо Саши въ разныя стороны мелькала встревоженная лѣсная дичь. Онъ даже и не подозрѣвалъ, что молчаливый боръ былъ такъ населенъ. Пригнувъ рога къ тонкимъ спинамъ, тѣнями мелькали между деревьями убѣгавшіе джейраны; вотъ, трусливо зажавъ хвостъ между задними ногами и поминутно оглядываясь, пронеслась сѣрая чекалка, вытягивая впередъ свою тонкую волчью морду; вонъ и самъ волкъ черкнулъ поперекъ дороги и спрятался въ зеленяхъ; чу! слышится тяжелый гулъ кабановъ, и ихъ подняла эта неожиданная-негадан-

ная атака. Лѣсъ заговорилъ тысячами языковъ. Положились птицы въ вершинахъ и высоко поднимались черными стаями. Уносились туда же хищные копчики и рыжіе ястреба... Со слѣпу заметался громадный пугачъ и надъ самую головою сашинаго коня грузно перемахнулъ съ одного дерева на другое...

Вотъ и иные звуки. Эти будутъ позловѣщій.. Точно трескъ сухихъ досокъ. Одну на другую швыряютъ ихъ. Только отъ досокъ не жужжали бы и не закружились въ воздухѣ свинцовые шмели. Вотъ одинъ шлепнулся въ кору дерева, около другой свистнулъ у самаго уха Саши, третій чкнулъ у головы его лошади, чуть тронулъ ея нервную кожу, но такъ, что Султанъ вскинулся на всѣхъ четырехъ копытахъ, и на его бѣлой шерсти рѣзко обрисовалась красная, яркая струйка. Скоро весь лѣсъ наполнился этимъ визгомъ, свистомъ, жужжаніемъ. Какіе безчисленные пчелиные и шмелиные рои поднялись за нашими всадниками! Впрочемъ, какіе же это рои! Дикими криками черкесы наполнили уже всю ту часть лѣса, которую оставилъ Саша съ княземъ и казаками.

Мальчику вдругъ сдѣлалось страшно, да такъ, что, самъ себѣ не давая отчета, что онъ дѣлаетъ, выпустилъ стремя и закинулъ, было, ногу, чтобы сползти съ коня на-лету. Хорошо, что князь замѣтилъ. Налетѣлъ вихремъ, какъ-то одной рукой ухитрился снять съ сѣдла Сашу и перекинулъ его къ себѣ. Теперь Саша въ безопасности. Отъ пуль его защищаетъ широкая спина дяди Вани! И, безсознательно слѣдя взглядомъ за своимъ конемъ, мальчикъ видитъ, что тотъ еще быстрѣе прежняго понесся въ крѣпость.

Слава Богу, порѣдѣло впереди. Лѣсъ раздался, начались сады. Мигомъ осталась позади и рѣчонка, только еще пуще чѣмъ прежде обрызгало нашихъ. И вдругъ чей-то крикъ...

— Кого это?—тревожно спрашиваетъ князь.

— Меня.

— Столѣтовъ, тебя?

— Точно такъ.

— Доѣдешь?

— Доѣду. Спервоначалу испугался. А только не стоюще, въ говядину. Кости не тронуло.

И не успѣли наши доскакать до воротъ, какъ изъ са-

довъ, тоже въ увлеченіи преслѣдованіемъ, вылетѣла цѣлая партія черкесовъ. Разстрѣлявъ свои патроны, они уже закинули ружья назадъ и теперь съ шашками наголо неслись сюда, торопя взмыленныхъ коней. И не ожидали, вѣрно, того, что имъ приготовили со стѣнъ укрѣпленія. Не успѣли показаться, какъ съ угловъ башни взметнулось облачко, блеснулъ снопъ огня, и раздался такой трескъ, точно одна изъ окрестныхъ скалъ разсѣлась до основанія. Картечью

осыпало черкесовъ... Съ другой башни такое же облачко и такой же трескъ... А тутъ вдругъ и ружья вызваннаго на гласисы гарнизона заговорили. Черкесы подобрали раненыхъ и живо повернули. Видимое дѣло, никакъ не рассчитывали и со-слѣпу наткнулись на крѣпость. Но этого уже не видѣлъ Саша. Черезъ дворъ бѣжала къ нему встревоженная Тамара Давидовна.

— Цѣлѣ, живѣ, не раненѣ?

— Не бойтесь, не бойтесь... Вотъ онъ вамъ въ полной неприкосновенности.

Слободчикова схватила сына и крѣпко прижала его къ себѣ...

— Я чуть съ ума не сошла. Султанъ прискакалъ одинъ безъ Саши... И потомъ вдругъ эта стрѣльба.

— На цѣлую партію разбойниковъ наткнулись,—началъ, было, объяснять князь, но его не слушали.

Больше всего суетился Прокуратка. Какъ всякій благородный котъ, онъ терпѣть не могъ неожиданностей. А тутъ вдругъ трескъ орудій, грохотъ ружейныхъ выстрѣловъ и мелкая, зловѣщая дробь барабана. Котъ вскинулся на дерево, съ дерева на крышу, съ крыши на мостовую, съ мостовой на Бланшетку, отбросившую его въ другую сторону, и, наконецъ, выгнувъ хвостъ французскимъ эсомъ, Прокуратка полетѣлъ на всѣхъ четырехъ лапахъ сразу, скокъ-скокъ, прямо въ погребъ къ мышамъ въ гости.

„И дастъ же Господь-Богъ столько трусости и суматошества этакой дряни“,—презрительно рассуждалъ про себя Балканъ, не пошевелившійся изъ своего тѣнистаго уголка даже и тогда, когда около него прямо въ камень чмокнулась шальная пуля. Онъ только вытянулъ морду и понюхалъ, не съѣстное ли, и убѣдясь, что со съѣстнымъ у этого чернаго комочка нѣтъ ничего общаго, зажмурился и еще вольготнѣ раскинулъ лапы.

— Вашему сыну, Петръ Александровичъ, Георгіевскій крестъ бы слѣдовало.

— А что?

— Молодцомъ держалъ себя.

— Только я его, князь, больше не выпущу за ворота.

— Да я его самъ не возьму. У меня чуть сердце не разорвалось, когда я подумалъ, что должна чувствовать Тамара Давидовна.

Черкесы исчезли.

Еще два раза ахнуло орудіе имъ вдогонку, и крѣпость смолкла. И не только смолкла, но, казалось, что только что описанной сцены не было и не могло быть среди этого благополучія и тишины.

Солнце стояло посреди неба. Башни и зубцы стѣнъ удивительно и красиво обрисовывались на его синевѣ. Чуть шелестѣли вѣтви и листья деревьевъ, и только Гордей наполнялъ внезапно воцарившееся молчаніе перебоемъ ножей. Онъ занимался священнѣйшимъ дѣломъ. Черезъ полчаса надо было подавать обѣдъ, и онъ готовилъ рубленыя котлеты.

Уже забывъ и черкесовъ, и все, Саша бочкомъ пробрался въ кухню и засунулъ, было, ложку въ какую-то кастрюлю, пахнущую особенно вкусно.

— Паничъ, я васъ за ухо и къ папашѣ.

— Я, Гордей, хотѣлъ только попробовать... Я, Гордей, такъ напугался черкесовъ, что теперь страшно ѣсть хочу. У тебя что тутъ, Гордей, а?

Дипломатическій подходъ Саша имѣлъ больше успѣха, чѣмъ его первоначальный наскокъ безъ спросу. Гордей молча отвернулъ полотенце, снялъ съ блюда три пирожка и сунулъ ихъ Сашѣ.

— Ъшьте, только смотрите, чтобы барыня не знала. А то мнѣ же достанется.

— Гордей, знаешь что?

— Ну?

— Дай мнѣ еще два, и я никому не скажу!

Гордей далъ еще, но только при этомъ взялъ Сашу за руку и вывелъ изъ кухни.

— Терпѣть не люблю, когда паничъ не въ свое мѣсто суется, — ворчалъ онъ про себя, неистово дорубливая котлеты.

Прокуратка тоже выползъ изъ погребѣ.

Обладая значительною боевою опытностью, онъ тоже не потерялъ времени даромъ. Заставъ въ подпольѣ какую-то разиню-мышь, онъ обработалъ ее такъ, что теперь отъ нея не осталось и косточекъ. Истребивъ такимъ образомъ врага, Прокуратка, какъ ни въ чемъ не бывало, вышелъ, сѣлъ на середину и сталъ умываться...

— Ишь, негодный,—гавкнулъ на него Балканъ,—ужъ и облизывается, и моется.

Но тутъ благородный песъ былъ возмущенъ еще больше.

Гордей крикнулъ въ окно: „Балкаша!“ и выкинулъ цѣлую массу всякихъ остатковъ. Не успѣлъ благовоспитанный Балканъ встать, не торопиться же ему, будто какому-нибудь неучу, какъ Прокуратка уже выхватилъ оттуда лучшей кусокъ и съ нимъ въ мгновение ока очутился на крышѣ, откуда собакѣ никакъ нельзя было достать своего обидчика.

— Ну, не негодяй ли?—жаловался съ визгомъ и воемъ на всѣ четыре стороны свѣта обиженный песъ. — Погоди, сойдешь!

Но, сидя на кровлѣ, Прокуратка мурчалъ и аппетитно доѣдалъ свою добычу, не безъ основанія рассчитывая на великодушіе и забывчивость пса...

— Ты, вѣдь, большой, а я маленькій,—мяукалъ онъ оттуда нѣжно и ласково.—А маленькаго всякій можетъ обидѣть. Только хорошо ли это?

IX.

Князь Иванъ Федоровичъ Гагаринъ, зайдя къ себѣ и переодѣвшись, только что хотѣлъ идти обѣдать къ коменданту, какъ вдругъ страшнымъ предчувствіемъ какой-то

бѣды опять его охватили слова, вскользь брошенныя Кай-Булатомъ: „мы еще встрѣтимся, вы услышите обо мнѣ“. Онъ вспомнилъ улыбку горца при этомъ и невольно вздрогнулъ.

На свѣтѣ у молодого офицера осталось одно дорогое и милое существо, это была вдова его бывшего начальника, сестра Тамары Давидовна, Марья Давидовна. Когда она была замужемъ, онъ ее любилъ съ такою чистотою и преданностью, что даже ея мужъ не находилъ въ этомъ чувствѣ ничего, чтобы могло оскорбить ее или его. Онъ даже, случалось, шутилъ: „погодите, князь, какая-нибудь пуля рѣшитъ между нами всѣ недоразумѣнія. Ухлопаютъ меня въ походѣ, и вы женитесь на Машѣ. Вы человекъ хорошій, и я противъ васъ ничего не имѣю“. Но когда это „недоразумѣніе“, дѣйствительно, случилось, и генерала убили, Марья Давидовна заявила сестрѣ и всѣмъ близкимъ людямъ, что она не понимаетъ и не признаетъ вторичнаго замужества. Она осталась молоденькою вдовой, и хотя князь нарочно поѣхалъ въ Тифлисъ, чтобы встрѣтиться и объясниться съ нею, она ему повторила то же.

Онъ вернулся мрачный, бросался въ самыя невозможныя экспедиціи и набѣги, и когда пришелъ въ себя, какъ всѣ благородныя натуры, не нашелъ въ душѣ своей ни малѣйшей горечи противъ любимой женщины. Напротивъ, къ прежнему чувству присоединилось глубокое уваженіе къ этому одинокому существу, такъ рано рѣшившемуся отказаться отъ всѣхъ радостей жизни, чтобы посвятить себя исключительно воспитанію маленькой дочери...

Почему-то угроза молодого князя Кай-Булата въ его душѣ сливалась съ воспоминаніями о Марьѣ Давидовнѣ, которую ожидали здѣсь въ крѣпости на-дняхъ. Что онъ ей ничего не можетъ сдѣлать по пути, это князь зналъ хорошо. Она ѣхала не одна и не съ простымъ конвоемъ, а съ оказіей, которую сопровождало пятьдесятъ штыковъ при двухъ орудіяхъ. Значить, горцамъ до нея не добраться. И все-

таки сердце у него болѣло и ныло... Онъ, впрочемъ, былъ слишкомъ мужественъ и привыкъ смотрѣть прямо въ глаза опасности, чтобы надолго поддаваться предчувствіямъ.

— Я, кажется, дѣлаюсь старой бабой,—принудилъ онъ себя засмѣяться, хотя въ то же время складка между его бровями придавала его лицу выраженіе все той же озабоченности.

Онъ надѣлъ черкеску, затянулъ поясъ съ большимъ кинжаломъ и, взявъ фуражку, вышелъ. На пути онъ вспомнилъ казака Столѣтова и направился къ доктору. Тотъ жилъ недалеко, у госпиталя, въ небольшой комнатѣ, рядомъ съ аптекой. Еще издали князь Иванъ Ѳедоровичъ разслышалъ любимую пѣсню обезноженнаго медикуса, какъ того называли въ крѣпости:

„Оторвали ножку,
Ступай жить домой!“

— Медикусь!

— Чего вамъ?

— Столѣтовъ былъ у васъ въ лазаретѣ?

— Какой Столѣтовъ?

— Казакъ.

— А что ему надо?

— Да вѣдь его ранили сегодня.

— Нѣтъ, не былъ.

— Ахъ, бестія! Вотъ я ему напою...

Князь быстро направился къ казакамъ, но, не доходя до ихъ казармы, наткнулся на Столѣтова. Тотъ, въ одномъ бешметѣ и на босу ногу, отплясывалъ гопака въ то же самое время, какъ двое его товарищей, Свейко и Бондарчукъ, играли что-то такое на губахъ, совсѣмъ, впрочемъ, не напоминавшее музыку.

— Ты это что же?

Столѣтовъ только что, было, вздумалъ продѣлать невѣроятное па, вскинулся на воздухъ, перевернулся въ немъ и очутился носъ къ носу съ начальствомъ.

— Ты это что же?

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Да вѣдь ты раненъ?

Столѣтовъ косо посмотрѣлъ себѣ на руку.

— Не то, чтобы...

— Какъ же это „не то, чтобы“?

— Потому оно точно чиряпнуло, а только настоящаго нѣтъ.

— Почему ты у доктора не былъ?

— Что же начальство беспокоить, начальству тоже покой требуется.

— Прикинется, можетъ быть гангрена. Понимаешь?

— Точно такъ. А только ей съ чего прикидываться?

— Почему?

— Это у господъ офицеровъ. Потому у нихъ кровь благородная...

— А у тебя другая, что ли?

— Какъ же можно сравнять... У насъ простая. Я селитры присыпалъ, и довольно.

— И не болитъ?

— Отчего ей не болѣть?.. Она свое дѣло знаетъ. Какъ ей не болѣть! Она болитъ.

— А ты пляшешь.

— Точно такъ... Чтобъ ей не повадно было.

— Все-таки поди сейчасъ къ доктору.

— Ваше сіятельство!.. Да нешто Карлъ Карловичъ что понимаетъ?

— Вотъ тебѣ и на!.. Какъ же не понимаетъ?

— Онъ не по-казацкому лѣчитъ. Сейчасъ раздѣвайся и въ постель. Онъ всякой ранѣ потачку даетъ. Съ нимъ разнедужишься. Такъ на ногахъ выходишь, а въ лазаретѣ сейчасъ на слабую порцію, ну, и конецъ. Нѣтъ, ужъ вы, ваше сіятельство, ослобоните. У насъ вонъ Бондарчукъ куда лучше Карла Карловича лѣчитъ. Я ужъ у Бондарчука.

Бондарчукъ вытянулся.

— Какъ же ты его пользоваться станешь?

— Пущай селитра сначала сокъ у него вытянетъ, а вечеромъ я чернобыльника нажую и положу на рану, а сверху чернымъ хлѣбомъ, коркой самой—и перевяжу.

— Ну?

— Послѣзавтра здоровъ казакъ будетъ.

— Да ты пробоваль?

— А еще бы!

— Онъ у насъ всѣхъ лѣчить. Мы къ Карлу Карловичу такъ ходимъ, чтобы онъ не обижался. А только лѣчимся по-своему. Потому Карлъ Карловичъ точно что хорошъ для господъ и для пѣхоты. А для казаковъ—ничего не стоитъ.

— Да вы что же—особенные, что ли?

— А то нѣтъ?.. У пѣхоты свое нутро, а у казаковъ свое. Князь засмѣялся и отошелъ прочь.

Не успѣлъ онъ обогнуть казачьи казармы, какъ Свейко и Бондарчукъ начали свою музыку на губахъ, а Столѣтовъ принялся старательно выдѣлывать самыя головокружительныя па, чтобы его ранѣ было не повадно, точно она могла понять, какъ казакъ мало обращаетъ на нее вниманія, и, обиженная этимъ, оставить его въ покоѣ.

— Хорошо, бисовъ сынъ, пляшетъ!— замѣтилъ Бондарчукъ.

— Запляшешь, какъ тебя пулей тронетъ, — глубокомысленно заключилъ Свейко.

— Своя логика, — рассуждалъ князь, направляясь къ Слободчикову. — Поди съ нимъ поспорь. Убѣжденъ, что у него, какъ у казака, и кровь, и нутро особья. А вѣдь и не родился казакомъ, а изъ Россіи попалъ въ казаки!..

X.

Жилъ въ этой крѣпости совсѣмъ особый солдатъ,—звали его Спиридономъ Ходовымъ, — и лучше имени нельзя ему было и придумать. Это оказывался бродяга самой чистой

воды. Ему не сидѣлось на мѣстѣ. Вездѣ въ другомъ мѣстѣ онъ бы пропалъ. Пожалуй, въ тѣ добрыя старыя времена за самовольныя отлучки и до шпицрутеновъ бы добѣгался, — а тутъ иное дѣло. На Кавказѣ повяли, что солдатъ онъ храбрый. Въ бою первый, грудью претъ и ничего не боится. А такъ ужъ у него и душа, и ноги устроены: надо въ спокойное время непременно бродить по полямъ, по лѣсамъ, по горамъ. И главное, бродить, не спрашиваясь. Такая ужъ у него природа была. Съ позволенія онъ не находилъ никакого удовольствія. Особенно какъ прикажутъ ему: будь тогда-то и тогда-то домой. И совсѣмъ носу бы за крѣпость не высунулъ.

Слободчиковъ понялъ эту натуру и предоставилъ ему уходить, когда и куда онъ хочетъ, и возвращаться назадъ тоже по собственному усмотрѣнiю; и вдругъ Ходовъ сталъ для всей крѣпости дорогимъ и незамѣнимымъ человѣкомъ. Набѣтъ дичи, джейрановъ, тащить ихъ господамъ офицерамъ. Невѣдомо какими путями, должно быть, сталкиваясь на охотѣ, на заводилъ себѣ кунаковъ между немирными черкесами, и не успѣютъ шевельнуться, какъ онъ тутъ какъ тутъ, ночью стучится въ ворота, будитъ коменданта и предупреждаетъ его объ опасности.

Ходовой побывалъ и въ немирныхъ аулахъ, и тамъ его принимали, какъ гостя, и онъ высмотрѣлъ до тонкости всѣ подступы къ нимъ. Случись экспедиція въ горы, безъ этого бродяги не обойдешься. Онъ все свое лодырство и бездѣльничество разомъ отслужить. Такого человѣка не то что преслѣдовать, напротивъ, надо было отнюдь не стѣснять. Въ Россiи онъ бы умеръ подъ палками, а тутъ, въ горномъ узлѣ, ему цѣны не было. Чѣмъ онъ питался въ своемъ бродяжествѣ, объ этомъ никто не зналъ. Возьметъ, бывало, краюху хлѣба дня на два, а пропадетъ на мѣсяцъ. Его считаютъ уже погибшимъ. Даже писарь любопытствуетъ у адъютанта: „какъ-де прикажете, рядового Спиридона Ходового „безъ вѣсти считать?“ и вдругъ онъ является, какъ

ни въ чемъ не бывало, съ цѣлымъ ворохомъ дичи и съ еще большимъ ворохомъ всякихъ важныхъ новостей, по поводу которыхъ случалось даже казаковъ съ летучками посылать къ высшему начальству.

— Да чѣмъ же ты живешь, чудакъ этакій?—спрашивали его.—Вѣдь ѣсть надо.

Ходовой задумывался. Тоже вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, безъ ѣды не обойдешься.

— Бываютъ... корешки...—неопредѣленно отвѣчалъ онъ самъ, видимо, не давая себѣ отчета, чѣмъ онъ все это время продовольствовался.

На первыхъ порахъ онъ накидывался на кашу, на баранину, ѣлъ за десятерыхъ, спалъ безъ просыпу по цѣлымъ суткамъ. Отѣввшись и отославшись, онъ шелъ къ ротному цырюльнику, брился, потомъ чистился и недѣли двѣ строго исполнялъ крѣпостную службу. Видимое дѣло, старался быть настоящимъ солдатомъ, и въ это время, дѣйствительно, мало кто могъ сравняться съ нимъ. Онъ и одѣтъ былъ хоть куда, и ружье у него въ полной исправности, и амуниція такъ вычищена и блеститъ, что солнцу и тому досадно смотреть на нее. На часахъ молодець-молодцомъ, хоть картину съ него пиши, ни одинъ изъ крѣпостныхъ солдатъ съ нимъ не справится и не сравняется...

Но дни идутъ за днями, ночи за ночами, и вдругъ Спиридонъ Ходовой начинаетъ задумываться. Небо синее, безоблачно. Горы въ дивной красотѣ тонуть въ его лазури. Ущелье каждое чудится открытою дорогою въ какую-то заманчивую таинственную даль. Смотритъ, смотритъ бродяга съ валовъ и стѣнъ крѣпости. Ишь, какъ вѣтеръ бѣжитъ по верхушкамъ лѣса; какъ потоки свѣтятся подь солнцемъ, точно дразнятъ... А цвѣты такъ пахнутъ, дышишь, дышишь, не надышишься. Ночью луна встаетъ надъ крѣпостью, длинная тѣни лягутъ на освѣщенные площадки. Тополь весь сквозной надъ церковью, и чувствуетъ Ходовой, что у него подь сердцемъ сосетъ. Еще два дня поборется, и вдругъ исправно

Сложить казенное добро на своей кровати, одѣнуть лохмы

какія-то, возьметъ ружье и, точно никто не видитъ этого, пробирается бочкомъ да тишкомъ къ воротамъ.

— Уходишь, Спиридонъ?

— Угу!—какъ-то не отвѣчаетъ, а хмыкаетъ Ходовой.

— Ну, прощай.

Онъ хмурится. Зачѣмъ-де замѣчаютъ это, потому что и самъ онъ свои отлучки считалъ слабостью, чѣмъ-то въ родѣ запоя, что ли.

Выходилъ онъ изъ крѣпостныхъ воротъ бирюкомъ, тяжело, по-медвѣжьи, переваливаясь съ ноги на ноги; но чѣмъ дальше отъ него были свои, тѣмъ и поступь становилась легче и увѣреннѣе; а когда башни съ часовыми совсѣмъ исчезали за свѣжею и густою зеленью садовъ, онъ шель уже впередъ быстро и ловко, какъ охотникъ, привыкшій къ лѣсу и свободѣ. И чѣмъ гуще окружалъ его лѣсъ, чѣмъ самый видъ человѣка казался страннѣе среди окружавшей его дичи и глуши, тѣмъ слаще было на душѣ Ходового. Онъ, молчаливый и исполнительный въ крѣпости, тутъ уже начиналъ что-то про себя мурлыкать, а совсѣмъ отойдя въ сторону отъ всего жилого, уже распѣвалъ свои пѣсни, разговаривалъ самъ съ собою и смѣялся. Но лучше всего онъ чувствовалъ себя, когда и лѣсъ оставался позади, и передъ Спиридономъ раскидывались утесистые горные склоны съ золотыми понизьями и синими ущельями между ними. Добравшись сюда, онъ, кажется, даже забывалъ, что онъ русскій. По-горски онъ говорилъ отлично. Лохмотья его нельзя было отличить отъ такихъ же любого шапсугскаго бродяги. Онъ, если и встрѣчалъ такихъ, то искренно считалъ ихъ своими, какъ и они его. Случалось, онъ по недѣлямъ шлялся съ ними въ такой глуши, которая еще и не грезилась ни одному русскому. Забираясь на вершины, спалъ между скалами или попадалъ въ невѣдомые аулы, входилъ въ первую попавшуюся ему саклю, снималъ съ себя кинжалъ и ружье, отдавалъ ихъ хозяину и затѣмъ уже считалъ себя вполнѣ дома. Законы гостепріимства запрещали черкесамъ спрашивать его, кто онъ и откуда, а самъ Спиридонъ былъ далеко неразговорчивъ.

Многіе думали, что онъ бѣжить отъ мести, что на немъ кровь, и давали ему пріютъ. Онъ работалъ кое-что по дому, спалъ на плоскихъ крышахъ, билъ джейрановъ и приносилъ ихъ въ семью своего хозяина, съ его сыновьями отбивалъ сосѣдскихъ коней, и разъ вышло даже такъ, что, самъ не зная, какъ это съ нимъ приключилось, онъ попалъ въ общій набѣгъ противу своихъ же русскихъ, хотя и не въ сторону крѣпости. Опомнившись, онъ ушелъ съ перваго же ночлега и такимъ образомъ не оказался измѣнникомъ, а вѣдь было уже около того.

У каждаго черкеса, какъ бы ни была бѣдна сакля, а въ ней непремѣнно строилась кунацкая горница для гостей.

Богатые выводили для этого отдѣльные дома—хаджичижъ. Сюда на убранство шло лучшее, что оказывалось въ распоряженіи у хозяевъ. Во всемъ, бывало, себѣ откажетъ, но кунацкую устроить такъ, чтобы слухи о немъ и его гостепримствѣ распространялись какъ можно дальше. Гость здѣсь оказывался священной особою, даже если бы онъ былъ преступникомъ или кровнымъ врагомъ. Случалось, что тутъ хозяева умирали, отстаивая своихъ гостей отъ всякихъ нападеній. Стоило кому угодно войти въ ближайшую саклю, и онъ былъ вполне безопасенъ.

— Благословеніе на домъ твой и на жену твою, — говорилъ онъ на порогѣ. — Во имя славныхъ дѣлъ твоихъ, сѣдой джигитъ, требую гостепримства, сѣдла и бурки.

— Голова моя, — отвѣчалъ хозяинъ, — и зарядъ за друга и недруга. Ты — гость и, стало быть, властелинъ мой.

Въ глазахъ черкеса не было такой услуги, которая унизила бы его, если бы онъ оказалъ ее гостю. Важные люди, пользовавшіеся значеніемъ въ своемъ аулѣ, держали стремя какому-нибудь оборванцу. Его вели подъ руки въ кунацкую на ковры и подушки. Въ саклѣ тотчасъ же разводили огонь. Рѣзали барана, а иногда и быка. Угощеніе гостя было праздникомъ всему аулу. Сосѣди принимали въ немъ большое и ближайшее участіе. Торжество начиналось появленіемъ до-

черей хозяина съ водой и полотенцемъ. Онѣ обмывали ноги гостю. Потомъ вносили 'обѣдъ или ужинъ, насколько возможно обильнѣе. Ъли и пили при этомъ такъ, что надо было измуляться вмѣстимости ихъ желудковъ. *Паста*, густо сваренная просяная каша, не сходила со стола. Она рѣзалась ломтями и замѣняла нашъ хлѣбъ. За нею слѣдовали *хитхунсъ*, — похлебка съ бараниной, *махсымъ*, — буза или брага. Зарѣзаннаго для гостя барана варили цѣликомъ въ громадномъ котлѣ и подъ названіемъ *быомаза* подавали на столъ; слѣдующія блюда: *шипсъ* — кисълое молоко съ чеснокомъ, *китленсъ* — курица съ лукомъ и т. д. безъ передышки вносили одно за другимъ. Число кушаній иногда было ужасно. Въ 1827 году Натухейскій старшина Дещеноко-Темировъ, угощая анатолійскаго сераскира, Гассана-пашу, подалъ ему за обѣдомъ сто двадцать блюдъ. Отказъ въ гостепріимствѣ позорилъ не только хозяина, но и весь его родъ. Хуже этого была только трусость въ бою. О такихъ, если они и случались, черкесская пословица говорила: „ты ѣшь одинъ, не дѣлясь, какъ ногайскій князь“. По черкесскому закону, оскорбившій гостя платилъ хозяину дома штрафъ въ одну „сха“, равняющуюся 60 — 80 быкамъ. Въ случаѣ убійства гостя, виновный выплачивалъ хозяину дома девять „сха“, т. е. 540 — 920 быковъ и, сверхъ того, цѣну крови, слѣдующую родственникамъ убитаго. Гостей даже одаривали, что породило особый промыселъ. Явились, такъ называемые, „хачеуако“, т. е. гости съ просьбой. Они всю жизнь существовали на счетъ другихъ и, являсь въ гости къ князю, выпрашивали у него лошадей, быковъ, барановъ. Зато между черкесами не бывало примѣровъ, чтобы кто-нибудь умиралъ отъ голода.

Понятно, что при такихъ условіяхъ Спиридонъ Ходовой, отлично знавшій языкъ племенъ, среди которыхъ онъ бродяжничалъ, всюду въ аулахъ встрѣчалъ добрый пріемъ. Нагостившись, наохотившись, онъ вдругъ начиналъ тосковать.

— Что съ тобой? — спрашивали его „кунаки“.

— Домой пора.

— Погости еще. Развѣ у насъ тебя дурно принимали?

— Нѣтъ, я всѣмъ доволенъ... А только не могу.

Онъ прощался. Ему предлагали коней, — онъ отказывался.

Спиридонъ никакъ не могъ привыкнуть ѣздить на нихъ. Всю жизнь на ногахъ, а теперь ему поздно было переучиваться.

— Я не казакъ, — оправдывался онъ. — У меня Божьи ноги!..

И брелъ назадъ, крестясь издали при видѣ еще такъ недавно опостылѣвшихъ ему стѣнъ и башенъ своей крѣпости.

XI.

На этотъ разъ не успѣли еще въ комендантскомъ домѣ сѣсть за столъ, какъ въ прихожую вскочилъ фельдфебель.

— Чего вамъ, Степанъ Афанасьевичъ, — вѣжливо спросилъ его вѣстовой.

— Поди, доложи коменданту, — дѣло есть.

— Кушать собираются.

— Ничего, потревожь.

— О чемъ же, собственно, ежели спросятъ?

— Самъ не знаю, развѣ этотъ лодырь скажетъ что. Молчитъ и глядитъ въ землю. Поди, допросись у него.

Вѣстовой пошелъ къ Петру Александровичу.

— Здравствуй, Астафьевъ.

— Здравія желаю вашему высокоблагородію.

— Водки хочешь?

— Радъ стараться, ваше в—іе.

— Степанъ, подай. Ну, въ чемъ дѣло?

— Ходовой явился.

— Такъ... Цѣль и невредимъ?

— Что ему сдѣлается!

— Ну?

— Говорить: доложи его высокоблагородію, важное дѣло имѣю. И главная причина, чтобы сейчасъ. Ни минуты ждать не хочетъ

— Зови его.

Ходовой ввалился въ переднюю. На сей разъ, видимо, такъ торопился, что не переодѣлся, не выбрился.

— Хорошъ! медвѣдь-медвѣдемъ!

Ходовой косился на себя.

— Откуда пожаловаль?

— Изъ верхнихъ ауловъ.

— Чего тебя носило туда?

— Кунакъ дочку замужъ продаваль.

— А тебѣ какая бѣда?

— Нельзя,—зваль онъ.

— Ну, въ чемъ твое дѣло?

— Разбойники эти собираются на крѣпость напасть. Вчера пріѣхаль къ нимъ князь старый, Кай-Булатъ, въ мечети уещаль. Съ нимъ шамилевскіе наибы были.

— Много?

— До трехъ десятковъ. Потомъ, какъ я ночью ушелъ,— смотрю, внизу ужъ по ущельямъ до пропасти ихняго брата. Должно, къ вечеру будутъ...

— Какъ они тебя не поймали?

— Гдѣ имъ поймать! Я къ дереву прижмусь, никто отъ горы не отличить. Въ логъ лягу, кому разобрать!

— Сколько ихъ, примѣрно?

— Тысячи двѣ будетъ.

— А верхніе аулы примкнутъ къ нимъ?

— Нельзя имъ не примкнутъ, ваше высокоблагородіе. Самъ князь тамъ. Не могутъ они его не послухать.

— Такъ. Водки хочешь?

— Благодаримъ покорно...

Слободчиковъ прошелся по передней. Онъ отлично зналъ этого бродягу и понималъ, что тотъ ни его не обманетъ, ни самъ не обманется. Опасность, дѣйствительно, должна быть

очень велика. Слѣдуетъ дать знать объ этомъ въ Прочный Окопъ; но кто теперь сумѣетъ пробраться сквозь густыя полчища черкесскаго набѣга?

— Послушай, Ходовой! Хочешь получить Георгія?

— Радъ стараться...

Но это онъ отвѣтилъ такъ равнодушно, точно предлагаемое отличіе не приводило его въ особенный восторгъ.

— Вотъ что. Ты только одинъ можешь сослужить мнѣ службу.

— Слушаю-съ.

— Думаешь ты, что есть еще способы пройти нашимъ въ Прочный Окопъ?

— Прямикомъ?

— Да, скорѣе. Берегомъ вѣдь и въ недѣли двѣ не доберешься?

— Точно такъ-съ.

— А черезъ нихъ, черезъ шайки эти?

— Такъ-то оно по обыкновенному, напрямикъ ежели, никакъ нельзя!

— Ну?

— А ежели прикажете,—можно.

Слободчиковъ улыбнулся.

„Своя логика у этихъ людей!“ пришло ему въ голову.

— Я тебѣ приготовлю письмо къ генералу. Сумѣй ему передать... Слышишь?

Ходовой хмыкнулъ ему что то.

— Ваше высокоблагородіе!

— Ну?

— Напишите только, чтобы меня тамъ не оставляли.

— Какъ же ты назадъ черезъ эти скопища?

— Никто, какъ Богъ.

— Тамъ бы ты отдохнулъ.

— Нѣтъ, ужъ я сюда. Помилуйте. Тутъ церква, товарищи... Лѣсъ таперица... Ну, и по горамъ кунаки.

— Да вѣдь если разъ тебя судьба выручить, то на обратномъ пути убить могутъ.

— Это что жъ? Это ужъ такъ положено, чтобы каждому помирать въ случаѣ чего.

— Ну, хорошо. Я попрошу съ тобой же прислать мнѣ отвѣтъ. Когда можешь выйти?

— Я только у ротнаго котла поѣмъ.

— Ладно! Только не болтай, смотри! Чтобы здѣсь до времени не знали.

Ходовой пошелъ къ себѣ. Онъ мечталъ объ этомъ ротномъ котлѣ, Богъ знаетъ, сколько времени, и по-своему ему пріятно было повидать товарищей; но когда они его обступили, — оказался медвѣдь-медвѣдемъ. Слова они отъ него добиться не могли. Хмыкаетъ только про себя.

— Вотъ лѣсовикъ!..—смѣялись они. — Что жъ таперича къ цырюльнику нейдешь?

Онъ молча оглядывалъ ихъ всѣхъ и продолжалъ ѣсть.

— Ишь, обросъ какъ... Медвѣдь и есть.

— Не до цырюльника мнѣ, — буркнулъ онъ.

— Ишь, ты... А служба?..

— И на службу не пойду.

— Вотъ-те и на! Куда жъ ты?

— Опять въ горы!

— Зачѣмъ?.. дырявая твоя голова!

— Про то начальство знаетъ зачѣмъ. Джейрановъ начальству стрѣлять, вотъ зачѣмъ.

— Ну, и лодырь ты у насъ, Ходовой!

Но онъ уже не обращалъ на нихъ вниманія.

Послѣ обѣда завалился спать и спалъ до сбора къ вечернѣ.

Потомъ пошелъ въ церковку, поставилъ Спасу свѣчу и долго, и жарко молился. Впрочемъ, и молитва у него была не какъ у другихъ, а своя особенная. Онъ только неотступно смотрѣлъ на образъ и крестился. А о чемъ онъ думалъ въ эти минуты, — едва ли бы онъ и самъ далъ себѣ отчетъ...

Когда стемнѣло, онъ всталъ, направился къ коменданту и, нѣсколько времени спустя, вышелъ за ворота крѣпости.

Солдаты замѣтили только одно: на этотъ разъ за воротами онъ сталъ на колѣни, помолился на крестъ, виднѣвшійся изъ-за стѣнъ, и потомъ низко поклонился въ землю.

Кому? Часовому что ли, который недоумѣло глядѣлъ ему вслѣдъ?

Скоро его неуклюжая, лохматая фигура слилась съ потемками.

Крѣпость погрузилась во мракъ и молчаніе. Только одни: „слушай!“ часового раздавались надъ нею.

ХII.

По Казальтапинскому ущелью шла „оказія“.

Оказіи въ тѣ времена были нервами, соединявшими отдаленныя крѣпости съ большими городами и самый Тифлисъ съ Россіей, жилами, по которымъ приливала жизнь и кровь въ отдаленнѣйшіе закоулки.

Впереди двигались трое казаковъ, внимательно оглядывавшихъ окрестности; позади, подъ прикрытіемъ двадцати пяти штыковъ, артиллеристы везли орудіе, на желтой мѣди котораго солнце сверкало яркимъ, рѣжущимъ глаза блескомъ. За орудіемъ медленно ползли телѣги съ провіантомъ, порохомъ, снарядами для крѣпости. Вмѣстѣ съ ними слѣдовалъ прочный тарантасъ, въ которомъ ѣхала къ сестрѣ Марья Давидовна съ дочкою Лизой. За тарантасомъ опять орудіе съ тѣмъ же количествомъ штыковъ, но казаковъ уже двадцать всадниковъ, то выѣзжавшихъ въ стороны, то растягивавшихся по бокамъ маленькаго отряда. Рядомъ съ тарантасомъ, крутя усы, гарцовалъ на поджарой кабардинкѣ молоденькій поручикъ, старавшійся завязать, во что бы то ни стало, разговоръ съ интересной вдовой, придумывавшій для этого великолѣпнѣйшія фразы, но путавшійся всякій разъ въ рѣшительный моментъ. Мысленно ругая себя, онъ краснѣлъ, терялся, отъѣзжалъ назадъ или впередъ, притво-

ряясь, что ему надо было тамъ распорядиться, и опять возвращался къ тарантасу.

— Что, поручикъ, теперь скоро крѣпость?—спрашиваетъ его Марья Давидовна.

— Крѣпость?.. Ахъ, да, крѣпость... скоро... То есть не скоро, къ вечеру.

— А не могу ли я выѣхать впередъ?

— То есть, какъ это?

— Дайте мнѣ двухъ казаковъ, они меня проводятъ. Я все-таки выгадаю такимъ образомъ нѣсколько часовъ.

— *Madame la generale* (едва ли это было не единственной извѣстной ему французской фразой), *madame la generale, permettez, т.-е., pardon*, но со всѣмъ моимъ страстнымъ желаніемъ исполнить каждое ваше желаніе, т.-е. нѣтъ, ваше приказаніе, ибо воля женщины, такъ сказать... Но я получилъ на сей разъ опредѣленные указанія, и потомъ тутъ вездѣ немирные черкесы. Чуть что, и вы будете въ плѣну... Въ оказіи вы безопасны. Они могутъ добраться до васъ только чрезъ мой хладный трупъ... Пока я живъ, вы, ваше превосходительство, спокойны, но когда пуля пронзитъ это сердце,—ткнулъ онъ себя въ грудь, — я уже ни за что не отвѣчаю!

И довольный собой, онъ ударилъ коня; тотъ вынесся впередъ, споткнулся о камень, и поручикъ полетѣлъ ему черезъ голову. Казаки спѣшились и живо подхватили его.

— Вы ушиблись?

— Марья Давидовна! ваше участіе... настоящій бальзамъ, который, который...

И онъ путался, видя себя совсѣмъ въ пыли. Лиза откровенно смѣялась.

— Молчи, Лиза, какъ тебѣ не стыдно!

— Не могу, мама.

— Какъ не можешь?

— Такъ... Этотъ офицеръ точно не всагомдѣлишній, а нарочно.

И она опять принималась хохотать.

— Вамъ не больно?..—заботливо добивалась генеральша.

— О, помилуйте... Смѣю ли я, permettez, я сейчасъ почи-
щусь... Гаврюшка, каналья, смахни пыль! Не видишь, развѣ?

Pardonez-moi madame la generale, но хоть я и не получилъ воспитанія въ корпусѣ, и не былъ на балахъ у намѣстника, но все-таки чувствую, насколько я долженъ быть смѣшонъ въ вашихъ, — онъ хотѣлъ, было, сказать „очаровательныхъ“, но запнулся и послѣ невольной паузы тихо проговорилъ: — въ вашихъ глазахъ. Вы привыкли къ большому свѣту, такъ сказать, къ высшему обществу, къ самому деликатесу, а я, разумѣется, изъ юнкеровъ, и, быть можетъ, вы надо мною смѣетесь.

— О, нѣтъ, зачѣмъ!

— А между тѣмъ, я эти незабвенныя минуты впишу-сь въ скрижали сердца, потому что намъ не часто случается сопровождать такой эфиръ...

— Какъ эфиръ? — не поняла она.

— Это я изъ романа, ваше превосходительство. Извольте знать:

„Скажите мнѣ, зачѣмъ пылаютъ розы
Эфирною душою по веснѣ?“

— Я вамъ даже такъ откроюсь, что, если бы меня папаша больше сѣкъ, то по своимъ чувствамъ, получивъ надлежащее образованіе, я самъ сдѣлался бы, какъ это... Ну, сталъ бы стихи писать, которые въ „Библіотекѣ для чтенія“...

— Вотъ какъ.

— Да-съ, помилуйте. У меня товарищъ есть, — онъ въ Пятигорскѣ Лермонтова видѣлъ... Лодырь, говоритъ, и ни чего у него во взорѣ особеннаго, и пуговицы на скюртукѣ вѣчно растегнуты. А я всегда былъ исправнымъ офицеромъ. Меня начальство одобряетъ. Кто же бы изъ насъ лучше стихъ слагалъ? Надѣсь, я. Не такъ ли? А только я по-французскому не отполировался, но душа у меня, можетъ быть, и получше-съ французской. Вы какъ думаете?

— Я?.. Душа не отъ образованія зависитъ.

— Истинно-съ, а отъ направленія чувства... Виновать, Дозвольте впереди распорядиться.

Онъ полетѣлъ впередъ, гдѣ прикрытіе слишкомъ отстало отъ пушки.

Ему ужасно хотѣлось щегольнуть передъ Марьей Давидовой своей распорядительностью, и голосъ его сейчасъ же громко раздался по всему ущелью.

— Не можете себѣ представить, ваше превосходительство, какъ трудно ходить съ этими скотами.

— Какими?

— Съ солдафонами.

— Отчего же скотами? Я ихъ очень люблю и цѣню. Я съ покойнымъ мужемъ бывала въ походахъ и помню, какіе прекрасные люди были между этими солдатами. У меня сохранилось къ нимъ благодарное чувство. Я никогда не забуду, сколькимъ имъ обязана.

— Это вы по возвышенности своей природы такъ разсуждаете.

— Нѣтъ, напротивъ. Мнѣ случалось близко сходитьсь съ ними, всматриваться въ нихъ.

— Вы изволили читать стихи Бей-Булатъ?

— Нѣтъ... Какіе?

— Я помню только начало-съ:

„Капустный листъ съ благоуханной розой
Возможно ль намъ, о други, сочетать?“

— Я, Марья Давидовна, много стиховъ читалъ, но только начало помню. Какъ третья строчка, — такъ и изъ памяти вонъ, а ужъ до четвертой никакъ не дойду. Отношу я это къ недостаткамъ моего образованія; впрочемъ, военные артикулы знаю твердо и въ послѣдствіи надѣюсь украсить себя и дальнѣйшими полезными свѣдѣніями. Вотъ хоть бы взять польку трамблянъ. Я въ крѣпости Грозной цѣлый годъ служилъ и, въ свободное отъ гарнизонной службы время, изучилъ этотъ легкій танецъ... Потомъ мѣстные дамы ободряли. Съ вами, говорили, поручикъ Сивогрѣвъ, не соскучишься: вы польку трамблянъ хорошо станцовать можете.

Какъ ни сдерживалась Марья Давидовна, но ей очень хотѣлось разсмѣяться надъ начальникомъ оказіи.

— Въ крѣпости я попрошу Петра Александровича испытать меня, и если вы не откажетесь быть моей дамой, такъ я даже любому гвардейскому офицеру утру носъ. Надъ нами, надъ армейцами, только...

И оборвался.

Изъ-за одной скалы на высотѣ послышался выстрѣлъ. Грянулъ и точно прокатился по ущелью.

Поручикъ точно въ высоту взмылъ. Прямо на огонь полетѣлъ; опять грянуло, и вдругъ онъ съ конемъ закрутился съ крутизны. Когда его подняли, офицеръ оказался сильно помятымъ, а кабардинка убитой. Не успѣли казаки насторожиться, наставить орудіе, а пѣхота кинуться туда въ штыки, какъ сверху уже посыпались сотни выстрѣловъ, и между камнями утесовъ замелькали красныя папахи.

— Черкесы!.. Черкесы!..

— Оказія, смирно!..

И помятый офицеръ какъ будто выросъ. Откуда онъ взялъ этотъ повелительный голосъ?

— Комленко,—картечь!.. Казаки,—разсыпья и охватывай ихъ съ фланга... Стрѣлки,—за мною впередъ!..

Горнисть съ лету уловилъ его приказаніе, и по всему ущелью прокатился звучно и далеко сигналъ того времени:

„Дружина храбрая, впрередъ,
Дирекція направо!..“

XIII.

Наши бросились въ атаку, но довольно мудрено было захватить горцевъ, сидѣвшихъ наверху, за камнями. Оказія была имъ видна отлично, но ни солдатамъ, ни казакамъ не удавалось уловить ни одной фигуры горнаго разбойника опредѣленно. Мелькали красныя папахи, сѣрья черкески

и только. Брызгали туда картечью, подрывъ хобота орудій. Обѣзжали казаки партію джигитовъ и справа, и слѣва, но всюду натыкались на отвѣсы и крутизны, которыхъ одолѣть конямъ нельзя было. Въ своихъ засадахъ нападавшіе были

безопасны. Вонъ блеснуло дуло ружья... Чья-то бритая голова обрисовалась подъ солищемъ. Стрѣлки ухнули туда цѣльнымъ залпомъ, но, очевидно, не попали, потому что одинъ черкесь надѣлъ папаху на ружье, поднялъ его и помахалъ въ воздухѣ, подражая сигналамъ сторожевого на стрѣльбѣ, когда онъ даетъ знать, что пуля пролетѣла мимо.

— Ахъ, ты, разанаема этакій, — злилась пѣхота. — Еще смѣется!

Офицеръ, только что потѣшавшій дамъ своими вывертами и дубовыми любезностями точно преобразился. Фуражку заломилъ на затылокъ и смѣло шелъ впередъ на выстрѣлы, видимое дѣло, привыкнувъ къ опасности до того, что и не замѣчалъ ея. Онъ поспѣвалъ всюду, и къ казакамъ, и къ орудіямъ, и къ стрѣлковой ротѣ... Пули свистали вокругъ его головы, но ему было не до того. На его рукахъ была „оказія“, слѣдовательно, разсуждать о личной опасности было некогда. Надо отбиться во что бы то ни стало. Сверху эти такъ спокойно засѣвшіе за прикрытіе молодцы перебьютъ всѣхъ, если оставаться на мѣстѣ, ничего не дѣлая. И то уже пули пронизали верхъ тарантаса. Двѣ или три прожужжали надъ самыми головами Марьи Давидовны и Лизы. Первая была слишкомъ привычна къ боевой обстановкѣ, чтобы обращать на нее вниманіе... Она не разъ въ своей жизни наталкивалась въ походахъ съ мужемъ на такія неожиданности. Ей было только страшно за Лизу; прикрывъ дѣвочку собою, она спокойно ждала конца этой стычки.

— Ребята! Такъ ихъ не выбьешь...—крикнулъ офицеръ.

— Куда выбить изъ-за каменю.

— Вотъ что, братцы!.. Горнисть, сборъ.

Рѣзкій звукъ трубы наполнилъ ущелье.

Всѣ опять кинулись внизъ.

— Не дай Богъ, въ порохъ попадутъ. Всю оказію на воздухъ взорветъ,—сообразилъ поручикъ.

Какъ разъ около былъ утѣсь. Онъ завезъ на него телѣги съ снарядами и боевыми припасами.

— Ну, теперь съ Богомъ на тотъ гребень,—указалъ онъ противоположный скатъ ущелья.

Съ тарантасомъ Марьи Давидовны оставилъ, на всякій случай, десять штыковъ, а съ остальными цѣпко и смѣло поползъ туда. Черкесы даже еще не успѣли сообразить, въ

чемъ дѣло, какъ черезъ ущелье, вровень съ ними, позиція оказалась занятою русскими. Теперь не такъ безопасно было цѣлить внизъ. Только что выдвинется голова въ папахѣ изъ-за камня, — смотришь, около такъ и чмокнется пуля. Кто изъ джигитовъ уже лежалъ, распластавшись. Стрѣлковыя пули, очевидно, дѣлали отлично свое дѣло... Казаки придумали лучшую штуку: они сняли горное орудіе съ передка и на коняхъ ввезли его вверхъ. Горцы никакъ не ожидали этого маневра. Не успѣли они еще заползти за утесы, какъ ихъ обожгло картечью... Сунулись они за прикрытіе, — оказалось, что другое орудіе тоже уже на верху и бьетъ съ другой стороны. И вдругъ красныя папахи рассыпались во всѣ стороны... Сверху солдатамъ отлично было видно, какъ они изъ-за камней и скалъ точно скатываются внизъ по ту сторону горъ въ прохладныя логова... Еще нѣсколько минутъ, и точно въ этомъ ущельи никогда не было никакой стычки. Все тихо и мирно. Благоговѣнно сіяютъ небеса; сладко напоенный ароматами цвѣтовъ, струится вѣтеръ, колышется зелень на откосахъ; и такое безмолвіе кругомъ, что въ немъ даже странно слышать стоны и крики раненыхъ и умирающихъ...

Марья Давидовна вышла изъ тарантаса.

Остаться тамъ было жестоко. Для раненыхъ не оказывалось мѣста на телѣгахъ, и безъ того переполненныхъ до-верху припасами для крѣпости.

Она примостила на одной такой Лизу, а сама рѣшила ѣхать верхомъ. Ей поручикъ предложилъ одну изъ заводныхъ лошадей.

Отъ скалъ поперекъ ущелья лежала густая тѣнь. Тамъ пока лежали бѣдняги, попавшіе подъ черкесскія пули.

Съ ними возился фельдшеръ.

— Ну, что?— подошла къ нему Марья Давидовна.

— Бинтовъ нѣтъ. Перевязки надо дѣлать, — а нѣтъ...

— Возьмите мое бѣлье... Вонъ оно въ томъ чемоданѣ.

— Рвать вѣдь придется.

- Рвите. Я вамъ помогу сама.
- Куда же вашему превосходительству!
- Не бойтесь, я привыкла.

Мигомъ она принесла цѣлый ворохъ полотна. Не успѣвъ еще фельдшеръ опомниться, какъ, стоя на колѣняхъ передъ ранеными, она своими маленькими ручками быстрѣе и ловчѣе его сняла съ нихъ платье. Взрѣзала сапоги у тѣхъ, кто былъ пораженъ въ ногу...

- Воды, дайте воды больше.

Вода текла около.

Марья Давидовна живо обмыла раны. Стонавшіе страдалцы притихли. Солдату того времени чудно было, что надъ нимъ хлопочетъ „барыня“. Самыя муки нѣсколько утихали передъ нравственнымъ вліяніемъ этого факта.

— Ваше превосходительство! Да вы лучше меня!—удивлялся фельдшеръ.

— У насъ, у женщинъ, такъ ужъ руки къ этому приспособлены. У кого трутъ есть?

И труту оказалось вдоволь.

Она пока, до крѣпости, гдѣ докторъ осмотритъ и изслѣдуетъ раны, вынетъ пули и ужъ какъ слѣдуетъ станеть пользоваться въ лазаретѣ, дѣлала все, что могла: останавливала кровотеченіе, прикладывала трутъ, туго бинтовала пораженное тѣло. Оканчивая съ однимъ,—его переносили въ тарантасъ, переходила къ другому, третьему, пока вдругъ не остановилась надъ совершенно неподвижнымъ.

— Этого наповаль!..—пояснилъ ей фельдшеръ.

— Можетъ быть, такъ,—замеръ.

— Никакъ нѣтъ. Изволите видѣть, въ високъ.

Дѣйствительно, нѣсколько въ сторонѣ солдаты уже рыли яму.

Одною могилой въ глуши будетъ больше, и даже горному вѣтру, пролетающему мимо, некому будетъ рассказать о томъ, кто покоится подъ этою насыпью. Рыть приходилось глубоко. Вдали уже слышался вой почуявшей добычу че-

калки. Мигомъ раскидаетъ землю и вытащить мертвеца... И не только рыть, но и камни навалить надо такъ, чтобы ей не подь силу было справиться съ нимъ... Около рубили дерево. Какъ ни какъ, а надо было поставить крестъ надъ одинокой могилой. И до сихъ поръ, въ глуши Кавказа, пропасть такихъ забытыхъ холмовъ. Никому изъ проѣзжающихъ мимо и невдомекъ, что покоится подъ ними давнымъ-давно забытый сынъ равнинной Россіи, одолѣвшій эти снѣговья горы и крутизны и безотвѣтно улегшійся здѣсь въ залогъ того, какъ тяжело и мучительно достался этотъ богатый и красивый край его родинѣ. Въ свое время въ ротныхъ спискахъ помѣтили его убитымъ, а въ туманахъ и холодахъ далеко-далеко отсюда семья еще цѣлые годы ждала его домой. Авось-де вернется кормилецъ!.. Но годы проходили за годами, одинокія могилы прорастали травой и цвѣтами; птицы вили надъ ними гнѣзда, горныя непогоды плакали и кропили ихъ обильными слезами, и точно никогда и не бывало этихъ жизней, точно эти истлѣвшіе люди ни разу не любовались ни голубыми небесами, ни яснымъ и солнечнымъ просторомъ далей, ни зеленью прохладныхъ рощъ, нѣжно шепчущихъ свое „здравствуй“ утомленному жарю путнику. Кресты давно упали надъ этими могилами. Природа, вѣчно живущая и радостная, не любитъ слѣдовъ смерти. Она всюду изглаживаетъ ихъ на поверхности земли и изъ памяти людей. Можетъ быть, это и лучше? Кто знаетъ?

XIV.

Еще два часа шла оказія совершенно спокойно.

Медленно двигались телѣги съ запасами для крѣпости. Тихо везли утомленные кони тарантасъ съ ранеными. Такъ тихо, что тѣ даже стонать перестали, погружаясь въ какое-то забытье. Солнце жгло съ высоты. Отъ накалившихся скалъ несло такимъ жаромъ, точно ихъ изнутри раскали-

вали съ утра. Дотрогиваясь до нихъ ладонями, солдаты обжигались. Жегъ песокъ, въ который глубоко уходили ихъ ноги. Обращаясь къ небесамъ, утомленные люди искали тамъ хоть облачка, которое заслонило бы отъ нихъ этотъ пылающій глазъ вѣчности, но чудная и бездонная лазурь тоже горѣла вся отъ запада къ востоку, отъ сѣвера къ югу,

и ничто въ этой таинственной безднѣ не обѣщало облегченія усталому и истомленному отряду...

Марья Давидовна вѣхала верхомъ, поддерживая въ сѣдлѣ передъ собою Лизу.

Ту тоже сморило, и она дремала, покачиваясь.

Ущелье расширилось, тѣни не было нигдѣ. Не у пылающихъ скалъ было искать ея! Солдаты обливались потомъ. А тутъ еще дно ущелья вверхъ пошло. Подъ страшною жарой приходилось подыматься и подыматься круто и не только самимъ, но и конямъ подсоблять. Еще съ телѣгами не такъ, а вотъ съ пушками такъ истинная мука-му-

ченская! Мѣдь ихъ накалилась, точно эти длинные сверкающіе хоботы только сію минуту выхватили изъ тигля. Кованья желѣзомъ колеса лафетовъ глубоко уходили въ песокъ, ихъ приходилось вытаскивать оттуда, и желѣзо, точно красная головня, заставляло прочь отнимать руки.

— И дорожка!—вздыхали солдаты.

— Истинное пекло!..

— До смерти узнаешь, что такое адъ...

— Погодите, братцы, до крѣпости доберемся, — ахъ, и квасокъ у нихъ въ крѣпости!

— До кваску-то подохнемъ здѣсь.

Кое-кто уже безсильно ложился подъ солнечными ударами... Распаренные, красные, остальные подымали такихъ на телѣги, увеличивая такимъ образомъ и безъ того страшный грузъ утомленныхъ коней...

Дорога ползла, ползла вверхъ и вдругъ уперлась въ край бездны.

Надъ краемъ этимъ стояла сакля. Взглянувъ съ ея плоской крыши внизъ, голова закружится и у привычнаго... Сквозь саклю темный ходъ, упиравшійся въ мостъ смѣло, безъ перилъ, узкою полосой перекидывавшійся черезъ пропасть. Добравшись сюда, солдаты невольно попятились. Имъ, на этомъ слѣпящемъ отъ жару воздухѣ, бездна и мостъ надъ нею представились чѣмъ-то ужаснымъ. Внизу ничего не было видно. Точно провалъ въ какую-то недосягаемую глубь, откуда курится паръ. Истинно, челюсть адова. Мостъ какъ-будто дрожитъ надъ этимъ проваломъ. Ступи на него, рухнетъ. Мухѣ развѣ проползти. А вдали за мостомъ—дразнить утомленное око зеленъ сада за стѣнами сакли, бѣлый аулъ, взмостившійся на отвѣсѣ. Въ аулѣ въ сакляхъ прохлада, то-то бы отдохнуть!

Поручикъ замѣтилъ уныніе солдатъ.

Послѣ боя внизу онъ точно преобразился.

Ничего смѣшного, чуждаго, навѣяннаго романтизмомъ и заимствованіемъ у него не осталось.

Если бь Марья Давидовна не привыкла къ типамъ этого рода, она бы, пожалуй, смѣялась надъ офицеромъ прежде и удивлялась ему теперь. Но она слишкомъ много видѣла такихъ и понимала эти натуры, жившія боевою дѣйствительностью и мечтательностью, созданною чтеніемъ Марлинскаго и другихъ. Простые и сердечные люди, они съ женщинами не знали, какъ разговаривать. Ихъ языкъ дѣлался избытымъ, какъ пѣна, и такимъ же пустымъ, какъ она. Но начиналось настоящее дѣло, и этихъ фразеровъ нельзя было узнать. Въ закаленныхъ опасностями сердцахъ рождалась отвага, глаза спокойно, какъ орелъ на солнце, смотрѣли на смерть, и пульсъ бился ровно, потому что это и было истинною и обыденною кавказскою дѣйствительностью того времени.

Поручикъ замѣтилъ, что солдаты колеблются.

— Эй, братцы, кому первому отдохнуть хочется? Въ аулѣ, тамъ вонъ, поди, холодные родники бьютъ. И напьемся, и вымоемся. И проса у нихъ вволю, такую кашу сваримъ. Барановъ велю приколоть. Шашлыки готовить умѣете?

— Умѣемъ, ваше благородіе!

— Ну, вотъ, на каждый штыкъ фунта по два ѣшь.

Солдаты веселѣли.

Онъ высмотрѣлъ одного, порѣшительнѣе другихъ.

— Что, Парасюкъ, холодно?

Тотъ замялся.

— Всѣмъ жарко, а тебѣ?.. Да у тебя не лихорадка?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— То-то! Потому что трусить кавказскому солдату не полагается. Ну, а если заболѣлъ, другое дѣло. Пойдемъ-ка, братецъ, посмотримъ, какой это мостъ черкесы выстроили. Эге! да онъ совсѣмъ, какъ слѣдуетъ. Наши саперы, пожалуй, такого не выведутъ. Ишь, какъ ловко, хоть пляши на немъ! Жаль, музыки нѣтъ, а то ты бы такого трепака на этомъ мосту отжарилъ, а?

Солдатъ уже улыбался. Другіе откровенно хохотали, глядя на его смущенное лицо.

— Онъ, ваше благородіе, гораздъ плясать.

— Ну, вотъ видишь, какой молодецъ! Пойдемъ-ка по мосту, посмотримъ, каковъ онъ... Ступай впередъ, Парасюкъ!

Парасюкъ уже быстро двинулся. Офицеръ шелъ за нимъ.

Мостъ какъ-будто колыхался подъ тяжестью людей. Разумѣется, это казакамъ только казалось, что дунь вѣтеръ, онъ разомъ сорветъ въ бездну ихъ обоихъ, какъ муху, уцѣпившуюся за кончикъ былинки.

— Хорошъ мостъ, а?

— Хорошъ, ваше благородіе.

— Перейдемъ?

— Радъ стараться... какъ не перейти!

— Ну, то-то! Иди назадъ, скажи, чтобы сначала телѣги двинулись.

Солдатъ уже бодро вернулся къ своимъ.

Только что телѣги тронулись сюда, Марья Давидовна объѣхала ихъ и спокойно направила коня на середину этого удивительнаго сооруженія, къ офицеру.

— Ваше превосходительство, ради Бога!.. уѣзжайте скорѣе туда, не останавливайтесь.

— Вотъ тебѣ и на! Вы за меня испугались?

— Еще бы!

— Да я ребенкомъ играла на такихъ мостахъ. У меня въ Тифлисѣ домъ, точно башня надъ Курюю, съ плоской крышей; вода далеко внизу бурлитъ. Просто удовольствіе, бывало, свѣсишь ноги, сидишь такъ.

— Я все-таки за васъ боюсь... У васъ ребенокъ.

— Лиза! Ты не боишься?

— Нѣтъ, мама. Здѣсь хорошо. Я бы побѣгала.

— Видите!

— Все-таки, Марья Давидовна.

— Послушайте, мой другъ, развѣ я не вижу, что солдаты оторопѣли. Вашъ примѣръ для нихъ, разумѣется, хорошъ, но если они увидятъ женщину съ ребенкомъ, самый трусливый между ними оправится.

— Слушаю-сь!

И офицеръ почтительно ей поклонился.

На солдатъ примѣръ генеральши, дѣйствительно, повлиялъ, какъ она сама того ожидала.

— Ишь ты... — разсуждали они. — Гляди-ко-сь, мать-командирша у насъ какая!

— Что ей!

— Молодецъ-баба!

— Она, братъ, съ генераломъ-то въ походы ходила. Сколько разовъ ее подъ пулями видалъ.

— Ну?

— Веселая, свѣтлая! Точно дома у себя! Наши молились за нее Богу.

— Добрая?

— Еще бы! Бывало, генераль разсерчаетъ. Гроза грозой. Ну, думаешь, пропалъ. А она подойдетъ къ нему, ласково такъ. Положитъ ему ручку на плечо и что-то скажетъ ему... Глядишь, онъ ужъ и отошелъ... „Пошелъ вонъ! — крикнетъ. — Если я еще разъ тебя поймаю, смотри у меня!“ Ну, и благодарить Создателя. Вотъ она какая!

А сами, того не замѣчая, уже втягивались на мостъ.

Когда до половины онъ былъ занятъ, Марья Давидовна рѣшила, что ей тутъ дѣлать больше нечего. Ее, ради Лизы, манила къ себѣ прохлада и тѣнь сада, такъ красиво рисовавшагося за стѣнами аула... Отъ башенъ его или саклей, похожихъ на башни, далеко ложилась на желтые склоны рѣзко очерченная тѣнь.

— Ну, я поѣду!

— Спасибо вамъ, Марья Давидовна...

— Не за что.

— Позвольте мнѣ отъ всего отряда...

— Что?

— Поцѣловать вашу ручку!

Она подала.

Офицеръ снялъ шапку и благоговѣйно прикоснулся къ ея рукѣ губами.

— Истинная, какъ называютъ васъ, pardonnez moi, солдаты, мать-командирша.

— Кому же, какъ не женщинѣ, быть ихъ матерью.

— Эхъ, если бы привелось умереть за васъ! Съ полнымъ бы моимъ удовольствіемъ!

XV.

Марья Давидовна выѣхала впередъ съ Лизой...

Поручикъ все-таки послалъ съ ними, на всякій случай, двухъ казаковъ.

Онъ долго смотрѣлъ вслѣдъ генеральшѣ съ дочерью. Вотъ онѣ уже оставили мостъ, взѣхали на гору... Лѣпятся надъ бездною и быстро-быстро рысью направляются по открытой и уже безопасной дорогѣ. Скоро онѣ будутъ въ аулѣ!..

Поручикъ весь отдался теперь заботѣ о своей „оказіи“.

Пушки уже медленно двигались по этой узенькой полоскѣ надъ отвѣсами бездны. Солнце попрежнему нестерпимо играло на ихъ желтой мѣди. Телѣги подѣзжали къ концу. Скоро отрядъ уже будетъ по ту сторону. Всего тяжелѣе съ тарантасомъ. Онъ слишкомъ широкъ и переполненъ. Солдаты справа и слѣва перехватили его веревками и, точно на гужахъ, помогаютъ сбивающимся съ ногъ конямъ. И лошади какъ-будто понимаютъ опасность. Онѣ плетутся нога за ногу. Поминутно оглядываются, храпятъ, ставятъ уши впередъ, опять двигаются впередъ, точно на каждомъ шагу предчувствуя неминуемую бѣду. И солдаты орутъ кругомъ, подбодряя ихъ да и себя между прочимъ. Офицеръ весь отдался этому дѣлу.

— Слава Богу, кажется, всѣ цѣлы? — обратился онъ къ фельдфебелю.

— Точно такъ-съ!

Передняя телѣга уже выѣхала съ моста... И вдругъ крикъ ужаса раздался около.

— Что случилось?.. Гдѣ? — оторопѣлъ, было, поручикъ.
— Тамъ... Тамъ...—только и могъ ему указать фельдфебель.

Тотъ обернулся..

— Казаки, впередъ... Чего смотрите?..

Откуда-то, сбоку, должно быть, изъ-за скалъ, будто какимъ-нибудь волшебствомъ, вдругъ вынесся цѣлый отрядъ черкесовъ... Быстрѣе, чѣмъ передать объ этомъ, они отхватили генеральшу съ дочкой и двумя казаками отъ остального отряда. Еще не успѣло раздаться и выстрѣла отсюда, какъ они, точно туча окружаетъ высоко поднявшуюся птицу, окружили ихъ со всѣхъ сторонъ и быстро, быстро понеслись впередъ, торопясь къ аулу.. Впереди скачетъ молодой горецъ, весь въ красномъ, съ отброшеннымъ назадъ верхомъ бѣлой папахи.. Молодой поручикъ увидѣлъ, что коня Марьи Давидовны подъ уздцы схватилъ другой и уносится туда же посреди этой тучи.

— Казаки, скорѣе!

Тѣ погнались, было, но вдругъ всѣ сакли аула точно закрылись дымомъ. Навстрѣчу имъ раздался залпъ, другой. Изъ-за боковыхъ скалъ тоже затрещали ружья.. Нѣсколько казаковъ точно сорвало съ сѣдла. Лошади взвились, скинули ихъ на землю и понеслись на мостъ. Одна въ слѣпомъ страхѣ несется по мосту, сбрасывая людей въ пропасть. Хорошо, что фельдфебель догадался. Выхватилъ ружье у ближайшаго солдата и пристрѣлилъ очумѣвшаго коня. Отрядъ остановился. Впередъ, очевидно, теперь не было дороги... Пока даже командовавшій оказіей не зналъ, что ему дѣлать... Надо было, уже не думая о спасеніи Маріи Давидовны, отодвинуться назадъ. Не съ моста же надъ бездною начинать бой. Онъ уже приказалъ распрячь телѣги и увести коней, повернуть ихъ назадъ нечего было и думать. Мостъ былъ слишкомъ узокъ для такого поворота. На мосту держаться нельзя было; но когда первые солдаты, отступавшіе назадъ, вернулись къ саклѣ, выросшей изъ горнаго

камня надъ этимъ мостомъ, тамъ тоже случилось нѣчто неожиданное. Всѣ скалы и камни вдругъ точно ожили. За ними замелькали черкесы... Очевидно, и тутъ, какъ и впереди, отряду была подготовлена засада. Солдаты, было, застѣли въ саклю, но она оказалась слишкомъ тѣсной для нихъ. Поручикъ уже ничего не помнилъ, кромѣ того, что участь всѣхъ этихъ людей лежитъ на его отвѣтственности. Онъ, было, набросился на казаковъ, какъ они могли не замѣтить, но тѣ совершенно резонно оправдывались:

— Да гдѣ жъ ихъ разобратъ! Они, какъ ящеры, за камнями сидятъ. Нешто увидишь!

Да и некогда было искать виновныхъ.

Кто показывался въ дверяхъ сакли, того горцы укладывали мѣткимъ выстрѣломъ.

Оставалось одно, пожертвовать конями.

Ихъ вывели и повели передъ солдатами.

Большую часть лошадей сейчасъ же уложили, но зато часть „оказіи“ уже перебѣжала къ скаламъ, за которыми хоронилась засада.

— Смотри, ребята! Сдуру не стрѣлять! Пошупай штыкомъ его. Штыка онъ страсть не любитъ.

— Точно такъ, ваше благородіе...

— Набрасываться разомъ, а тѣмъ временемъ и остальные наши подоспѣютъ. Иди съ Богомъ!..

Онъ выхватилъ шапку и кинулся впередъ. За нимъ—его люди.

Навстрѣчу неслись безпорядочный бѣгъ, крики:

— Алла, Алла!

Солдаты навалились дружно, и остальные, дѣйствительно, подоспѣли.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ бой здѣсь былъ конченъ.

Молчаливый бой, грудь съ грудью, штыкъ со штыкомъ, кинжаловъ съ тесаками и прикладами. Не просили и не давали пощады. Поручикъ и не замѣтилъ даже, какъ ка-

кой-то черкесь пропоролъ ему сюртукъ, да и руку черкнулъ кстати. Онъ весь былъ полонъ одной мыслью — отстоять и спасти отрядъ во что бы то ни стало. Пришелъ онъ въ себя и ощутилъ острую, жгучую боль въ ранѣ только тогда, когда кругомъ все смолкло и солдаты разошлись, кто куда попало, и отдыхали. Кое у кого запалились „цыгарки“ изъ простой махорки. Раненые молчали, очевидно, понимая, что пока еще не до нихъ, надо людямъ очнуться, перевести духъ...

— Братцы!.. А раненые, что въ тарантасѣ?

Поручикъ съ нѣсколькими человекѣми побѣжали туда— и во-время!

Съ противоположной стороны уже приближались сюда оборванцы въ папахѣхъ.

Наши залегли у сакли и открыли по нимъ огонь.

Черкесовъ точно смело прочь оттуда. Они отбѣжали, и опять, среди этой знойной безконечности, мостъ, занятый телѣгами и тарантасомъ, казалось, плылъ куда-то. Безконечность была и вверху, и внизу. Запрячь лошадей нечего было и думать, да ихъ и оставалось мало. Надо было перенести изъ тарантаса несчастныхъ въ саклю, а самимъ расположиться вокругъ, выдерживая осаду, Богъ знаетъ во сколько разъ, сильнѣйшаго непріятеля.

— Братцы, грѣхъ своихъ оставлять!

Всѣ молчали.

— Прирѣжутъ ихъ тамъ.

— Извѣстно!

— Ну, кто со мною,—охотники?

— Что жъ, ваше благородіе, охотниковъ вызывать. Дѣло христіанское за други свои. Кого пошлете, тѣ и пойдутъ. А самимъ вамъ не слѣдъ съ нами.

— Какъ не слѣдъ?

— Васъ и самихъ ранило, да и здѣсь вы надобны. А тамъ фельдфебель справится.

И Парасюкъ пошелъ первый.

Отъ его страха ничего не оставалось. Одолѣлъ его на первыхъ порахъ, теперь онъ уже не боялся. Спокойно двинулся по узенькому мосту. За нимъ другіе.

— Стой, братцы! — обернулся онъ, точно и не замѣчая, что мимо такъ и носятся свинцовые шмели, направленные съ той стороны прямо на него.— По одиночкѣ не переносить.

— А какъ же?

— Запряжемся съ кузова. У кого веревки есть?.. И отъ пули защита.

Веревки нашлись.

Нѣсколько человѣкъ полетѣло въ бездну, остальные добрались до тарантаса, и скоро онъ тяжело двинулся назадъ къ саклѣ.

Раненныхъ снесли туда.

Остальные залегли кругомъ.

— Ну, теперь на одного Бога надежда, — авось, вызволить, — перекрестился офицеръ.

„А Марья Давидовна“... — вспомнилъ онъ, и сердце его защемило такой тоской, что не будь этихъ солдатъ у него на совѣсти, такъ бы и побѣждалъ за нею хоть въ плѣнъ, что ли!

XVI.

Ходовой, какъ вышелъ изъ крѣпости да перебѣжалъ къ садамъ, такъ и кануль, точно на дно. Его бы теперь никто не увидалъ и не узналъ. И безъ того въ своихъ странствованіяхъ онъ не походилъ на солдата, а теперь и того пуще. Абрекъ, бѣжавшій отъ кровавой мести, тожугъ, горный бродяга-натухаецъ, все, что хотите, только никакъ уже не рядовой крѣпостной роты Спиридонъ Ходовой. У него и папаха сама собой сползла на затылокъ, и грудь открылась изъ-подъ изодраннаго бешмета навстрѣчу всякимъ вѣтрамъ, и кинжалъ болтался на ремнѣ, какъ у настоящаго горнаго волка, что издали высматриваетъ свою добычу.

Къ вечеру у него ужъ и лѣсъ остался позади. Онъ вышелъ къ горамъ и еще издали разслышалъ неопредѣленный гулъ изъ ущелій. „Собираются“, — подумалъ онъ про себя. И дѣйствительно, какъ только сумерки окутали дали, въ ихъ сизой дымкѣ блеснули тамъ костры... „Барановъ жарятъ“, и онъ даже носомъ потянулъ, не запахнетъ ли гдѣ-нибудь. Впрочемъ, очень-то распускаться здѣсь нельзя было. То и дѣло по сторонамъ шныряли конные черкесы, и по одиночкѣ и партіями. Не доглядишь, прямо имъ въ руки попадешься, а тамъ ужъ отговаривайся, какъ хочешь. Пожалуй, и на такого наткнешься, который тебя знаетъ, не посмотритъ, что кунакъ. Въ набѣгахъ всякое куначество съ русскими, вѣдь, отклонялось, и другъ перерѣжетъ горло такъ же, какъ и врагъ. И Ходовой поэтому то и дѣло припадалъ въ рытвину или за камень. Ящерица-ящерицей прижимался къ землѣ, и его, какъ ящерицу, трудно было поэтому замѣтить издали. Къ ночи онъ уже поднялся на первое предгорье и остановился, какъ вкопанный. Впереди слышался гулъ. Онъ всмотрѣлся туда и пошелъ; отовсюду шли черкесы къ крѣпости и охватывали уже ее смыкавшимся кольцомъ. Какъ пройти въ ту сторону чрезъ Бѣлую къ Прочному Окопу?.. Какъ вода черезъ рѣшето!.. Не пройти, а процѣживаться надо сквозь эти горные кланы, локоть къ локтю стоявшіе здѣсь. Должно быть, на одномъ изъ джамаатовъ рѣшенъ былъ общій походъ черкесовъ на крѣпость. Она слишкомъ далеко вторглась въ ихъ глушь, чтобы они могли помириться съ этимъ. Теперь сила ихъ навалила отовсюду...

Еще часа два Ходовой шелъ вдоль отрядовъ, выискивая скважину между ними, гдѣ онъ могъ бы пройти на ту сторону; но такой не оказывалось... На его счастье, луну скоро заволокло тучами. Должно быть, собирался дождь. Дождаться бы? Дождаться! Когда всякая минута дорога и надо, во что бы то ни стало, дать знать генералу Зассу, что дѣлается съ этимъ каменнымъ гнѣздомъ, куда засѣла горсть на все готовыхъ русскихъ.

Ходовой на пути нѣсколько разъ ощупывалъ бумаги, которыя онъ положилъ себѣ на грудь подъ лохмотья. Онъ еще колебался нѣсколько; но когда еще болѣе густая туча заслонила луну, всталъ, перекрестился, положилъ земной поклонъ и рѣшительно направился къ таборамъ отдохавшихъ въ лощинѣ черкесовъ. Въ потемкахъ скоро опредѣлились смутныя очертанія. Онъ нашелъ, что горцы привалились тамъ къ потухшимъ кострамъ и спать. Стреноженные лошади около. Слышится мѣрное и медленное пережевыванье травы, фырганье и неловкое перескакиванье ихъ съ мѣста на мѣсто. Изрѣдка изъ общей массы встаетъ кто-нибудь, зорко всматривается вдаль и опять ложится. Впереди курится слабый огонекъ. Около сидятъ трое, должно быть, часовые. „Тоже и у нихъ есть народъ умный!“ соображаетъ Ходовой.

Часовые замѣтили его. Одинъ приподымается, но солдать смѣло идетъ прямо на него...

— Господи, помилуй!—шепчетъ онъ про себя.

За самого не страшно, помирать все равно нужно когда-нибудь, а вотъ за крѣпость, судьба которой ввѣрена теперь его ловкости, сообразительности и отвагѣ, за нее боязно!

— Эй, кунакъ!—крикнулъ онъ часовымъ по-убнаски.

— Что тебѣ?

— Гдѣ князь?

— Какой? Тутъ много князей.

— Для меня одинъ,—гордо проговорилъ Ходовой.—Для васъ, можетъ быть, много, а у насъ одинъ.

— Вашъ Кай-Булатъ—тамъ вонъ...

А самъ про себя ворчитъ: „убнаскій пѣтухъ, cadaго норовитъ клонуть, и крылья распускаетъ, и на весь мѣръ кричитъ. Не будь священной войны, я бы тебѣ показалъ, какъ предъ нами, бжедухами, величаться!..“

Зато, если бы у сторожевыхъ оставалась хоть тѣнь сомнѣнія въ томъ, что предъ ними стоитъ не настоящій черкесъ, оно бы исчезло теперь.

Ходовой держался совершеннымъ убнакомъ, даже папаху гордо вскинулъ и, не поклонясь, пошелъ дальше.

— Эй, ты, убнаская собака! — уже про себя закончилъ сторожевой.

— Чего?—остановился Ходовой.

— Потише иди.

— Почему?

— Боюсь, лохмотья свои растеряешь.

— Вамъ же лучше. Подберете на шаровары своимъ женамъ.

— Тфу,—отплюнулись черкесы.

— Ты знаешь — убнаха... въ грязи вымазаться...

— Грязь грязью не замараешь...

— Не будь войны, мы бы тебѣ показали.

— Вѣрно! Вы всегда храбры, когда васъ пятеро на одного! Только я въ горахъ отъ десятка чекалокъ одинъ отбивался.

Кровь бросилась въ головы сторожевымъ черкесамъ.

— Онъ заставилъ насъ грязи наѣсться, — тихо проговорилъ одинъ.

— Храбрый человекъ... Только у него два кинжала: одинъ на поясѣ, другой во рту.

Ходовой шелъ себѣ спокойно, когда позади опять слышалось:

— Кто ты и откуда?

— Пойдемъ къ нашему князю, онъ на твоей спинѣ напишетъ мое имя нагайкой.

Сторожевые теперь успокоились, — все равно не совладаешь.

Ходовой смѣло шелъ по указанному ему направленію.

Оно, какъ нельзя лучше, входило въ его планы.

Тутъ дорога вверхъ. Она опоясываетъ горы и выходитъ прямо черезъ Бѣлую рѣку на устье Уруна. Оттуда Прочный Окопъ простому глазу виденъ. Ходовому случалось бродить здѣсь, и съ мѣстностью онъ былъ знакомъ отлично...

Теперь направо и налево спали и дремали и такъ ле-

жали, отдыхая, сотни волковъ, сошедшихся со своихъ горъ и ущелій на общее боевое дѣло... Въ темнотѣ онъ различалъ ихъ суровыя лица, и когда, по горскому обычаю, молодежь его зазывала, онъ огрызался такъ, что у стариковъ вырывалось:

— Хорошо подвязанъ языкъ у этого байгуша (нишаго).

— Если бы у него было столько же абазовъ въ карманѣ, сколько словъ во рту, богаче джигита не нашлось бы въ горахъ.

— Ваша глупость рождаетъ мои слова!—отвѣчалъ имъ предполагаемый убнахъ горской пословицей.

— Если твои руки дѣйствуютъ такъ же, какъ и языкъ! — плохо придется русскимъ.

— Каждому, кто встрѣтится со мной на одной дорогѣ.

— Не хвались. У насъ есть молодцы.

— Ваши молодцы зазываютъ прохожихъ, забывая, что, странникъ—Божій гость.

— Ты правъ, джигить. Иди своей дорогой.

— У меня всѣ дороги, гдѣ я хожу,—мои.

— Ой, не сносить тебѣ головы, хоть она и чугунный котель.

— А ваши — глиняные горшки. Встрѣча съ чугуннымъ котломъ не въ вашу пользу будетъ. Берегитесь!..

Такимъ образомъ, огрызаясь и скаля зубы, онъ проходилъ, какъ волкъ, отбившійся отъ своей стаи, чрезъ чужую волчью стаю. Когда разсвѣло, черкесы уже были позади... Предъ Ходовымъ открылась пустынная крутизна съ зигзагомъ горной тропинки. Около была какъ разъ куча камней. Ноги у Ходового ныли; хотѣлось отдыха и сна. Въ камняхъ лощинка. Онъ выгналъ оттуда пару змѣй, расположившихся на ночлегъ, пошарилъ, нѣтъ ли около скорпионовъ, и расплющилъ нѣсколько ихъ камнемъ... Очистивъ мѣсто, онъ спокойно улегся. Звѣзды блѣднѣли и гасли. Тучи сошли. На востокъ свѣтлѣло и брезжило. Пахло чѣмъ-то въ родѣ мяты. Только что Ходовой сомкнулъ глаза, — какъ опять от-

крыль ихъ и насторожился. Подальше заползъ въ ложбинку и къ землѣ припалъ. Издали слышался перебой множества копытъ... Они все ближе и ближе. Голоса гортанные, веселые, громкіе...

— Опять валить орда!..

Дѣйствительно, съ горы спускалось много всадниковъ. Нѣсколькихъ можно было рассмотретьъ, откуда за гребнемъ выѣзжали сюда же другіе.

Ходовой поднялъ голову и вздрогнулъ.

— Плохо наше дѣло! онъ и есть!

Еще разъ всмотрѣлся въ черкеса, вѣхавшаго вторымъ, разглядѣлъ значокъ съ полумѣсяцемъ, который везли за нимъ, всадниковъ, слѣдовавшихъ за нимъ, и опять подумалъ:

„Плохо, плохо!.. Самъ Гамзатъ-бекъ! Этотъ даромъ не поднимется. А за нимъ кабарда, должно быть“.

И, дѣйствительно, въ предразсвѣтномъ, бѣлесоватомъ сумракѣ, изъ-за гребня, чуть ли не въ теченіе получаса подымались, обрисовывались на чистомъ небѣ и спускались сюда джигиты за джигитомъ. Бородатые, сильные, остроносые, съ мрачными глазами, великолѣпно вооруженные.

— Это уже не натухейская рвань! Помилуй, Господи, нашихъ...

XVII.

И эта опасность прошла.

Кабардинцы проскакали мимо кучи камней, между которыми, плотно прижавшись къ землѣ, лежалъ Ходовой. Онъ очень спокойно относился къ своей собственной участи. Въ своемъ бродяжничествѣ по чернолѣсью западнаго Кавказа, по его глухимъ горнымъ уздамъ — онъ привыкъ смотрѣть прямо въ глаза смерти и очень мало заботился о томъ, что опасно и что не опасно. Но теперь — другое дѣло. На немъ лежалъ великій отвѣтъ за крѣпость, за своихъ,

которыхъ съ завтрашняго дня окружатъ отовсюду черкесы и такимъ плотнымъ удавнымъ кольцомъ, что въ немъ могъ бы задохнуться и не такой малочисленный гарнизонъ.

Великій отвѣтъ и передъ Богомъ и передъ людьми.

Ходовой понималъ, что на немъ теперь покоятся всѣ надежды отряда.

Доберется онъ до Прочнаго Окопа, — крѣпость будетъ спасена; не доберется, — товарищей вырѣжутъ, а пожалуй, и самъ Слободчиковъ взорветъ пороховой погребъ и погибнетъ вмѣстѣ со всѣми подъ руинами каменныхъ укрѣпленій.

И сердце бродяги-солдата билось съ такой болью, что онъ хватался за грудь и останавливался. Онъ сталъ трусомъ и за себя, и за другихъ. Малѣйшій шумъ, и онъ припадалъ къ камню, въ рывину, за кустъ. Нѣсколько разъ ложился въ колючки и подымался оттуда весь исцарапанный, истекая кровью.

Онъ зорокъ сталъ, какъ коршунъ. Все кругомъ сразу охватывалъ его напряженный взглядъ. Движеніе точки на этомъ порозовѣвшемъ и просвѣтлѣвшемъ просторѣ не уходило отъ него. Онъ зорко всматривался въ нее. Если это всадникъ, такъ куда онъ ѣдетъ, не навстрѣчу ли, не придется ли и отъ него хорониться въ какую-нибудь щель... Точно змѣя, что боится людей и заползаетъ отъ нихъ въ сырые и темные лаза!.. Такъ, молъ, такъ, Ходовой! и остановится. Онъ уже недалеко отъ вершины, отъ самаго поднебесья, въ которомъ точно изъ-за облаковъ спустившійся аулъ такъ и горитъ на солнцѣ своими плоскими крышами и бѣлыми стѣнами. Въ самомъ дѣлѣ, внизу еще солнца нѣтъ, а тутъ оно уже все ласкаетъ и животворитъ щедрыми лучами. Всю ночь надъ ауломъ и въ аулѣ спали тучи. Проснулись въ предразсвѣтномъ холодкѣ и потянулись, точно убѣгая отъ солнца на западъ, къ морю. А выглянуло оно, ихъ уже не было, только влажный слѣдъ ихъ лежалъ здѣсь на всемъ: и на сакляхъ, и на ихъ кровляхъ, потому-то онѣ такъ и загорѣлись, и блещутъ, пока не высохнутъ...

Ходовой не аула испугался.

Ауль онъ зналъ отлично. Нѣтъ, его заняло другое.

Далеко-далеко и совѣмъ не въ сторонѣ, гдѣ была крѣпость, что то ухало и трещало. На вершинахъ звуки передаются съ удивительною чистотою и ясностью. Привычнымъ слухомъ Ходовой отличилъ и громыханіе пушекъ, и залпы стрѣлковъ. Вотъ это вразбродъ — черкесскіе, а эти, разомъ вонъ, по командѣ, — наши... И опять гудятъ орудія... Гдѣ бы это? Не идетъ ли сюда подкрѣпленіе? Или оказія попала въ сильнѣйшее наводненіе черныхъ клановъ и теперь ползетъ впередъ среди этого мѣсива остервенѣлыхъ враговъ, какъ корабль въ бурю посреди океана. Океана Ходовой, положимъ, не видѣлъ, но корабли на Черномъ морѣ были для него не въ новинку...

Послушалъ-послушалъ онъ, снялъ шапку, перекрестился: — Вызволи, Господи!..

И пошелъ опять по крутымъ отвѣсамъ.

Онъ, впрочемъ, не однимъ этимъ былъ занятъ теперь. Оказія сама отобьется, если сможетъ, а не сможетъ, назадъ уйдетъ. Нѣтъ, вотъ что ему дѣлать?..

Обходить ауль, спускаться въ овраги, ползти по скаламъ, цѣлый день потеряешь даромъ! Какой день! На ту сторону, пожалуй, и за утро не доберешься! Дорога идетъ черезъ ауль. Поднебесный ауль, какъ его называли въ крѣпости; въ свою очередь, и горцы окрестили послѣднюю — „провалившеюся“. Она, вѣдь, казалась имъ совѣмъ на днѣ пропасти.

Пойти напрямикомъ!

Положимъ, Ходовой здѣсь не разъ бывалъ. У него полнымъ полны сакли всякихъ кунаковъ. Да вѣдь это было до набѣга. И то правда, что куначество отмѣнено внизу, въ отрядахъ черкесскихъ племенъ, а вверху, въ сакляхъ, законы гостепріимства должны исполняться свято. Святѣ чего нельзя!.. Если бы ему ауломъ пробраться, онъ завтра въ ночь будетъ въ Прочномъ Окопѣ. Тѣмъ болѣе, что Гасса-

нетъ, его любимица, дочь его кунака Ахмеда, дастъ ему коня... Разумѣется, онъ ей не скажетъ, въ чемъ дѣло. „Бѣжалъ-де изъ крѣпости, строго у насъ, у русскихъ, начальство не милостивое, хочу воли искать и новыхъ мѣстовъ“. Вотъ и вся недолга. Еще и прежде случалось бесѣдовать на эти темы съ черкесами, которые удивлялись Ходовому, какъ онъ, „вольный человѣкъ“, настоящій горный звѣрь, мирится съ установившимися порядками крѣпостной службы. Они ему предлагали и саклю, и коней, и землю, — уйти-де! Вотъ онъ и ушелъ. Чего же еще!.. Просто выходить, и не усомнится никто. Бой еще не начался, въ аулѣ нѣтъ еще горечи свѣжихъ утратъ. Пока, вѣдь, никто не убить внизу, и матери не плачутъ по своимъ дѣтямъ. Ложь будетъ во спасеніе...

И онъ уже смѣло шелъ къ аулу.

Вонъ онъ на вышкѣ на самой. Ласточкинымъ гнѣздомъ примостился къ вершинѣ и повисъ отовсюду надъ безднами. Съ галлереей, прилѣпившихся къ саклямъ, такіе отвѣсы внизъ, точно туда и два нѣтъ, а одни провалы непроглядные. Привыкли черкесы къ этому, что имъ! Дѣвчонки цѣлые дни сидятъ на плоскихъ кровляхъ, свѣсивъ ноги въ эту страшную пустоту; а мальчики, тѣ по террасамъ да галлереемъ бѣгаютъ, какъ одержимые. Точно у нихъ про всякій случай крылья за спиною. Чуть что, распустятъ ихъ и, какъ рыба въ воду, какъ орелъ въ пространство, несутся въ эту бездну... Вонъ первая сакли... Пусто вездѣ. Только красныя да зеленыя покрывала женщинъ мелькаютъ въ узкихъ уличкахъ, змѣящихся во всѣ стороны.

— Эй!.. кунакъ!.. — кричитъ ему кто-то сверху.

Ходовой останавливается.

На плоской кровлѣ двѣ дѣвушки.

Одна легла, подперлась рукою и лѣниво смотритъ оттуда на весь Божій міръ. Другая оперлась на выступъ слѣдующей сакли, выходящей на эту крышу, и смѣется ему.

— Солдаты!.. Солдаты!..

— Ну, чего вы кудахтаете?.. Не видали солдата, что ли?

— Да ты, кунакъ, не знаешь развѣ, что наши всѣ на крѣпость пошли Акима бить.

— Дуры вы, вотъ что. Я самъ оттуда.

— Зачѣмъ?

— Ушелъ.

— Куда ушелъ?

— А развѣ я знаю куда? Гдѣ понравится, тамъ я и останусь.

— Какъ ушелъ,—совсѣмъ?

— Нѣтъ, не совсѣмъ, голову и руки тамъ оставилъ... Разумѣется, совсѣмъ. Тяжело служить стало.

— Значить, ты нашъ теперь будешь?—обрадовалась лезжавшая.

— Коли ты за меня замужъ пойдешь,—вашъ буду.

Та разсмѣялась.

— А ты калымомъ запасся? Меня отецъ безъ хорошаго калыма не отдастъ. Цѣлый табунъ коней понадобится да двѣ папахи червонцевъ.

— За тебя-то?

— За меня!

— Два абаза дамъ да безхвостаго кота на придачу.

Дѣвушки захохотали.

-- Вы мнѣ говорите дѣломъ, мулла—здѣсь?

— Здѣсь. Онъ не ушелъ, въ аулѣ остался.

— Вотъ и отлично! Я прямо къ нему. А Гассанетъ гдѣ?

— Гассанетъ сегодня саклю красить. Хочетъ, чтобы, когда наши вернутся, у нея было бы такъ же хорошо и чисто, какъ въ мечети.

— Ну, прощай, невѣста!

— Готовъ двѣ шапки червонцевъ.

— Два абаза есть, а кота я тебѣ въ первой саклѣ поймаю и хвостъ ему обрублю для красы.

XVIII.

Гассанъ-мулла не пошелъ вмѣстѣ съ джигитами своего аула внизъ на битву съ русскими.

Онъ былъ слишкомъ старъ для этого. Онъ и за стѣны мечети мало выходилъ уже. Одолѣли болѣзни, слабы стали ноги, и въ рукахъ уже не было прежней силы. Съ порога джаміи онъ призывалъ пророка на помощь всѣмъ проходившимъ мимо, и когда послѣдній изъ нихъ исчезъ вдали, старый черкесъ ушелъ къ себѣ, тяжело вздыхая. Въ свое время, несмотря на званіе муллы, онъ былъ храбрымъ воиномъ и въ схваткахъ съ русскими пріобрѣлъ себѣ такое имя, что къ нему присылали даже изъ Стамбула звать въ Турцію къ султану въ гости. Гассанъ не поѣхалъ. Онъ отвѣтилъ имъ: „Орлу хорошо въ горахъ, а волку—въ лѣсу. Что я буду дѣлать у васъ? Благодарю за честь, но мнѣ лучше оставаться у себя дома, гдѣ я нуженъ. Въ Стамбулѣ есть свои и имамы, и хакимы, и простые муллы. Я только затеряюсь между ними. Передайте шейхъ-уль-исламу, что я благодарю его за милость, и буду молиться за султана, но я нуженъ здѣсь, гдѣ всѣ мнѣ вѣрятъ и всѣ меня слушаютъ. Нехорошо оставлять стадо въ горахъ безъ пастуха. Какъ-нибудь, смотришь, да нѣсколькихъ ягнятъ и не досчитаешься“. Онъ выросъ и всю жизнь свою прожилъ въ этомъ аулѣ.

Гассанъ-мулла дрался съ русскими, но не отличался слѣпою ненавистью къ нимъ.

— Оставьте насъ, уйдите за рѣку, и мы вамъ будемъ первыми друзьями. Храбрые всегда сойдутся съ храбрыми. Зачѣмъ вы отнимаете у насъ наши аулы, наши табуны, жгете наши сады и заставляете разорять наши сакли и уходить въ другія мѣста? Развѣ мало вамъ простору у себя?..

Но русскіе все глубже и глубже проникали въ горы.

Точно подъ какимъ-то напоромъ являлись сюда все но-

вые и новые полки ихъ и отнимали у черкесскихъ племенъ ихъ исконныя угодыя и долины, изъ-за Кубани ихъ отгѣсняли къ Уралу, изъ-за Урала на Бѣлую, а теперъ и за Бѣлой не стало житья.

— Неужели у васъ земли мало?—спрашивалъ Ходового мулла.

— Чудакъ человекъ!—удивился его глупости Ходовой,— у насъ земли сколько хошь. Хотъ подавись.

— Чего же вы у насъ ищете? Чего къ намъ ходите?

— Эхъ, голова!—еще больше изумлялся Ходовой его несообразительности.—Какъ же намъ не итти, коли барабанщики бьютъ наступленіе, и начальство „скорымъ шагомъ маршъ!“ командуетъ?

Мулла задумался.

— Нѣтъ, это въ васъ говоритъ жадность. Вамъ все хочется завоевать. Вы и у бѣднаго хотите отнять послѣднее, что онъ имѣетъ.

— Про это, братъ-мулла, генералы знаютъ, а намъ какое дѣло разсуждать? Мы присягу принимали, чтобы вѣрой-правдой колошматить васъ.

— За что?

— А не бунтуй!

— Да развѣ мы ваши, чтобы слушаться васъ?

— А то нѣтъ?

-- Жили безъ васъ...

— Ну, а теперъ мы пришли, — шабашъ! Какъ ты, примѣрно, капитана Федорчукова не послушаешь? Попробуй. Онъ-те покажетъ!

— У насъ свои права, свои обычаи. Мы васъ не трогаемъ, и вы насъ не касайтесь.

— Никакъ это невозможно, чтобы ордой безъ порядковъ жить. Этакъ, братъ, помирать не захочешь, столь сладко на свѣтѣ будетъ. Нѣтъ, врешь! Какія-такія твои права? Ты у Федорчукова спроси, онъ-те права покажетъ. Ишь, чего захотѣлъ! Взлѣзъ на горы, да чтобы у тебя начальства не

было. Ловко придумалъ,—этакъ у васъ морды-то отъ жира перелопаются... Отъ начальства, будь спокоенъ, никуда не уйдешь. Оно тебя во всякой щели замѣтитъ.

— У васъ свое...

— Ну, это чья возьметъ. А намъ разсуждать никакъ невозможно. Намъ скомандуютъ: „на руку!“ Мы и идемъ потрошить вашего брата. Нѣтъ, ты думаешь, у насъ не пробовали такъ же вотъ безъ начальства обходиться? Сколько разовъ! а только ничего изъ этого не выходило. Человѣкъ не для сладости въ мѣръ происходитъ, а чтобы ему ходить опасно и ежечасно о смертномъ часѣ поминать.

Такимъ образомъ, хотя въ своихъ философскихъ воззрѣнiяхъ Спиридонъ Ходовой никакъ не могъ найти общихъ точекъ соприкосновенiя съ Гассаномъ-муллою, тѣмъ не менѣе, они оставались добрыми друзьями. Заходя въ ауль, первый приносилъ старику убитыхъ на охотѣ джейрановъ, и тотъ, въ свою очередь, кололъ для него барановъ. И теперь Ходовой былъ вполнѣ увѣренъ, что Гассанъ приметъ его отлично. Еще издали онъ разслышалъ звонкiй голосъ племянницы муллы—Фатмы, распѣвавшей любимую мѣстную пѣсню. Онъ остановился. Фатма хорошо пѣла, и ею заслушивалась вся аульная молодежь.

„Въ бой отважный кличетъ честь...

Азраилъ летитъ надъ нами,

Въ каждомъ дулѣ спѣетъ месть,

И побѣда надъ врагами.

Мать, не плачь! Твой сынъ въ бою

Лучшiй воинъ у Аллаха,

И не даромъ жизнь свою

Онъ продастъ врагу...

Безъ страха

У заваловъ смерти ждетъ,

Слыша голосъ Магомета:

— Кто погибнетъ,—въ рай пойдетъ,

Въ бездну радости и свѣта...”

Послушалъ, послушалъ Ходовой и вдругъ вздрогнулъ отъ неожиданной мысли:

— Какъ же это такъ? Кто же въ раю будетъ? По ихнему—они, а по нашему—мы. Значить, они, въ самомъ дѣлѣ, свое дѣло правымъ считаютъ? Что за чудеса! А, вѣдь, ежели они правы и въ раю за это самое будутъ, такъ куда же мы таперича?

Но долго думать ему было некогда.

Фатма уже замѣтила его издали.

— Отецъ, отецъ!—(она Гассана-муллу звала отцомъ, такъ какъ и выросла у него въ дому),—русскій у насъ... Солдаты къ намъ идутъ!

Отдыхавшій у себя на коврѣ подъ тѣнью мечети мулла съ усиленіемъ открылъ глаза.

— Какъ русскій? Ты съ ума сошла? Какъ доберутся къ намъ русскіе?

— Не русскіе, а русскій,—твой кунакъ...

— Онъ самый!—ввалился своей собственной особой солдатъ.—Будь здоровъ, мулла!..

— Аллахъ съ тобою.

— Коли по нашему—Богъ, такъ и ладно...

— Что Аллахъ, что Богъ—все едино.

— Ну, это, братъ, врешь!..

— Богъ одинъ. Вы его называете такъ, а мы по-своему. Разные языки одинаково славятъ милосердіе Его и молятся Ему. Вы по-русски, мы по-нашему. Онъ понимаетъ и тѣхъ, и другихъ и знаетъ, гдѣ правда, гдѣ ложь.

— Такъ...

— Зачѣмъ ты къ намъ?

— Совсѣмъ ушелъ...

— Какъ совсѣмъ?—мулла даже приподнялся.

— Какъ уходить. Заперли меня, пускать не хотѣли, ну, я ушелъ вольнаго мѣста искать...

— Живи у насъ...

— У васъ нельзя...

— Почему?

— Къ нашимъ близко. Вытребуютъ. Да потомъ вы съ нашими деретесь, мнѣ это нельзя. Я подальше въ горы думаю.

— Что жъ? Всякая птица ищетъ, гдѣ у нея лучше гнѣздо висѣть будетъ.

— Думалъ, думалъ... Развѣ, вѣдь, живешь? Что жъ мнѣ мучиться да терпѣть?

Мулла неодобрительно покачалъ головою.

— Чего ты?

— Не мнѣ упрекать тебя... А только каждый долженъ быть своимъ вѣренъ. И радоваться, и страдать со своими. Нехорошо ты сдѣлалъ. Ушелъ въ минуту общей опасности. Надо было рѣшиться на это или раньше, или позже. А твои друзья умираютъ также, а ты станешь странствовать по горамъ. Я знаю, что ты не трусь, но все-таки ты поступилъ нехорошо.

Ходовой потупился.

Онъ самъ видѣлъ, что обстоятельства бросаютъ на него тѣнь.

— Я къ тебѣ, мулла, не за совѣтомъ пришелъ, а чтобы ты мнѣ помогъ.

— Въ дурномъ дѣлѣ моя помощь тебѣ не нужна.

Солдата всего кровью обдало.

Онъ чуть, было, не сознался старику, что измѣнять своимъ или уходить онъ вовсе и не думаетъ; но его остановила мысль, что Гассанъ-мулла крикнетъ своимъ и задержитъ его.

— Ну, что жъ, прощай, мулла!

— Прощай.

— Старъ и я, чтобы меня учить...

— Слово правды никогда не поздно выслушать. Я старѣ тебя. Предо мною уже могила зияетъ, а если ты мнѣ добрый совѣтъ дашь или укажешь мнѣ зло, сдѣланное мною,—я буду тебѣ очень благодаренъ... Аллахъ съ тобою

я знаю, что ваши законы жестоки, и вернуться къ своимъ тебѣ нельзя!.

Ходовой вышелъ, не зная, что ему дѣлать.

Одна надежда была теперь на Гассанетъ.

Совѣстно ему, правда, передъ муллою, ну, да впослѣдствіи, когда все объяснится, тогда старикъ Гассанъ еще больше уважать его будетъ.

XIX.

Гассанетъ принадлежала къ очень богатой семьѣ.

Въ этомъ поднебесномъ аулѣ ея отцу всѣ кланялись, какъ самому уважаемому и зажиточному черкесу. У него было пять саклей, и всѣ онѣ обнесены общею стѣною. Точно крѣпость, онѣ поднимались посреди другихъ низенькихъ мазанокъ, еле-еле державшихся на жердяхъ. Несмотря на близость къ тучамъ и частыя холодныя ночи, между этими саклями росли довольно высокія деревья, дававшія столько тѣни, что подъ ними цѣлые дни могли плясать и работать дѣвушки. Въ набѣгъ на русскихъ отецъ Гассанетъ отправилъ двѣнадцать сыновей и племянниковъ, отлично вооруживъ ихъ и давъ каждому по доброму коню.

— Не думайте о наживѣ. Воровство хорошо въ мирное время. Въ бою молодому воину нужнѣе все хорошая слава... Постарайтесь, — продолжалъ онъ, — чтобы о васъ пѣли наши кадыча. Пѣсня, сложенная о джигитѣ, переживетъ вѣка. Васъ не будетъ на свѣтѣ, а ваши дѣти станутъ гордиться великою памятью своего предка, и всѣ имъ позавидуютъ.

Когда они уѣхали, старикъ цѣлый день слонялся, мѣста себѣ не находилъ, а въ ночь вдругъ приказалъ привести себѣ лучшаго коня.

— Куда ты, отецъ?— пристали къ нему дочери.

— Туда же, гдѣ теперь мои сыновья.

— Подумаи, ты старъ и слабъ.

— Довольно силенъ, чтобы держать кинжалъ.

— Останься съ нами!..

— Нѣтъ, Гассанетъ! Благо тому, кто умретъ въ борьбѣ съ невѣрными. Нѣтъ выше заслуги предъ пророкомъ...

Такъ и не удалось убѣдить его.

Примѣръ старика былъ такъ заразителенъ, что за нимъ двинулись и другіе, давно уже посѣдѣвшіе и забывшіе былые подвиги джигиты.

Гассанетъ была старшею дочерью. Она оставалась теперь хозяйкой въ домѣ.

— Гдѣ хозяинъ?—спросилъ Ходовой у одной маленькой дѣвочки, большеглазой, румяной, выбѣжавшей, было, ему навстрѣчу.

— Онъ дерется съ русскими внизу. Тамъ, въ провалѣ...

— Ахъ, да! Я видѣлъ его.

И вдругъ счастливая мысль озарила Ходового.

— Позови мнѣ Гассанетъ. Что она дѣлаетъ?

— Что ей дѣлать? Наряжается. Вѣдь, ее скоро продадутъ въ Турцію,—она тамъ будетъ женой самого важнаго паши и всѣмъ намъ пришлетъ шелковыя шальвары.

— Вотъ какъ!

— Да! Красныя съ золотыми позументами. Всѣ будутъ смотрѣть на насъ и завидовать.

Ходовой здѣсь былъ своимъ человѣкомъ. Онъ вошелъ въ саклю.

Дѣвушки у черкесовъ не прятались и не закрывались. Это ихъ ожидало по выходѣ замужъ.

Поэтому и Гассанетъ вышла къ нему нарядная и веселая. Она надѣла все, что у нея было лучшаго, бешметъ по пятки съ длинными рукавами, высокую шапку съ шелковымъ покрываломъ, не прятавшимъ лица.

— Ай, да мы!—похвалилъ ее солдатъ.

Она покраснѣла.

— Лучше и краше я и у насъ во Владимірской губерніи дѣвокъ не видалъ.

— Какъ ты попалъ сюда?

— Я ушелъ отъ своихъ. Видѣлъ твоего отца. Онъ меня прислалъ сюда и приказалъ дать мнѣ лучшую кабардинскую лошадь изъ табуна. Съ сѣдломъ и приборомъ.

— Здоровъ онъ?

— И здоровъ, и веселъ. Что ему дѣлается?

— Зачѣмъ тебѣ лошадь?

— Ёду мѣстовъ искать въ Кабардѣ подальше. У Темрюкова. Поѣду назадъ, вернусь и лошадь привезу.

— Ты бы погостилъ.

— Некогда мнѣ. Сама видишь,—тороплюсь.

— Этакъ мы не успѣемъ тебѣ и обѣда устроить.

— Давай, что есть, — потому я засну часа три, усталъ, вѣдь, а къ полудню поѣду.

Гассанеть быстро пошла къ себѣ на женскую половину распорядиться.

Часа черезъ три Ходовой опять почувствовалъ себя свѣжимъ и бодрымъ.

— Неужели ты поѣдешь въ этихъ лохмотьяхъ? — спросила его Гассанеть.

— А что? Тебѣ какое горе?

— Отецъ мой никогда не проститъ этого.

— Ну, давай, что у тебя есть тамъ.

Лошадь била копытами въ землю у порога.

Когда Ходовой вышелъ, его нельзя было узнать. На немъ была опрятная черкеска съ расшитыми позументами газырями и новая папаха.

— Ну, спасибо вамъ! — радовался Ходовой, садясь въ сѣдло и разбирая поводья.

— Добраго пути! успѣха въ дѣлахъ!

Онъ усмѣхнулся и подумалъ про себя: „Знали бы вы, какія у меня дѣла, не очень бы успѣха пожелали“.

Отдохнувъ, онъ живо выѣхалъ за околицу аула.

По ту сторону вилась тропинка внизъ.

Съ вершины отсюда была видна безконечная даль съ долинами и ауломъ, съ рѣчками, рождавшимися въ горахъ и бѣжавшими по дну ущелья къ морю. Вонъ даже и самое море воздушное лазурью чудится.. А въ той вонъ сторонѣ за тѣмъ гребнемъ совершенно сизыя лѣсныя горы, рѣка и подъ нею Прочный Окопъ.

Лошадь шибко шла впередъ.

Шагъ у нея былъ крупный и сильный.

Ходовой невольно порадовался.

— Ну, Гассанетъ, можетъ, и мнѣ придется услужить тебѣ, а только за коня вотъ какое спасибо. Этакъ я, пожалуй, къ ночи буду въ Прочномъ Окопѣ.

Часу не прошло, какъ онъ уже былъ въ долину, внизу. Цѣлая партія тапеузскихъ юношей ѣхала ему навстрѣчу.

— Куда?—спросилъ онъ ихъ.

— На войну!

Ихъ удивило, почему онъ не произнесъ обычнаго въ этомъ случаѣ: „Аллахъ да поможетъ вамъ!“ Они нѣсколько разъ еще оглядывались ему вслѣдъ.

— Странный джигитъ! — сорвалось, наконецъ, у одного изъ нихъ.

— И отчего онъ не съ нашими?

Но Ходового уже не было видно.

Его отдѣляла отъ нихъ опушка свѣжаго зеленаго лѣса.

XX.

Саша сегодня проснулся по обыкновенію разбуженный Бланшеткой. Коза, взобравшись на приступокъ къ его окну, слегка стучала рожками въ полуоткрытыя ставни и блеяла.

Саша такъ и понялъ ея утренній привѣтъ:

— Здравствуй, лѣнтятъ! Чего ты спишь? Солнце свѣтитъ, небо чисто, пока еще прохладно, а ты въ постели валяешься. Вставай, иди играть, и я, и Балкашка; и даже шельмецъ Прокуратка ждетъ тебя давно уже на площади.

Вспоминаніе о Прокураткѣ со стороны Бланшетки было истиннымъ великодушіемъ.

Они сегодня довольно крупно посчитались. Прокуратка, забывъ все уваженіе, которымъ былъ обязанъ болѣе почтенному животному, по своему кошачьему нахальству задумалъ, было, поиграть съ короткимъ хвостикомъ бѣлой козы. Подобно китайскому дракону, распластавъ всѣ четыре лапы

въ воздухѣ, онъ съ конца казарменной крыши перескочилъ на большую айву, сорвался съ вѣтки, уцѣпился за другую, царапнувъ такъ себѣ, по пути, задумавшагося о чемъ-то дрозда, и уже оттуда съ его перомъ въ зубахъ кинулся внизъ и сразбѣгу накинудся на названный выше деликатный предметъ, въ столь умѣренномъ количествѣ отпущенный природою всему козьему роду, что для обращенія съ нимъ требуется особенная осторожность. Совершенно справедливо почувствовавъ себя глубоко оскорбленною, Бланшетка мгновенно обернулась къ Прокураткѣ и наклонила, было, лобъ, собираясь попотчевать его рогами. И представьте, до чего дошелъ этотъ нахаль. Въмѣсто того, чтобы понять все свое невѣжество, онъ однимъ махомъ самъ оказался на рогахъ, съ роговъ перекинулся на спину Бланшетки и, осѣдлавъ ее, по-казачьи прокатился на ней нѣсколько разъ по крѣпостному двору подъ общій смѣхъ солдатъ, видѣвшихъ это изъ казармы. На что ужъ Балканъ, песь солидный и неповоротливый, и тотъ возмутился и съ оглушительнымъ лаемъ бросился на Прокуратку.

— Ахъ, неучь!.. Ступай вонъ сейчасъ, брысь, каналья. Скажите, пожалуйста, какой наглець! Забылъ всякое уваженіе, которымъ мы обязаны общественному положенію Бланшетки, и играетъ съ ней, какъ съ ровней!

Прокуратка, все на той же бланшеткиной спинѣ, вскочилъ разомъ на всѣ четыре лапы, и когда Балкашка въ порывѣ негодованія слишкомъ близко подобрался къ нему своей почтенной, убѣленной уже сѣдиной мордой, такъ ее обработалъ когтями, что бѣдная собака кинулась опретью назадъ, жалуясь на столь изумительное забвеніе ея возраста и заслугъ со стороны какого-то безцеремоннаго кота, которому и цѣна-то всего на всего грошъ. Покатавшись на Бланшеткѣ, Прокуратка однимъ прыжкомъ оказался на окнѣ кухни, стащилъ оттуда что-то съѣстное и черезъ секунду уже наслаждался на крышѣ, урча и разрывая зубами краденую добычу. Но Бланшетка была незлопамятна. По-

варъ выбросилъ ей капустныхъ листьевъ, и она забыла всѣ непріятности существованія, а теперь даже выманивала Сашу на дворъ, подъ солнце, напоминая ему кстати и о Прокураткѣ.

Саша живо вскочилъ и открылъ окно.

Свѣжесть утра наполнила всю его комнату свѣтомъ и прохладой. Рядомъ въ комнатѣ уже звенѣли чашки... Тамъ кипѣлъ самоваръ, слышался голосъ Тамары Давидовны.

Саша высунулъ туда голову.

Мать поймала его за уши, притянула къ себѣ и поцѣловала.

— Мама, мнѣ можно такъ?

— Какъ?

— Въ одной рубашкѣ.

— Стыдно, срамникъ. А еще верхомъ ѣздить. Кононъ! Вошелъ старикъ-солдатъ, игравшій при особѣ Саши роль няньки.

— Умой и одѣнь, пожалуйста, своего безстыдника.

— Пожалуйте! — отворилъ дверь къ нему въ комнату Кононъ.

Хочешь не хочешь, а пришлось одѣваться.

Саша, впрочемъ, при помощи Конона живо сдѣлалъ это. Не хотѣлъ только мыть лица, но Кононъ защемилъ его между своими колѣнями, такъ что тому ни отбиться, ни выскочить, помочилъ полотенце въ водѣ и такъ вытеръ Сашу, что тотъ, когда его освободили, оказался весь красный.

Съ волосами зато была цѣлая исторія. У Саши оказывался чубъ, съ которымъ никакъ нельзя было сладить. Приглашали даже доктора, но Карлъ Карловичъ глубокомысленно, подергавъ его за этотъ кокъ, задумался и, наконецъ, рѣшилъ: „это отъ натуръ, а разъ есть натуръ, наука нишего не можетъ“. Князь объяснилъ это ипаче: „Богъ шельму мѣтитъ“, а отецъ Саши даже усмотрѣлъ въ его чубѣ нѣкоторую воспитательную пользу. „Въ школъ будетъ за что драть, по крайней мѣрѣ; сама природа указываетъ: „таскай-

де его за это мѣсто“. Въ этомъ, впрочемъ, и самъ Саша былъ увѣренъ, ибо всякій разъ, когда ему случалось играть съ товарищами, и ихъ дипломатическія отношенія обострялись до предъявленія ультиматумовъ другъ другу, высота дѣйствія его враговъ начиналась именно съ чуба и затѣмъ уже переходила на другія мѣста.

На этотъ разъ не успѣлъ Саша войти въ комнату матери, какъ услышалъ:

— И Сашу, пожалуйста, не выпускай никуда.

Саша такъ и замеръ. Онъ разсчитывалъ сегодня показаться на Султанѣ.

— Какъ же это, папа?

— Такъ же. Съ сегодняшняго дня ворота крѣпости будутъ заперты.

— Развѣ что-нибудь случилось?—подняла голову Тамара Давидовна.

— Пока ничего...

— Ты чего-нибудь ждешь?

Петръ Александровичъ только посмотрѣлъ на нее и ничего не отвѣтилъ.

Она знала, что въ особенныхъ случаяхъ отъ него ничего не добьешься. Онъ молчалъ, какъ убитый. Раньше времени беспокоить нечего. Зачѣмъ же попусту терять слова.

— Мать-командирша!—остановился у открытаго окна князь.

— Здравствуйте.

— Во-первыхъ, пожалуйста руку.

Онъ поцѣловалъ.

— А во-вторыхъ?

— А во-вторыхъ, не скажете ли мнѣ, что это случилось такое?

— Гдѣ?

— У насъ.

— А что?

— Съ утра идетъ такая разборка. Пацъ пороховымъ по-

гребомъ валять еще земли, чистять ружья, повѣряютъ запаль. Точно въ ожиданіи инспекторскаго смотра или...

— Или чего?

— Или боя.

— Ну вотъ, какой же бой. Кругомъ все спокойно. Такъ вѣрно, Петръ Александровичъ хочетъ заставить всѣхъ васъ подтянуться...

— А развѣ ужъ очень распустились?

— Нѣтъ. А иногда слѣдуетъ немного укоротить повода.

Князь засмѣялся.

— Дядя Ваня!—вступился Саша.

— Что прикажете, Александръ Петровичъ?

— Что же это будетъ?

— Ну?

— Папа сказалъ, что и Султана не выпустить изъ коюшни и ворота крѣпости будутъ закрыты.

— Ну, вотъ. Нѣтъ, Тамара Давидовна. Тутъ что-нибудь да кроется!

— Почему же вамъ кажется?

— Сегодня всю ночь въ горахъ былъ слышенъ гулъ издали въ ущельяхъ. Точно туда сползали лавины съ вершинъ.

— Можетъ, и сползали.

— Лѣтомъ?

— Песчанья! Посмотрите, какъ кругомъ все спокойно.

Изъ оконъ комендантской квартиры, дѣйствительно, видны были горы съ ихъ бѣлыми поднебесными аулами, точно среди океанской безконечности, плившими съ вершинами, на которыхъ они сидѣли, въ какую-то точно отвѣсную даль. Въ крѣпости, провалившейся на самое дно пропасти, тоже было хорошо. Солнце изумруднымъ блескомъ играло на деревьяхъ, щедро ослѣпительными лучами осыпало широкой дворъ; яримъ полымемъ зажигало желтую мѣдь орудій, жадно протягивавшихъ свои хобота въ темныя амбразуры...

XXI.

Петръ Александровичъ Слободчиковъ только что окончилъ съ осмотромъ провіанта и позвалъ къ себѣ фельд-фебеля.

— Ну, братъ, дѣло плохо.

Тотъ, какъ благовоспитанный подчиненный, молчалъ ожидая, что будетъ дальше.

— Ты слышалъ, какую вѣсть принесъ Ходовой?

— Никакъ нѣтъ-съ. Вѣрный у подводы, ваше в—іе.

— Я ему велѣлъ молчать. Ты тоже помалкивай пока.

— Слушаю.

— Черкесы хотятъ обложить крѣпость.

— То-то ночью сегодня и шумѣло въ горахъ.

— Вотъ что... Вызови между пластунами и казаками желающихъ отбить барановъ у черкесовъ. Они съ собою, навѣрное, цѣлое стадо пригнали. А пастись имъ негдѣ, кромѣ Наташинцевыхъ луговъ за рѣкою... Скажи имъ, что за каждаго барана я имъ по карбованцу дамъ.

— И по абазу довольно будетъ, ваше в—іе.

— Нѣтъ, пусть стараются. Странно, что Наташинцевъ сидитъ у себя въ берлогѣ!

— Никакъ нѣтъ.

— Какъ?

— Они еще до свѣту пріѣхали.

— Гдѣ же онъ?

— У доктора.

— Вотъ не зналъ я. Что же не ко мнѣ?

— Говорятъ, что теперь надолго въ крѣпость.

Наташинцевъ былъ общимъ пріятелемъ здѣсь.

Когда-то онъ самъ командовалъ этими позиціями и крѣпостью, отслуживъ вѣрою и правдою свои тридцать пять лѣтъ. Это былъ еще крѣпкій старикъ съ георгіевскимъ крестомъ въ петлицѣ и трубкою въ зубахъ. И съ тѣмъ, и

съ другимъ онъ никогда не разставался. Крестъ онъ получилъ за то, что отстоялъ крѣпость отъ скопища въ 6.000

черкесовъ, обрушившихся на нее неожиданно, нежданно. А трубку называлъ своей законной супругой.

Онъ былъ холостъ, смѣлъ и поселился въ страшной глуши около крѣпости; ему тяжело было разставаться съ нею. Дома, на далекомъ сѣверѣ, у него не оставалось ни друзей, ни знакомыхъ, ни родныхъ. Все, что ему было дорого въ цѣломъ свѣтѣ, сосредоточивалось здѣсь, въ чертѣ этихъ бастіоновъ, стѣнъ и башенъ.

— Меня даже и въ Тифлисѣ ни одна собака не помнитъ!—говорилъ онъ; и поэтому Наташинцева туда не тянуло. — Съ меня и крѣпости довольно!

Точно весь міръ, его міръ, заключается въ этомъ каменномъ гнѣздѣ, въ провалѣ между горами.

— Иной разъ мнѣ чудится, что дальше и нѣтъ ничего. Конецъ свѣту! Умру, похоронятъ меня у крѣпостной церкви. Какъ-нибудь да надо доживать вѣкъ!

Онъ, какъ всѣ старые кавказцы того времени, былъ въ высшей степени опрятенъ, даже щеголевать невѣдомо для кого. Какъ онъ ухитрялся являться всегда въ чистенькомъ сюртукѣ и сапогахъ, блестящихъ, какъ зеркало.

— Я и на службѣ лодырей терпѣть не люблю!—говаривалъ онъ.

— Отчего вы не женились, Осипъ Константиновичъ?

— Я?.. да некогда было. А потомъ гдѣ же нашему брату невѣсть искать?

— Да вотъ же Петръ Александровичъ нашелъ.

— Ему такое счастье. А у насъ въ мое время—крѣпостныя дамы все больше прачки были. А въ Тифлисѣ за этимъ ѣздить—службѣ ущербъ.

Въ своей маленькой папахѣ и буркѣ онъ бродилъ по всѣмъ горамъ. Охотился на туровъ, кабановъ, работая у себя подъ крѣпостью, за рѣкою въ саду. У него былъ тамъ бѣлый домикъ съ плоскою крышею и такою зеленой чащей вокругъ, что у стараго кавказца душа на нее радовалась. Тополи стѣною стояли у самой рѣки, точно заслоня и сторожа домъ, а дальше раскидывались широколиственные и

могучія чинары, и, какъ дополненіе всего этого, какъ строгій и могущественный аккордъ въ веселой и жизнерадостной мелодіи, подымались важныя, торжественныя кипарисы. Въ лунную ночь блестящій изъ-за нихъ бѣлый домикъ былъ очарователенъ, чѣмъ-то таинственнымъ казались темныя тѣни деревь, отражавшіяся ярко и рѣзко на его стѣнахъ. Наташинцевъ жилъ тамъ со своимъ денщикомъ. Тотъ вмѣстѣ съ нимъ поступилъ на службу, вмѣстѣ состарился на ней и вмѣстѣ вышелъ въ отставку.

— Я да Федоръ, въ цѣломъ свѣтѣ насъ только двое и есть,—говаривалъ Наташинцевъ.

Въ крѣпости онъ всегда останавливался у доктора. У того были двѣ комнаты, и одна держалась исключительно для Наташинцева.

— Ну, нѣмчура! — вошелъ онъ къ нему чуть свѣтъ.— Готовъ свой инструментъ.

— А что?

— Скоро тебѣ мясничать придется.

— Какъ это?

— А такъ. Федоръ, устрой-ка тутъ все... Ну, Карлъ Карловичъ,—вели самоваръ.

— Вы, полковникъ, объясните сначала, въ чемъ дѣло?

— Въ чемъ дѣло? А въ томъ, что, какъ казаки говорятъ: врага видимо-невидимо съ горъ ползеть.

— Зачиво?

— За тобой, разумѣется. Потребуютъ у Слободчикова твоей выдачи.

— На какой предметъ?

— Въ Константинополь, къ султану отошлютъ тебя, чтобы ты султановскихъ женъ лѣчилъ.

— Смѣетесь вы всегда...

— А что же плакать, что ли? Я, тово, отдохну, да къ Слободчикову пойду.

— Надо ему сказать сейчасъ.

— А ты думаешь, онъ глупѣе насъ съ тобою, ничего не

знаеть? Даромъ въ землю зарываться сталъ, что ли? Ахъ, ты, остзейская фефела!

И онъ пошелъ отдохнуть.

Не успѣлъ Слободчиковъ вернуться, какъ вѣстовой доложилъ:

— Полковникъ Наташинцевъ.

Петръ Александровичъ вышелъ къ нему навстрѣчу.

— Осипъ Константиновичъ... слышали?

— Не только слышалъ, но и видѣлъ.

— Много ихъ?

— Да такъ же, какъ и при мнѣ тогда. Тысячь шесть, пожалуй.

— Устояли?

— Какъ Богъ. Сдѣлаемъ все, что слѣдуетъ. А и помремъ,—когда-нибудь, вѣдь, надо.

— Я не о томъ. Нашему брату въ постели кончиться неблагоприятно. У меня вѣдь жена да мальчикъ.

— Ходового къ Зассу послали?

— Вы почему знаете?

— Кого же больше! Одна вѣдь у насъ цаца.

— Еще третьяго дня.

— Зассъ можетъ обходнымъ движеніемъ... Или въ лобъ пойдетъ. Запасовъ у васъ достаточно?

— На три недѣли хватить. Сегодня приказалъ охотниковъ вызвать.

— За баранами?

— Да.

— Ну вотъ, ихъ стада теперь на моихъ лугахъ. Исполните мою просьбу?

— Какую?

— Поручите мнѣ охотниковъ. Я, вѣдь, мѣстность кругомъ отлично знаю.

— Заранѣе васъ благодарю.

— Тогда, какъ смеркнется, — мы и выйдемъ незамѣтно.

А пока и отсыпайтесь.

Они пожали другъ другу руки. Наташинцевъ уже уходилъ, когда Слободчиковъ его окликнулъ:

— Осипъ Константиновичъ!

— Ну-съ?

— Если меня убьютъ, — всѣ подь Богомъ ходимъ...

— Еще бы!

— Вы примите на себя команду.

— Такъ вы приказываете?

— Да, тогда я спокоенъ за будущее. Только помните, — ни подь какимъ видомъ Тамару и Сашу въ плѣнъ не сдавайте.

— Слушаю-съ.

— Истошивъ всѣ средства защиты, взорвать крѣпость, и вся недолга.

Они еще разъ крѣпко пожали другъ другу руки и разстались.

XXII.

Осипъ Константиновичъ вечеромъ былъ готовъ тогда, когда офицеры еще отдыхали.

Ему подали его кабардинца. Онъ живо вскочилъ въ сѣдло, совершенно забывая, что ему уже около шестидесяти лѣтъ и долгая служба на Кавказѣ наградила его всякими ревматизмами.

— Ну, братцы, кто со мной?.. Здравствуй, Остапенко.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе, — и рослый казакъ широко улыбался, видя свое старое начальство.

— Помнишь, какъ мы съ тобою у шапсуговъ табуны отбивали?

— Точно такъ.

— Давно это было. Постарѣли мы. Надо бы и на покой костямъ.

— Поживемъ еще.

Подошелъ комендантъ.

— Здорово, братцы!..

— Здравія желаемъ, ваше высокоблагородіе!

— Ну, мнѣ вамъ нечего говорить, кто беретъ такого командира, какого другого и не сыщешь. Всѣ его знаютъ, какъ и я.

Наташинцевъ пожалъ его руку.

Позади было нѣсколько пѣхотинцевъ на случай, если бы пришлось остановить нападеніе черкесовъ.

Ихъ сѣрые ряды сливались съ сумракомъ быстро въ этомъ провалѣ подступавшаго вечера. Скоро одни только папахи да штыки виднѣлись въ потемкахъ.

— Пора, я думаю?—спросилъ Слободчиковъ.

— Да, съ Богомъ. Ну, прощайте, Петръ Александровичъ. Они обнялись.

За крѣпостными воротами все было тихо и темно.

Черкесы еще смирно сидѣли въ утесахъ. Имъ важно было не дать врагу разсмотрѣть свои силы и наброситься на него неожиданно.

Маленькій отрядъ живо перебрался черезъ рѣчку. Казакамъ было съ полгоря, только что ноги намочили да коней выкупали, а солдатамъ пришлось плохо. Рѣчка текла шумно и быстро, кое-гдѣ въ яровѣѣ относило прочь. Грудью шла рѣчушка, особенно посрединѣ. „Такъ и преть!“ жаловалась пѣхота, которой и раздѣться было некогда.

Ружья да патронташи подняли надъ головой и такъ шли прямокомъ.

— Какъ мы барановъ назадъ погонимъ?

— А это уже не ваше горе,—отвѣчалъ Наташинцевъ.— У меня есть тамъ одно мѣсто, одни копыта да курдюки замочать. Прямо ихъ къ Георгіевскимъ воротамъ выведу, только пошли Господь удачу. Тише, братцы, тише!..

Ночь была темная, беззвѣздная. Луна на ущербѣ подымалась поздно. Небо все заволкло туманомъ.

Перешли рѣчку еще засвѣтло, а на той сторонѣ точно ихъ мракомъ прикрыло.

— Какъ бы не сбиться.

— Не бойся. Остапенко, ты здѣсь?

— Я!

— Ну вотъ, возьми моего Федора, онъ васъ проведетъ. Они, ихніе пастухи, давно уже на моихъ лужкахъ. Утромъ, какъ уѣзжалъ, топотъ-то ихъ слышалъ. Точно горохъ сыпался, бараны шли. И столбы пыли стояли. Теперь они у меня къ саду привалили.

— Дай-то Богъ.

Безмолвіе ночи нарушалось только страннымъ какимъ-то гуломъ. Точно что-то просыпалось, гудѣло и мало-по-малу опять засыпало.

— Это они.

— Да, должно, новыя партіи подходятъ.

— Пожалуй, завтра и накинутся.

— Чего жъ имъ ждать-то? Особенно, если удастся барановъ отбить. Озлятся.

— Вотъ что, ребята. Пѣхоту стороной заведу. Если какіе всполошатся, она ихъ свинцовыми гостинцами встрѣтитъ. А съ пастухами мы и сами справимся.

Солдаты и казаки даже и не понимали, куда ихъ ведутъ. Въ темнотѣ все ступевалось и слилось. Вдругъ передъ отрядомъ явились какіе-то деревья и опять отступили назадъ съ широко раскинутыми сучьями и шелестомъ встревоженной листвы. А то на пути подымался утесъ, его надо было обойти, посылая пластуновъ впередъ. Богъ знаетъ, что тамъ по ту сторону!.. Такъ схоронятся разбойники, что очнешься только, столкнувшись съ ними грудь съ грудью. .

Въ этой темнотѣ минуты выростали въ часы. Казалось бы, знаешь, сколько времени прошло, хотя ночь еще была въ самомъ началѣ. Какъ Ѳедоръ съ Остапенкомъ видѣли дорогу здѣсь, трудно было понять, только отрядъ шелъ вѣрно, ни разу не заплутался и не сбился въ сторону. Во всей этой полосѣ черкесовъ еще не оказывалось, они стояли цѣпью по горамъ и внизъ не рѣшались еще сойти. Движеніе солдатъ и казаковъ подымало чекалокъ изъ сырыхъ поеминъ, но онѣ, отбѣжавъ недалеко, хоронились, куда попало, и только, когда люди отходили дальше, поднимали свои отчаянные, жалобные, похожіе на рыданіе, крики. Кое-гдѣ съ неба уже сползла марь, и оно трепетало звѣздами. Онѣ были видны, но въ этотъ мракъ котловины не бросали своихъ лучей, ни мало его ни разсѣивали.. Изрѣдка надъ головами казаковъ пролетали пугачи и совы, тяжело мѣрля воздухъ большими крыльями. Летучія мыши то и дѣло черкали кругомъ, точно ласточки, всполошившіяся передъ непогодой...

Ѳедоръ круто свернулъ въ сторону.

Опять послышался шумъ воды. Рѣчка разбивалась на множество отдѣльныхъ рукавовъ, и текла здѣсь по мелкому щебню и песку.

Дальше слышался странный шорохъ. Точно песокъ сползалъ съ горъ большою массой.

— Стада?—спросилъ Наташинцевъ.

— Они и есть.

— Ну-ка, пошлите пѣхоту, пускай она въ тылъ заберется

Невидимые во тьмѣ солдаты живо раскинулись цѣпью по ту сторону луговъ. Казаки крались за ними... Должно быть, во мракѣ ихъ почуяли пастухи. Послышался говоръ. Кто-то окликнулъ. Но казаки „прижались“, и ночь не отвѣчала ни единымъ звукомъ на зовъ встревожившихся людей... Потянуло вѣтромъ, зашептали вершины лѣса. Казаки воспользовались этимъ и продвинулись дальше... Теперь все было готово. Надо было ожидать только команды. Врасплохъ застать горцевъ все-таки нельзя было. Они перекликались и, видимо, были на чеку...

— Что же, пора?

— Съ Богомъ, ребята!—крикнулъ Наташинцевъ.

Казаки погнали коней прямо на стада.

Пастухи тоже вскочили въ сѣдла и давай беспорядочно стрѣлять, куда попало, авось-де напугаются. Да они еще и опредѣлить не могли: свои ли это приняли ихъ отары за русскихъ, или послѣдніе воспользовались ночнымъ временемъ и отгоняють стада отъ нихъ. Скоро, впрочемъ, недоумѣніе ихъ было разсѣяно. Ночевавшіе за мостикомъ черкесы почуяли тревогу, кинулись, было, сюда, но пѣхотная цѣпь, раскинутая между ними и баранами, встрѣтила ихъ такимъ дружнымъ огнемъ, что ихъ точно скинуло... Цѣпь стрѣляла отсюда назадъ, по мѣрѣ того, какъ казакамъ удавалось поднять стада и отогнать ихъ къ намъ. Пастухи сунулись, было, со слѣпу въ рукопашную, но казаки ихъ живо скрутили.

— Все равно, наши бараны, — урезонивали ихъ станичники. — Лучше гони ихъ доброй волей, а то, вѣдь, и башку долой.

Пастухи были разрознены, сопротивляться нечего было и думать.

Они медленно погнали стада.

Опять шорохъ наполнилъ окрестности. Поднятыя со сна овцы медленно направились къ крѣпости. Назади цѣль солдатъ, отходя, посылала во тьму передъ собою выстрѣлъ за

выстрѣломъ. Вотъ и темныя пятна Наташинцева сада. Ни за него, ни за домъ онъ не боялся. Ни то, ни другое не принадлежало ему. Онъ нанималъ ихъ у богатаго черкеса Абдуллаха Конакова, который, разумѣется, участвуетъ въ набѣгѣ на русскихъ и будетъ зорко сторожить свои владѣнія... Еще и не разсвѣло, какъ часовые на крѣпостной стѣнѣ разслышали издали движеніе чего-то сплошного, громаднаго.

Слободчиковъ сегодня и не ложился, не до того ему было. Взойдя на башню и прислушавшись, онъ понялъ, что идутъ сюда отбитыя стада.

— Ну что? — черезъ нѣсколько времени встрѣтилъ онъ Наташинцева.

— Поздравляю и васъ, и всю крѣпость съ провіантомъ.

— Много?

— На мѣсяцъ хватить, если сѣна у васъ довольно.

— А убитыхъ и раненыхъ?

— Никого. Въ темнотѣ отлично обошлось все. Плѣнныхъ пастуховъ привелъ. Не знаю, что съ ними и дѣлать.

Барановъ загоняли до утра прямо на дворъ и площадь.

Плѣнныхъ горцевъ посадили въ казематы.

Петръ Александровичъ поздравилъ себя съ первой удачей.

XXIII.

Утро было прелестно. Природа рѣдко ласкала человѣка такъ всѣми красками, звуками, тепломъ и свѣтомъ, какъ сегодня. Вокругъ крѣпости громко пѣли птицы, покрывая своимъ веселымъ концертомъ говоръ рѣчныхъ струй и шелестъ вѣтра въ свѣжей листвѣ лѣса. Небо, безоблачное и кроткое, чаровало бездонною синевою. Нѣжно и воздушно рисовались въ ней вершины горъ, и самые снѣга ихъ не слѣпили глаза рѣзкимъ блескомъ, а свѣтились легкимъ красноватымъ свѣтомъ. У коменданта къ кофе сошлись офицеры.

— Ну, господа, вчера я не хотѣлъ васъ тревожить напрасно, а теперь поздравляю.

— Мы уже знаемъ.

— Тѣмъ лучше. Вѣроятно, къ вечеру намъ придется отбить первую атаку черкесовъ. Князь, я васъ попрошу принять на себя сѣверную башню.

— Слушаю-съ.

— Вы, Никита Ѳедоровичъ, — южную. Докторъ, васъ не захватить это врасплохъ?

— Я еще вчера все заготовилъ.

— А ужъ мы съ Осипомъ Константиновичемъ, — поклонился Слободчиковъ Наташинцеву, — тоже постараемся исполнить свои обязанности, какъ слѣдуетъ.

Онъ воспользовался тѣмъ, что Тамара Давидовна вышла, и предупредилъ офицеровъ:

— Долженъ сказать вамъ, господа, что дѣло будетъ жаркое. Когда оно кончится, Богъ вѣдаетъ. Доберется Ходовой въ Окопъ, намъ окажутъ помощь. Нѣтъ, надо разсчитывать только на себя. Если меня убьютъ, начальство надъ вами приметъ вашъ старый комендантъ, полковникъ Наташинцевъ. Во всякомъ случаѣ, кто изъ насъ здѣсь останется послѣднимъ, прошу его впередъ запомнить: крѣпости не сдавать ни въ какомъ случаѣ. Когда всѣ средства будутъ истощены и послѣдній сухарь съѣденъ, когда всѣ пули окажутся разстрѣлянными, дождаться, когда черкесы ворвутся сюда, и взорвать порохомъ погребъ.

Тамара Давидовна изъ другой комнаты услышала, какъ въ одинъ голосъ всѣ крикнули „ура!“

— Въ чемъ дѣло? — вернулась она.

— Нѣтъ. Я поздравилъ впередъ господъ офицеровъ съ побѣдой.

Тамара Давидовна недовѣрчиво взглянула на мужа, но передъ офицерами не рѣшилась больше его разспрашивать.

— Какъ сюда доѣдетъ сестра Маша?

— Я думаю, она вмѣстѣ съ оказіей вернется назадъ.

— Значить, мы ея не увидимъ?

— Если бы было возможно, я бы и тебя съ Сашей отправилъ къ нимъ.

— Сашу, пожалуй. А тебя я не оставляю. Да потомъ и доктору я нужна буду.

— Да, мадамъ, у васъ, какъ говоритъ русскій народъ, золотая рука. Вы лучшей мой фельдшеръ.

— Я должна ходить за ранеными.

— А вы отъ сестры послѣ того письма не получали никакихъ извѣстій?

— Нѣтъ, князь, никакихъ. Если бы что случилось, мнѣ бы дали знать.

Она ему отвѣчала особенно мягко, зная, какъ онъ относится къ Марьѣ Давидовнѣ.

— Я за нее беспокоюсь.

— Ну, что же можетъ случиться? Отрядъ ведетъ надежный офицеръ, самъ кавказецъ.

— Да, но Марья Давидовна иногда бываетъ слишкомъ нетерпѣлива.

— Только не тогда, когда она съ Лизой.

— Ну, господа,—началь, было, командиръ и приостановился.

Въ дверяхъ вытянулся вѣстовой.

— Поручикъ Козловъ.

— Проси.

Тотъ былъ дежурнымъ на стѣнахъ и пришелъ сюда въ парадѣ и папахѣ.

— Хотите кофе?

— Имѣю честь доложить господину подполковнику, что къ Андреевскимъ воротамъ подѣхалъ черкесъ, называющій себя Кай-Булатомъ, съ своими нукерами. У нихъ былъ платокъ на шапкѣ поднять. Они желаютъ видѣть васъ лично.

— Что ему надо? Тоже парламентары! Я бы прямо могъ повѣсить ихъ на крѣпостной стѣнѣ. За этими разбойниками никто еще не признавалъ права воюющей стороны.

„Почему же разбойники? — такъ и хотѣлось крикнуть Тамарѣ Давидовнѣ. — Они, вѣдь, свое защищаютъ. Не они къ намъ, а мы къ нимъ пришли!“ Но она промолчала и только положила свою руку на плечо мужа.

— Я бы тоже прогналъ его, — продолжалъ дежурный. — Но онъ говоритъ, что у него есть письма, еще что-то важное къ Тамарѣ Давидовнѣ.

— Ко мнѣ? — изумилась та.

— Точно такъ.

— Я въ первый разъ слышу о князѣ Кай-Булатѣ.

— Фамилія въ горахъ извѣстная.

— Мы именно его встрѣтили тогда, катаясь съ Сашей, — пояснилъ князь.

— Пусть отдастъ письмо и ждетъ отвѣта.

— Онъ желаетъ его передать прямо по адресу.

— Завяжите ему глаза и одного его проведите ко мнѣ. Его нукеры могутъ оставаться за стѣнами.

Офицеръ сдѣлалъ честь и вышелъ.

— Странно, какое у него дѣло можетъ быть ко мнѣ, — волновалась Тамара Давидовна.

— Вотъ сейчасъ узнаемъ. Просто хитрить. Хочетъ высмотрѣть, какъ у насъ и что.

Черезъ нѣсколько минутъ вѣстовой доложилъ:

— Привели.

— Проси.

Офицеръ за руку ввелъ сюда молодого и стройнаго черкеса, богато одѣтаго, съ такимъ оружіемъ, что Наташинцевъ, знатокъ его и любитель, невольно заглядѣлся.

— Сними съ него повязку.

Освобожденный отъ нея князь Кай-Булатъ вѣжливо приподнялъ папаху и положилъ ее на стулъ.

— Вы говорите по-русски?

— Понимаю, но плохо. Позвольте мнѣ на моемъ языкѣ... Князь вотъ, — улынулся онъ въ сторону молодого офицера, — хорошо говорить по-нашему.

— Князь, будьте добры...

— Прежде всего я долженъ исполнить порученіе вашей сестры.

Тамара Давидовна сама отлично знала горскіе языки.

— Моей сестры? Почему вы ее знаете?

— Трудно не знать. Она моя—плѣнница.

Всѣ вскочили на ноги. Князь схватился за шашку. Кай-Булатъ, улыбаясь, смотрѣлъ на него и спокойно продолжалъ:

— Она моя плѣнница, вмѣстѣ съ своей дочерью...

— Гдѣ вы ее взяли? Когда?

— Третьяго дня въ Акъ-Булатовомъ урочищѣ за мостомъ.

Подъ Тамарой Давидовной подкосились ноги. Она сѣла вся блѣдная.

— Не волнуйтесь и не безпокойтесь. Она въ плѣну, но моя мать и сестры обращаются съ нею, какъ съ гостьей. Она ни въ чемъ не терпитъ недостатка, у нея есть прислуга, и ей отведена отдѣльная сакля. Правда, она устала, потому что мы ѣхали ночью, но теперь она, вѣрно, уже оправилась.

— А „оказія“?—спросилъ комендантъ.

— Теперь уже, вѣрно, истреблена. Она отступила за мостъ назадъ и окружена нашими.

— И офицеръ упустилъ ввѣренную его чести и обязанностямъ даму? Этого не можетъ быть!..

— Я никогда не лгу,—гордо отвѣтилъ горскій князь.— Офицеръ не виноватъ: считая пути безопасными, ваша сестра сама выѣхала впередъ. Ее уже хотѣли, было, отбить у меня...

— У васъ есть письмо отъ нея?

— Виноватъ!—и черкесъ покраснѣлъ даже.—Виноватъ, забылъ. Вотъ оно.

Онъ изъ-за пазухи досталъ сложенный вчетверо листъ бумаги.

Тамара Давидовна прочла его. Слезы у нея выступили на глазахъ. Она передала мужу.

„Дорогая Тамара, пишу тебѣ плѣнницей Санчугесскаго князя Кай-Булата, сынъ котораго отбилъ меня у отряда, сопровождавшаго „оказію“. Виновата, впрочемъ, я. Думая, что больше нѣтъ опасности, выѣхала далеко впередъ и попала въ руки къ черкесамъ. Не плачь обо мнѣ, пока мнѣ хорошо, поскольку можетъ быть хорошо въ плѣну. Со мною вѣжливы даже по-рыцарски. У этихъ горныхъ орловъ, которыхъ мы считаемъ разбойниками, очень много хорошаго. Мнѣ дали отдѣльную саклю, и мы ни въ чемъ не терпимъ недостатка. Мою Лизу балуютъ, насколько умѣютъ. При другихъ условіяхъ, не будь я разлучена надолго со всѣми, кого я люблю и къ кому привязана, я бы даже считала свое положеніе завиднымъ. Я лицомъ къ лицу теперь съ тѣмъ таинственнымъ міромъ, о которомъ у насъ столько толкуютъ, и котораго никто не знаетъ. Вѣроятно, когда вернется старый князь Кай-Булатъ, меня отдадутъ за выкупъ. Государь былъ всегда милостивъ къ намъ, не откажетъ въ этомъ. Но мнѣ больно подумать, что вы меня такъ долго ждали у себя, и я сама стремлюсь къ вамъ всѣмъ сердцемъ, и вмѣсто того попала въ горы, въ забытый на скалѣ аулъ, къ чужимъ людямъ и, собственно говоря, къ врагамъ, хотя и благороднымъ. Попроси мужа написать обо мнѣ намѣстнику. Свѣтлѣйшій меня знаетъ и сдѣлаетъ все, что можетъ. На него у меня большая надежда. Цѣлую тебя и мужа. Моя Лиза плачетъ, вспоминая Сашу. Князю Ванчикѣ—поклонъ. Скажи ему, что я его не забыла, и мнѣ была такъ пріятна мысль, что его увижу. Молись за меня. Твоя Marie“.

Пока читали письмо, молодой князь спокойно сидѣлъ, оглядывая лица бывшихъ въ комнатѣ. Замѣтивъ князя Ваню, какъ его называлъ Саша, горецъ улыбнулся, но въ этой улыбкѣ не было вражды. Видимо, онъ вспомнилъ встрѣчу и нисколько даже не радовался своему торжеству.

— Мнѣ остается только благодарить васъ за сестру!..

— Не за что.

— Она мнѣ пишетъ, что ей тамъ хорошо.

— Мы сдѣлали все, что могли.

— Вы будете вознаграждены за это.

— О,—и горецъ покраснѣлъ.—Князь Кай-Булатъ беретъ плѣнныхъ не для выкупа.

— А для чего же?

— У моего отца, когда онъ жилъ въ Тифлисѣ, были плѣнники. Когда отецъ уѣхалъ...

— Бѣжалъ, то-есть?—поправилъ его Наташинцевъ.

— Свободному человѣку не зачѣмъ бѣжать. Когда онъ уѣхалъ, онъ племянника отправилъ въ кадетскій корпусъ въ Петербургъ. Ваша сестра съ дочерью будутъ доставлены вамъ въ обмѣнъ за моего двоюроднаго брата.

— Захочетъ ли онъ?

— Это не наше дѣло. Онъ нашъ и долженъ быть у насъ въ горахъ.

— Я напишу объ этомъ намѣстнику. Только теперь трудно переслать письмо, вы и ваши стоятъ вокругъ крѣпости.

— Я доставлю черезъ моихъ, куда прикажете. Если вамъ угодно послать вашей сестрѣ, я къ вашимъ услугамъ.

— Я бы хотѣла послать ей денегъ и...

— Въ домѣ моего отца она ни въ чемъ нуждаться не будетъ... Русскіе считаютъ насъ дикарями. Насъ утѣшаетъ только то, что вы насъ не знаете.

Всѣ невольнo заглядѣлись на красивое и энергичное лицо молодого горца.

— Не могу ли я предложить вамъ пообѣдать у насъ, пока мы будемъ писать письма?

— Благодарю. Тѣмъ болѣе, что я имѣю право на это.

И горецъ засмѣялся. Замѣтивъ общее недоразумѣніе, онъ пояснилъ:

— Въ числѣ отбитыхъ барановъ было и мое стадо.

— Я вамъ отдамъ вашего пастуха, если хотите, онъ ни въ чемъ не виновать.

— Знаю,—и буду вамъ благодаренъ. Онъ старый слуга моего отца.

— Я думалъ, что вы пріѣхали ко мнѣ съ предложеніемъ отъ вашихъ вождей,—замѣтилъ комендантъ.

— О, мы гораздо лучше разбираемъ людей, чѣмъ вы думаете. Я знаю, что васъ можно побѣдить силой, но не заставить сдаться безъ боя.

— И послѣ боя тоже.

— Аллахъ держитъ въ своихъ рукахъ судьбы всѣхъ.

— Крѣпость хорошо снабжена. Гарнизона достаточно.

— Не сила, а Богъ даетъ побѣду.

— Богъ за правыхъ.

— Да, мудрое слово. Только кто правъ? По-вашему вы, а по-нашему—мы.

— Я радъ, что увижу васъ въ бою,—подошелъ къ нему князь Иванъ.

— Я знаю это. Я въ первую встрѣчу прочиталъ въ вашихъ глазахъ, что мы еще встрѣтимся и... не друзьями.

— Хорошій и отважный врагъ лучше невѣрнаго друга!—отвѣтилъ ему тотъ горскою пословицей. — Я вамъ никогда не прощу этого плѣна.

— Развѣ я прошу у кого-нибудь прощенія?

— Вамъ пока отведутъ комнату у кого-нибудь изъ господъ офицеровъ.

— Если позволите, я предложилъ бы свою, — сказалъ князь Иванъ.

-- Пожалуйста.

— Прошу... Все, что у меня есть, — ваше.

— Русскіе умѣютъ быть великодушными. Мы бы хотѣли имѣть такихъ друзей.

— Кто вамъ мѣшаетъ? Принесите новинную, пришлите аманатовъ (заложниковъ) и примите присягу.

— Мы всегда были свободны и независимы. Надъ нами—

только Аллахъ въ небѣ, и другой власти черкесу не нужно. Не могутъ долинныя волки править горными орлами.

— Да, но васъ султанъ подарилъ Россіи.

Князь Кай-Булатъ усмѣхнулся.

— Видишь коршуна?—показалъ онъ черную точку въ небесахъ.

— Вижу.

— Я тебѣ, князь, дарю его.

XXIV.

Князь съ письмами отъ коменданта къ намѣстнику и отъ Тамары Давидовны къ сестрѣ выѣхалъ, когда солнце уже начало закатываться. Какъ разъ къ этому времени котловина, въ которой стояла крѣпость, вдругъ наполнилась шумомъ.

Очевидно, къ таборамъ враговъ, занимавшимъ ущелья, стеклись всѣ, кого они только ожидали. Безмолвно дотолѣ, оно точно ожило тысячью голосовъ. Уже не скрываясь, горцы смыкали свое желѣзное кольцо вокругъ крѣпости. Точно змѣя обвивала доставшуюся ей добычу, чтобы задушить ее въ своихъ объятіяхъ. Тысячами всадниковъ выѣзжали въ крѣпостныя сады, къ самымъ „секретамъ“, высланнымъ впередъ Слободчиковымъ. Сотнями потоковъ сбѣгали внизъ отдѣльныя отряды съ крутыхъ откосовъ, и птицы, встревоженныя неожиданными ватагами черкесовъ, взвивались подъ облака и тамъ неслись безпокойно во всѣ стороны, оглашая небесный просторъ своими криками. И на смѣну имъ отовсюду летѣло тучами и изъ-за горъ, и изъ поморья, и изъ долинъ жадное, голодное воронье. Летѣло, падая на землю, зловѣщее, безпощадное, единственно остающееся непобѣдимымъ въ каждомъ бою за счетъ человѣка и, вѣроятно, думающее, что люди для того только и существуютъ, чтобы въ своемъ варварскомъ и дикомъ безуміи питать именно ихъ, настоящихъ царей творенія.

— Это такой арьергардъ,—говорилъ князь Иванъ молодому офицеру, стоявшему на стѣнѣ рядомъ.

Слободчиковъ былъ уже тутъ. Онъ на всякій случай приказалъ зарядить орудіе картечью. Хоботъ его подали назадъ и мѣдное тѣло его прикрыли. Оно совсѣмъ было незамѣтно издали.

Тутъ крѣпость выдавалась угломъ, прямо въ зеленую урему окружавшихъ садовъ.

Сверху отлично можно было разсмотрѣть осыпанныя тяжелыми плодами деревья. Вѣтви низко клонились къ землѣ. Особенно сливы, онѣ изнемогали подъ обильнымъ урожаемъ. Персики только что стали золотиться и зарумяниваться, посылая по вѣтру сюда свое тонкое, нѣжное благоуханное „здравствуй“.

— Испортятъ они наши сады.

— Едва ли!

— Почему?

— Черкесы вообще не трогаютъ фруктовыхъ деревьевъ. Въ этомъ отношеніи они не похожи на насъ. Мы вырубаемъ взлелѣянные сады, они же называютъ ихъ благословеніями Аллаха. Помните, въ прошлую экспедицію мы уничтожили ихъ искусственныя поливки. Ну, а вотъ теперь, когда они уйдутъ, вы увидите: ни одна канавка не будетъ зарыта. Все останется на мѣстѣ. Не правда ли, полковникъ?

Но Слободчикову не до нихъ было.

Онъ зорко уставился въ одну точку, да такъ и замеръ.

Князь Иванъ обернулся туда же. Подъ громадными айвами тамъ что-то пестрѣло и шевелилось.

— Ну-ка, Федосѣевъ, наведи мнѣ туда орудіе. Да смотри, чтобы имъ не видно было.

— Слушаю-съ.

Подождали минуту.

Шевелившееся и пестрѣвшее тамъ пятно отдѣлилось отъ опушки сада и пододвинулось. Посрединѣ его отчетливо виденъ былъ сѣдобродый всадникъ съ худымъ и длиннымъ

лицомъ въ высокой папахѣ... Вокругъ него были такіе же пожилые джигиты.

— Я его знаю,—тихо проговорилъ Слободчиковъ.—Не въ одномъ бою встрѣчались. Возьми прицѣлъ поближе, Федосѣевъ.

Но сообразительный наводчикъ уже опускалъ хоботь орудія...

● — Это Джамадъ... Должно быть, отъ Шамиля сюда присланъ.

Джамадъ пристально смотрѣлъ сюда, точно хотѣлъ однимъ долгимъ взглядомъ оцѣнить и силу этого каменнаго гнѣзда, и толщину его стѣнъ, и храбрость, и численность гарнизона.

Онъ выдвинулся впередъ и, заслоняясь отъ заходившаго солнца, обливавшаго теперь всю эту группу всадниковъ живымъ червоннымъ золотомъ, обратилъ свое вниманіе на тотъ именно уголъ, гдѣ стоялъ Слободчиковъ.

— Ну, съ Богомъ... Орудіе,—пли!

Струей тусклаго огня брызнуло оно впередъ. Все дрогнуло отъ внезапнаго треска.

Всадники, какъ вспугнутыя птицы, разлетѣлись въ разныя стороны. Нѣсколько лошадей билось уже на землѣ, и ихъ хозяева распластались тамъ же, напрасно сисясь подняться.

Джамадъ, точно это до него и не касалось, выѣхалъ еще больше впередъ, пристально всматриваясь сюда. Теперь вся эта могучая фигура была, какъ на ладони. Онъ сидѣлъ въ сѣдлѣ немного бокомъ, подставляя солнцу свой рѣзкій профиль. Папаху еще больше сбилъ на затылокъ.

— Онъ, онъ и есть!

Слободчиковъ подошелъ къ самымъ зубцамъ крѣпости.

Джамадъ приостановился. Съ полминуты онъ смотрѣлъ туда.

— Не узнаетъ меня, должно быть.

Нѣтъ, узналъ, вонъ улыбнулся. Даже странно было видѣть улыбку на этомъ суровомъ лицѣ съ нависшими бровями и безпощадными орлиными глазами. Вотъ онъ поднялъ папаху. Слободчиковъ тоже поклонился ему. Джамадь что-то крикнулъ, но голосъ его былъ слишкомъ слабъ, чтобы его можно было слышать. Остановился на одно мгновение, солнце сверкнуло на его оружїи, и онъ тотчасъ же скрылся въ широкой тѣни громадныхъ платановъ.

— Кстати!

— Должно быть, напоролись ихніе на нашъ секретъ.

— Именно...

— Кто у насъ тамъ?

— Лопухинъ. Старый солдатъ! Надежный. Видно, вплотную припустилъ.

Когда солнце стало садиться, изъ опушекъ повсюду начали съѣзжаться черкесы. Иногда горцы, гарцуя, подѣзжали близко. Одинъ „молодецъ“, какъ по-русски звали своихъ удалцовъ горцы, выдвинулся близко-близко. Наклонился къ шеѣ своего коня и носится вдоль стѣнъ.

— Ишь, собака!—залился старый солдатъ.—А трусу празднуетъ, не остановится.

— Тебѣ бы, шельмѣ, за такое окаянство...

И не dokonчилъ.

„Шельма“ вдругъ круто остановилъ коня, такъ что тотъ взвился на дыбы и, повинуясь уздѣ, перевернулся на заднихъ ногахъ, поставивъ своего всадника лицомъ къ лицу съ крѣпостью. Горецъ оказался молодой, едва успѣ пробивался, съ бойкими, живыми глазами.

Какой-то солдатъ навелъ на него дуло ружья.

— Постой-ка! — удержалъ его сосѣдъ, — дай ему поругаться.

Черкесъ подскакалъ ближе.

— Эй... бояръ... Иванъ!

— Чего тебѣ, чортовъ хвостъ?

— Ходи сюда... мой кинжалъ по твоей шеѣ плачетъ!

— Ты воть пододвинься. Мы тебѣ рубить башку не станемъ, а порку зададимъ такую...

Но черкесь не слушалъ и, увидѣвъ молодого офицера, раскланялся.

— Эй, Иванъ (они всѣхъ солдатъ такъ звали),—мало же у васъ, знать, народу, что вы дѣвчонокъ переодѣли офицерами!

— Слушай, доггусъ, — выдвинулся молодой солдатикъ, лихо заломивъ фуражку на бекрень.—У насъ въ крѣпости старый козелъ есть, шибко шkodить. Хотимъ мы ему привязать колокольчикъ подъ хвостъ, чтобы слышно было, куда онъ идетъ. Приѣзжай, изъ твоей головы славный колокольчикъ будетъ, а тебя самого мы въ трубу подвѣсимъ покоптить да на вашъ бей-рамъ пошлемъ къ вамъ въ Азію на угощеніе. Поѣшьте свининки.

— Глупый у тебя отецъ былъ, что такого сына родилъ.

— Онъ не настоящій черкесь!—подхватилъ другой солдатъ рядомъ.—Его подмѣнили!

Перебранка длилась до тѣхъ поръ, пока черкеса не разозлили, и онъ далъ ногой по коню...

— Не любишь!—крикнули солдаты.

Выѣхалъ другой, третій, каждому хотѣлось испытать свое остроуміе въ перебранкѣ съ русскими. Наконецъ, изъ-за опушки послышался гортанный крикъ, издали долетѣвшій до нашихъ.

Молодцовъ точно смело прочь.

— Вотъ теперь настоящее начнется...

И, дѣйствительно, изъ садовъ показались длинныя линіи горцевъ.

XXV.

„Оказія“ уже четвертый день сидѣла въ старой черкесской башнѣ надъ мостомъ чрезъ пропасть, отбиваясь отъ обступавшихъ ее со всѣхъ сторонъ черкесовъ. Раненные были отнесены въ саклю и тамъ лежали въ тѣни и прохладѣ.

Adams

Здоровые же не имѣли ни минуты покоя. Спали въ три смѣны. Горцы тоже подѣлились: одни отдыхали, другіе безпрестанными нападеніями тревожили солдатъ. Телѣги съ провизіей для крѣпости тоже были свалены тутъ же. Но за этотъ день солдаты должны были свалить лошадей въ бездну. Солнце жгло. Тѣла ихъ давно уже начали портиться, и внутри этого укрѣпленія еще вчера было трудно, а сегодня невозможно дышать. Только мѣшки съ порохомъ отнесли въ башню, прикрыли ихъ землей, чтобы какъ ненарокомъ не взорвало, потому что черкесскія пули ложились повсюду, влетали въ каждую бойницу, въ каждую щель. Спасенія отъ нихъ не было нигдѣ.

„Слава Богу, что Марью-то Давидовну взяли въ полонъ! — подумалъ поручикъ. — Ей тамъ все-таки лучше, чѣмъ намъ“.

Еще бы не лучше! Куда бы она здѣсь дѣлась съ дѣвочкой? Носу высунуть изъ-за стѣнъ нельзя было, а въ стѣнахъ все было полно ранеными и умирающими.

— Помните, братцы, живымъ не отдаваться!.. — обращался къ усталому отряду офицеръ.

— Слушаемъ.

— Кто уцѣлѣветъ, — фитиль въ порохъ. Слышишь?

— Рады стараться!

И въ этомъ формальномъ отвѣтѣ ему послышалось столько отваги и рѣшимости, что онъ оставался спокоенъ. Самого поручика уже не разъ тронуло. Черезъ щеку у него была шашечная полоса. Перевязали, какъ могли, и онъ долженъ былъ продолжать свою тяжелую работу. Въ плечѣ сидѣла пуля, — не до нея, оказывалось, теперь. Ногу царапнула другая. Въ минуту отдыха все въ немъ ныло, болѣло. Въ ранахъ жгло. Кружило голову, казалось, смерть легче. Лихорадка трепала всего. Бездна близко, такъ и манить его. Подойти бы къ краю, или съ мѣста, глаза закрыть, шагнуть — и всему конецъ!.. Въ ту же бездну и другіе раненые смотрѣли съ чувствами, близкими къ надеждѣ. Въ самомъ дѣлѣ,

тамъ, вѣдь, забвеніе всѣхъ ихъ страданій. Стоитъ уйти, выползти изъ этихъ стѣнъ,—и тамъ конецъ всему!.. Задохнешься, и долетѣть до дна не успѣешь. Все равно, вѣдь, и тутъ смерть! Только мучительная, страшная. Но что-то, какой-то тайный голосъ говорилъ имъ: „терпите, надѣйтесь“.

Сегодня насталь, наконецъ, роковой день.

Пороху было мало и пуль, ружья оказались испорченными, люди обезсилѣли.

— Что же, ваше высокоблагородіе, — явился фельдфебель,—помирать ужъ, такъ помирать.

— Я тебя не понимаю,—поднялъ поручикъ отяжелѣвшую голову.

— Люди измучились. По-моему, какъ подвинутся горцы, отойти къ башнѣ и, какъ навалятся они со всѣхъ сторонъ, благословясь, взорваться. Все одно смерть.

— Я тоже думаю объ этомъ.

— Потому силы нѣтъ больше. Какъ куренковъ, заберутъ они насъ.

— Сдѣлать фитиль изъ веревки. Орудійные не годятся. Всѣхъ ихъ спалили.

— Слушаю-сь. Пушки бросимъ въ пропасть, не доставайся никому! Толкнуть, вѣдь, только, сами покатаются.

— А люди готовы?

— Всѣ.

— Ну, что же, не первые мы, не послѣдніе... Намучились. Исполнили свою обязанность до послѣдней минуты.

И вдругъ онъ вздрогнулъ и схватилъ солдата за руку.

— Ты слышишь, что это?

Фельдфебель прислушался. Далеко-далеко съ горъ гудѣло что-то.

— Вѣдь, это... барабаны?.. Да? Значить, наши идутъ на выручку.

Фельдфебель широко перекрестился. И усталые солдаты услышали. Тамъ уже голоса посылали свое „ура“ въ отвѣтъ на эту вѣсть близкаго спасенія.

XXVI.

Всюду, гдѣ по горнымъ ауламъ ни останавливался Ходовой, черкесы уже знали, что русская крѣпость со всѣхъ сторонъ обложена войнами Кай-Булата. На джамаатахъ собирались старики, разсуждая о томъ, что наконецъ-то счастье улыбнулось правовѣрнымъ. Аллахъ, въ своемъ неутомимомъ до сихъ поръ гнѣвѣ, нашелъ предѣлъ наказанію, наложенному имъ на горные кланы. Народъ, вѣрно, отмолилъ свои старые грѣхи, и теперь побѣда опять вернется къ племенамъ, доселѣ не знавшимъ пораженія. Надъ высями, утопавшими въ голубыхъ небесахъ, уже носится свѣтлый ангелъ, указуя храброй молодежи путь къ славѣ и счастью... Такъ всегда бываетъ, ярость буйнаго проходитъ отъ усердныхъ молитвъ, какъ лѣтнее облако отъ южнаго вѣтра, оставляя за собою чистую и ясную лазурь. Разумѣется, „русскіе теперь недолго останутся у нихъ“. Какъ пришли, такъ же и уйдутъ къ себѣ за горы, за Кубань, за Терекъ, оставивъ свои станицы, поля и луга горнымъ орламъ, которые вдоволь напоятъ жаждущую землю кровью гяуровъ.

Ходовой молчалъ. Еще наканунѣ у своихъ кунаковъ онъ могъ выдавать себя, теперь онъ радовался, что его вездѣ принимаютъ за настоящаго шапсуга. Черкесскіе обычаи не допускаютъ вопросовъ къ гостю: откуда онъ и зачѣмъ? Хозяева тамъ спокойно ждутъ, чтобы странникъ самъ сказалъ. А не скажетъ, — и того довольно, что, уходя, онъ благословитъ кровь, пріютившій его, и руку, накормившую усталаго изгнанника. Всѣ понимали, если пришлецъ не говоритъ, куда и почему онъ уходитъ съ родины, значитъ, позади себя его ждутъ мечь и смерть. На немъ „кровь“, такъ потомъ говорили люди, глядя въ сумрачное и почернѣвшее отъ солнца и горнаго вѣтра лицо Ходового. Когда онъ приходилъ на джамааты, желая узнать, къ чему готовятся „го-

лолобье“, всюду онъ встрѣчалъ все одну и ту же воскресавшую надежду на неизбежное пораженіе русскихъ. Часто старики обращались къ нему съ вопросомъ, видалъ ли онъ русскихъ и что онъ думаетъ о нихъ?

Ходовой, не выдавая себя, все-таки отвѣчалъ:

— Гяуры сильны и хитры. Глупо продавать сокола, еще не изловивъ его. Я знаю русскихъ: я долго былъ у нихъ

въ плѣну. Ихъ много, какъ песку морского, и что они разъ захватили, отъ того, повѣрьте, никогда не откажутся.

Разъ онъ цѣлыя сутки ѣхалъ; конь, взятый у кунака, оказался отличный и по горамъ царапался удивительно. Послѣдній аулъ остался еще вчера утромъ за тѣми вонъ уже синѣющими теперь вдали горами. Весь день онъ оставлялъ за собой долину за долиной, ущелье за ущельемъ; напился изъ горнаго потока утромъ; въ полдень едва-едва нашелъ ручей, прятавшійся подъ корнями вѣкового карагача; вечеромъ поѣлъ варенаго проса и вяленаго подъ сѣдломъ мяса, стреножилъ лошадь и пустилъ ее кормиться на свѣжую горную траву, какъ вдругъ ему вдали что-то поме-

решилось, точно старая башня за большими и вѣтвистыми деревьями. „Кому бы тутъ быть?“

Ходовой пошелъ туда, да вспомнилъ, что тутъ, въ горномъ диколѣсь нельзя никуда соваться съ пустыми руками, вернулся и взялъ ружье, и кстати. Въ сумеркахъ, голубыхъ и сквозныхъ сумеркахъ Западнаго Кавказа ему у самага входа въ башню мелькнуло въ глаза что-то рыжее, крупное, движущееся. Ходовой замеръ. Очевидно, это „что-то“—сильное, быстрое, коварное, потому что оно все время припадало къ землѣ и ползло по ней, направлялось не на него и не его замѣчало передъ собою. Только когда вѣтеръ шевельнулъ вѣтвями, и широкая полоса прощальнаго золотистаго свѣта освѣтила эту труппу, Ходовой вздрогнулъ и самъ живо припалъ къ какому-то пню и на него положилъ дуло ружья. Это движеніе не осталось незамѣченнымъ. Ползущее къ его лошади „что-то“ вдругъ пріостановилось, точно вросло въ землю: тихо-тихо повернулось сюда громадною башкою, и прямо въ глаза Степану Ходовому сверкнули два громадныхъ кошачьихъ глаза. Желтые, даже огнистые... Ходовой не въ первый разъ встрѣчался съ барсомъ: ему случалось бить ихъ, поужнѣе, — у Потти и Озургеть; но онъ никогда не думалъ, чтобы этотъ звѣрь такъ далеко углублялся въ горы. Ходовой только вѣрнѣе взялъ прицѣлъ. Онъ зналъ, что, прежде чѣмъ швыркомъ перебраться черезъ раздѣлявшее ихъ разстояніе и растерзать его, барсъ еще весь соберется въ комочекъ, точно сосредоточивая, собирая всю свою страшную силу для одного удара... Такъ и вышло. По бархатной кожѣ лѣснаго красавца пробѣжала дрожь; она вся точно сморщилась, отливаясь крупными складками, и въ тотъ же самый промежутокъ, когда, казалось, одинъ только мигъ отдѣлялъ Ходового отъ смерти, вся эта горная дебрь вздрогнула. Выстрѣлъ разбудилъ тысячи скалъ, и ихъ каменные груди отвѣтили ему, прокатился глухимъ грохотомъ по окрестнымъ ущельямъ, затрещалъ въ деревьяхъ и утонулъ въ безднахъ... Должно быть,

прыжокъ барса былъ рассчитанъ ранѣе, чѣмъ свинцовая пуля пробилла ему черепъ между глазъ. Уже сраженный на смерть, звѣрь вскинулся, перелетѣлъ половину пространства, отдѣлявшаго его отъ человѣка, и безъ стона шлепнулся оземь около него. Онъ шлепнулся такъ, что мягкія, бархатныя теперь лапы, которыя, какъ желѣзными тисками, сжали бы Ходового, будь этотъ барсъ живъ, подвернулись подъ его тѣло, и только красный языкъ вытянулся изъ пасти и, обливаясь слюною и кровью, висѣлъ между сильными, острыми и безпощадными зубами.

Лошадь дрожала, косясь сюда, и храпѣла. Ходовой пошелъ спокойно къ ней... Вѣрный конь и не пробовалъ даже бѣжать, только поводилъ глазами да ставилъ уши впередъ, точно навстрѣчу ожидавшему его оттуда звуку. Ходовой погладилъ ему шею, дунулъ ему въ ноздри. „Ничего, братъ, не бойся... Не выдамъ!“ И конь точно понялъ это, положилъ ему голову на плечо и уже спокойно дышалъ. Потомъ Ходовой пошелъ къ убитому имъ барсу. Звѣрь былъ изъ крупныхъ, шкура—какъ пышный бархатъ. Ходовой посмотрѣлъ на нее ласково. Старый лѣсной бродяга даже пожалѣлъ барса: экую красу ему Богъ далъ, а онъ на зло да на убійство ее... А впрочемъ, и то: всякому указано отъ того, кто послабѣе, питаться. Точно чуя вдали что-то, завывала чекалка. Съ другой стороны лѣса вторая отвѣтила ей. „Ишь, плачутъ, тоже ѣсть просятъ!“—улыбнулся про себя Ходовой и пошелъ къ старой башнѣ. Теперь въ ней безъ боязни ночевать можно. Ни одинъ лѣсной звѣрь не подойдетъ до утра, будетъ барса чуютъ. А барса звѣри всѣ боятся. Вотъ и каменная кладка выжила... Да камень-то это битый, совсѣмъ другой. Въ чашахъ Западнаго Кавказа не мало такихъ, и ихъ удавалось не разъ видѣть Ходовому... Ишь, какъ крестомъ пробить, и другой тоже... Кресты и въ камнѣ вытесаны. Развалины стараго христіанскаго храма, еще съ тѣхъ временъ, какъ здѣсь ни горы, ни долины не слышали напѣва муэдзиновъ, и пророку никто не молился и не творилъ ему намазовъ.

Турки, которые ввели здѣсь исламъ, не могли все-таки окончательно уничтожить и старой вѣры въ памяти горцевъ. И не только въ памяти! Въ сердцѣ черкеса жило еще долго умиляющее представленіе о кроткой Маріамъ, заступницѣ всей земли предъ грознымъ небеснымъ Судіей, о дивномъ пророкѣ Иссы, Который всѣхъ повелѣлъ жалѣть и затѣмъ Себя принесъ въ жертву за все человѣчество, Его же распявшее; о храбромъ св. Георгіи, покровителѣ всѣхъ джигитовъ, и Николаѣ, котораго нельзя обмануть: что разъ обѣщано ему, то и сдѣлай, иначе тебѣ будетъ плохо! И потому вплоть до сороковыхъ годовъ и даже пятидесятихъ такія трущобы, какъ та, въ которой теперь засѣлъ Ходовой, были мѣстомъ дѣйствія таинственнаго служенія и клятвъ. Сюда собирались, случалось, цѣлые аулы приносить присягу, когда они кончали между собою вражду; молчаливое чернолѣсье видѣло одинокихъ дѣвушекъ, пробравшихся къ забытому и оставленному алтарю, чтобы тамъ, въ вѣковой тиши, подъ тяжелыми каменными сводами молиться Николаю и просить его послать любимому человѣку удачу въ набѣгѣ, сохранить его отъ пули и сабли. Сюда же шелъ и самъ этотъ „любимый человѣкъ“ и умолялъ св. Георгія отогнать отъ него стрѣлы, вооружить руку его силою и вѣрностію, глазу дать мѣткость, сердце одѣть бронью, чтобы въ него не проникали слабость и жалость. Сюда, случалось, даже мѣстные судьи приводили тяжущихся дать клятву: со стороны истца въ томъ, что онъ право ищетъ; со стороны отвѣтчика въ томъ, что онъ не повиненъ въ обвиняющемъ его доносѣ... Но эти случайные посѣтители уходили, лѣсъ погружался въ безмолвіе, и въ оставленномъ почтенномъ храмѣ опять воцарялась священная тишина... Есть между такими храмами чудесные. Въ ночь Воскресенія Христова одинъ русскій странникъ заблудился въ горахъ и, боясь идти на огни враждебнаго аула, пріютился подъ тяжелыми арками забытой церкви. И вдругъ во снѣ онъ поднялся отъ какого-то шума. Вокругъ горѣли

свѣчи, въ воздухѣ носились едва различимые призраки. Призрачный священникъ вышелъ изъ ярко озареннаго алтаря и громко на всю эту заповѣдную дебрь возгласилъ: „Христось воскресъ!“ И долина съ ея лѣсами, горами, скалами и ущельями отвѣтили ему одною исполинскою грудью: „Воистину воскресе!“ Слились въ этомъ отвѣтѣ и шелестъ нѣжныхъ листьевъ, и грохотъ водопадовъ, и журчаніе веселаго потока, и глухіе мистическіе голоса таинственныхъ безднѣ... У Ходового, не особенно прилежнаго къ церкви, была только одна молитва. Богъ знаетъ, какъ запало ему въ душу восклицаніе іерея: „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!“ и онъ повторялъ его всякій разъ, оставаясь одинъ передъ молчаливымъ и забытымъ храмомъ. Такъ и теперь, входя сюда, онъ проговорилъ: „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!“ Казалось, что-то шевельнулось въ темныхъ углахъ... Зашуршало по каменнымъ плитамъ и вздохнуло за алтаремъ. Сіяніе заката давно погасло внѣ этихъ стѣнъ. Сюда, въ полуразрушенныя, узкія окна, едва струилось какое-то голубоватое мерцаніе. Привычка къ одиночеству и скитальчеству давно научила Ходового быть всегда на всякій случай на готовѣ. Такъ и теперь этотъ сумракъ не засталъ его врасплохъ. Онъ вынулъ изъ кармана длинный свертокъ фитиля, пропитаннаго воскомъ, и спички... Черкнулъ и зажегъ первый... Желтый огонекъ вытянулся и заструился въ застоившемся воздухѣ... Ходовой подошелъ ближе къ алтарю. Только и сохранилась, что каменная кладка... Нѣтъ... Вонъ на стѣнѣ вѣка безсильны были скрыть вполне ликъ Богоматери. Онъ, точно пробужденный изъ мрака, чуть-чуть вырѣзался и смотритъ строго и пристально на солдата... Вонъ другой ликъ. Остались сіяніе и развѣвающіеся волоса. Одинъ глазъ глядитъ, другой давно исчезъ. Надпись греческая, отъ нея осталось нѣсколько буквъ золотистыхъ... А на алтарѣ ладанъ, деньги, шитые поументомъ пояски... Лохмотья... кучки проса на тарелкѣ, ива, сухіе цвѣты, недавнія приношенія простыхъ сердцемъ,

молившихся здѣсь. Ходовой приложилъ сюда и свою копейку. И опять повторилъ: „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!“ И это „Слава Тебѣ“ загудѣло подъ сводами, точно нежданный гласъ невидимаго священника.

Ходовой вышелъ разсѣдлатъ коня... Сѣдло себѣ подъ голову, улегся у входа... Тихо-тихо колышатся деревья, легкой, нѣжный шелестъ ихъ наполняетъ всю эту церковь, и точно чьи-то легкія одежды едва-едва свистятъ и шуршатъ по ея стѣнамъ, точно невидимыя богомолицы, легкія, какъ тѣни, ступаютъ по ея каменнымъ плитамъ. Шелестъ листьевъ, свистъ ночной птицы, мѣрное жеваніе стреноженнаго коня да вой чекалки... Вонъ что-то блеснуло въ темнотѣ, должно быть, листья, шевелясь, показали Ходовому звѣздочку. Она точно въ душу запала старому бродягѣ: онъ и заснулъ съ нею въ душѣ, и во снѣ улыбался чему-то.

XXVII.

Проснулся Ходовой отъ легкаго холода.

Востокъ такъ и горитъ. Солнце лишь встало. Вдали виденъ его конь, спитъ, замаялся, сердечный. Поближе лежитъ убитый барсъ. А позади все, что ни было видно вчера, все запустѣніе оставленнаго храма такъ и бьетъ въ глаза. Вонъ зола и головни; должно быть, заночевавшіе здѣсь, грѣясь, раскладывали костеръ въ храмѣ. Паутина въ окнахъ и вверху въ дверяхъ... Нетопыри вернулись и висятъ, прицѣпившись, вверху подъ сводомъ черными гроздьями.

— „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!..“ и, перекрестившись, вышелъ Ходовой на воздухъ.

Барсъ такъ и дразнить его своей прелестной шкурой.

— Что же добро бросать?

За свою скитальческую жизнь съ вѣчными охотами на лѣснаго звѣря Ходовой научился отлично свѣжевать уби-

тую имъ добычу. Не прошло и часа, какъ со звѣря шкура была снята, точно чулокъ съ него сдернуть.

— Ну, остальное тоже не залежится!

И Ходовой засмѣялся.

Вонъ наверху вѣтви потемнѣли отъ воронья, налетѣвшаго отовсюду изъ зарослей обнаженного лѣса. А вдали между деревьями, поджавъ хвосты и присѣдая трусливо на заднія лапы, мелькають чекалки.

Уходя, солдатъ зналъ, что часа черезъ два отъ барса и костей не останется: все поразберутъ и по сторонамъ разнесутъ голодные гости лѣсной чащи.

— Хвоста не найдешь!—смѣялся онъ про себя.

А утро въ лѣсу было удивительное.

Востокъ горѣлъ и сіялъ, точно осыпанный брильянтами. Роса каждый листокъ убирала такую роскошью, какой и не снилось людскимъ мастерамъ. Отъ прохладной свѣжести расправлялись и раскрывались просыпавшіеся цвѣты, благоухая небесамъ свои безмолвныя молитвы. Еще влажныя скалы выплывали, расцвѣченныя заревомъ жизни, горныя вершины уже пекло, а здѣсь стояла тишина и холодокъ. Бодрило всего, такъ и звало къ счастью и живому дѣлу. И Ходовой, вѣрный себѣ, опять уже въ бездну ясной лазури послалъ свое неизмѣнное „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ!“

Теперь бы никто и не узналъ этого неуклюжаго и несуразнаго солдата. Куда дѣвались его печальность и мрачность. Въ крѣпости товарищи инымъ его и не видѣли, зато въ одиночествѣ въ горахъ, гдѣ, кромѣ Бога сверху да звѣря изъ трущобы лѣсной, его никто не видѣлъ, Ходовой вдругъ преображался. Движенія его дѣлались быстры и ловки, загорались глаза счастливымъ огонькомъ, и на губахъ, подъ усами, показывалась улыбка.

Старый бродяга, находясь внѣ обыденныхъ занятій, былъ настоящимъ поэтомъ природы. Онъ понималъ ее. Она для него имѣла и языкъ, и глаза, и зрѣніе. Онъ, чувствовавшій

себя одинокимъ въ казармѣ, среди товарищей, здѣсь былъ въ большомъ и миломъ обществѣ. Сверху, бывало, смотритъ, какъ звѣрь пьетъ воду по утрамъ, и радуется. Вотъ и джейраны набѣжали... Заждались, сердечные, дня, и отъ всякаго хищника имъ опаска. Ужъ гдѣ-нибудь да крадется за ними, негодный, и, дѣйствительно, въ глубинѣ ущелья намѣчаются тонкіе, сѣрые силуэты волковъ. Направляетъ туда ружье свое Ходовой и ждетъ, чтобы передній вышелъ на „чистое“ мѣсто. Уже сегодня-то вамъ не полакомиться свѣжинкой!.. И только что покажется голодный охотникъ на лысинку, тутъ какъ тутъ и настигнетъ его пуля Ходового. Вскинутся джейраны, и только ихъ и видѣли, горошкомъ поскачутъ на вершины, поближе къ Богу, гдѣ уже ихъ никто не догонитъ. А Ходовой радуется: гуляйте-де, милые! Всякая тварь да хвалитъ Господа. Что ужъ тутъ! А тѣ — въ лѣсной очарованной потайкѣ, среди безмолвія заповѣдныхъ лѣсовъ! Чу! Что это? Едва-едва всхлипываетъ. Не дитя же малое забралось сюда? Откуда быть такому чуду? Идетъ Ходовой на голосъ. Сквозь чащу продирается къ нему до самаго ключа, схоронившагося въ оврагѣ. Тамъ струйки плачутъ и смѣются и съ камешками шалютъ, а прорвется сюда солнечный лучъ, норовятъ каждая поиграть съ нимъ и блеснуть подъ его благостной лаской. И, бывало, сидитъ цѣлыми часами Ходовой и слушаетъ, и ему далеко не бессмысленными кажутся голоса этихъ струекъ. „Натомились въ горахъ-то, подъ камнями, въ самыхъ нѣдрахъ земныхъ, милня! Вырвались на волю, свѣту Божьему радуетесь. Все подальше отъ тюрьмы своей бѣжить и плачетъ, и всхлипываетъ,—за тѣ студеныя воды, чистыя, что за ключомъ еще въ самыхъ нѣдрахъ, въ вѣчной тьмѣ и тишинѣ...“

Такъ цѣлый день этотъ провелъ Ходовой, вполне счастливый своей волей и видомъ окружавшаго его Божьяго міра. Конь, отдохнувъ, быстро уносилъ солдата въ самую горную глушь, и только къ вечеру, когда по гребнямъ и утесамъ огнистыми цвѣтами заиграло солнце, вверху, на

сѣдловинѣ одной изъ горъ, показался ауль, котораго до сихъ поръ еще не зналъ Ходовой. Весь онъ казался коралловымъ, потому что солнце уходило въ тучу, и падали сюда красные лучи. Кругомъ ужъ густился туманъ, и одинокое горное гнѣздо точно плавало въ немъ, не имѣя ничего общаго съ землей. Ходовой кинулся туда; надо было до ночи попасть въ его стѣны. Тутъ черкесскія сельбища окружены стѣнами. Запоздай, ворота запрутъ, и до утра останешься передъ ними. Конь, точно соколъ, летѣлъ, когда нагайка Ходового гладила его и безъ того стянувшіеся бока; онъ точно отвѣчалъ сѣдоку: „ну, чего ты? развѣ самъ не видишь, какая круча? Скорѣе нельзя. Не бойся, попадемъ вовремя“. И даже не ускорялъ своего шага. Снизу поднималась тучка, окутала, было, Ходового, влагою покрыла его бурку и платье и крупными каплями осѣла на тонкой кожѣ горнаго коня. Въ тучѣ ужъ и не видать, гдѣ ауль. Не добратъся до него! Ходовой уже и рукой махнулъ, все одно.. Но чрезъ нѣсколько минутъ и туманъ точно раздался. Въ его сѣромъ маревѣ замерцало что-то рдѣвшее, — потухающій костеръ. Направился туда Ходовой и обрадовался. Ауль былъ почти уже предъ нимъ, весь облитый послѣднимъ отсвѣтомъ солнца. Конь, не ожидая нагайки, самъ понесся впередъ и вскочилъ подъ ворота, когда горцы изъ узкой щели между нижними саклями шли уже запираяться..

— Да будетъ благословенъ твой приходъ! — встрѣтили они путника.

— Аллахъ съ вами. Да простретъ пророкъ руку свою надъ вашими кровлями.

— Пусть услышатъ тебя ангелы! Посѣщеніе добродѣтельнаго принесетъ счастье.

И, полавъ въ добродѣтельные, Ходовой живо помчался за ними.

Онъ искалъ, гдѣ бы ему дали остановиться. Кругомъ были низенькія мазанки. Его посѣщеніе могло бы окончательно разорить ихъ хозяевъ. Ужели рѣзать для него бара-

новъ, когда каждый изъ этихъ хозяевъ держалъ только чужихъ барановъ и пасъ, а своихъ не имѣлъ. Такимъ образомъ, подвигаясь впередъ, Ходовой выѣхалъ на длинную площадь, гдѣ опять собрался народъ. Тутъ горѣлъ костеръ. Здѣсь находились сакли получше, и къ одной изъ нихъ подѣхалъ Ходовой.

Оттуда выскочилъ молодой человѣкъ, должно быть, сынъ хозяина, и взялъ стремя путника, помогая ему сойти.

— Да благословить тебя Аллахъ за то, что ты выбралъ нашу саклю.

Ходовой бросилъ ему поводъ и вошелъ, было, въ кунацкую.

Должно быть, хозяинъ былъ зажиточный. Здѣсь оказалось чисто. Тахты были покрыты коврами, вездѣ лежали подушки, въ углахъ стояли крытые жестью сундуки и даже— верхъ роскоши — на стѣнѣ висѣло зеркало, показывавшее два носа и четыре глаза.

Ходовой спросилъ у юноши, прислуживавшаго ему, гдѣ хозяинъ.

— Сегодня всѣ старики на джамаатѣ.

Ауль былъ на совершенно лысой горѣ. Ни одного деревца не поднималось на площади. Въ углу, куда выходила наружная галлерейка домика муллы, собралось много народа. Ходовой пошелъ туда.

Онъ былъ пріѣзжій, гость. Ему принадлежало лучшее мѣсто.

Всѣ потѣснились. Ходовой занялъ опроставшійся ему уголь... Привѣтствовалъ собраніе, которое ему отвѣтило ласково.

— О чемъ говорятъ здѣсь? — обратился онъ къ сосѣду.

— Да вотъ сюда дошли слухи, что русскіе побиты. Крѣпость ихъ взяли наши удалыцы.

— Какую?

Сосѣди ее назвали.

Ходовой усмѣхнулся.

— Кто это вамъ разсказывалъ?

— Да вотъ тутъ проѣзжалъ одинъ.

— Онъ снимаетъ шкуру съ медвѣдя, который еще по лѣсу ходить!—отвѣтилъ ему Ходовой горскою пословицей.

— Что это значитъ?

— А то, что еще ваши и обложить крѣпости не успѣли.

— Ты почему знаешь?

— Я самъ оттуда.

Собрание стариковъ зашевелилось. Даже необыкновенно важный мулла вступился.

— Ты давно оттуда?

— Четвертый день.

— Куда же ты ѣдешь?

Ходовой насупился.

— Давно ли у васъ такъ забыли горскіе обычаи, что у гостя спрашиваютъ, куда онъ отправляется? Или вашъ аулъ „пришлый“, чужой, и старые, хорошіе нравы вамъ неизвѣстны?

Старики замерли. Мулла, по мѣстному выраженію, „наѣлся“ грязи.

— Ты его прости!—вступился сосѣдь.—Нашъ мулла недавно изъ Турціи.

— То-то я вижу, что, несмотря на его сѣдую бороду, ему надо еще поучиться жить въ горахъ.

— Разные люди теперь шляются по нашимъ ауламъ;—опять проговорилъ мулла.

— Эй,—крикнулъ Ходовой, подвигаясь,—кунакъ!

Молодой человѣкъ, приведшій его сюда, приблизился.

— Ты еще не разсѣдлалъ коня?

— Нѣтъ, его выводятъ пока!

— Ну, такъ подай его сюда, я не остаюсь въ аулѣ, гдѣ не умѣютъ уважать гостя.

Старики всполошились.

— Не кидай тѣни на нашу честь!.. Не обижай всѣхъ за одного...

— Ты знаешь нашу пословицу: „мулла и дураку закона нѣтъ“?

— Ишакъ (оселъ) и мулла все могутъ сдѣлать!

— Нашъ аулъ всегда чтить гостя!

Ходовой успокоился и сѣлъ.

— Ваши не только еще не побѣдили русскихъ, но я теперь самъ ѣду къ Джамаль-беку просить его прислать дружину свою намъ на помощь. Русскіе сильны и храбры, они уже истребили добрую половину тѣхъ, кто спустился съ горъ къ нимъ. Ваши молодцы и джигиты у нихъ теперь точно въ пасти львиной.

Ходовой вралъ сознательно. Онъ зналъ, что если этотъ слухъ пройдетъ по горамъ, никто изъ нихъ не сунется къ крѣпости. Что за охота идти на вѣрное пораженіе.

— Сидитъ у нихъ въ крѣпости старый воинъ Слободчиковъ. Слыхали вы о немъ?..

— Да!..

— А я не только слышалъ, но и видѣлъ его. Было много у насъ вождей, возлюбленныхъ Аллахомъ, но такого еще онъ ни разу не посылалъ своему народу.

И Ходовой въ ораторскомъ ражѣ своемъ даже всталъ.

— Знайте, почтенные старики, что дѣла наши тамъ очень плохи: Господь отвратилъ лицо свое отъ насъ, и ангелы не смѣютъ ему принести въ заповѣдныя небеса наши молитвы, должно быть, велики наши грѣхи предъ нимъ. Онъ не хочетъ слышать даже просьбы самаго праведнаго. Гамзатъ изъ натухейцевъ самый праведный. Онъ цѣлые шесть мѣсяцевъ постился, моля Аллаха послать ему знаменіе свое.. и единый внялъ голосу добродѣтельнаго. Видитъ Гамзатъ вѣщій сонъ: лежитъ въ долину сѣрый волкъ, лежитъ и, кажется, околѣваетъ, проклятый.. Горный орелъ высоко надъ нимъ... И гнусень повелителю скалъ и вершинъ самый видъ этого поганаго звѣря. Камнемъ спускается къ нему орелъ, хочетъ выклевывать волку глаза. Опустился, схватился за его башку крѣпкими когтями. И вдругъ случилось чудо

нежданное: выросли у волка крылья, и онъ вмѣстѣ съ орломъ поднялся за облака и тамъ, въ чуждой ему области, началъ бой съ благородной птицей. А еще чрезъ нѣсколько мгновеній видитъ Гамзатъ, что летятъ оттуда внизъ орлиныя перья, и вслѣдъ за ними самъ орелъ, изорванный, бездыханный. А волкъ, торжествуя, на крылахъ своихъ опустился на самую высокую скалу и оттуда на весь мiръ

крикнулъ: „Горе вамъ, неправедные, горе! Горе, проклятые Аллахомъ! Всѣ вы будете мнѣ добычею. Онъ предастъ васъ отнынѣ мнѣ. Да буду я питаться вашимъ мясомъ и пить вашу кровь!“... Гамзатъ, плача, рассказывалъ мнѣ объ этомъ... А знаете ли, кто въ этомъ снѣ орелъ, а кто волкъ?

Собрание, пораженное, молчало.

— Не вѣрьте, правовѣрные, слову пришлеца и сну Гамзата!—раздался глухой старческой голосъ муллы.

— Какъ?.. Гамзату не вѣрить? Да ты въ умѣ, турецкая

ворона?!. — не выдержалъ Ходовой. — Ты знаешь ли, что слова Гамзата слушаютъ ангелы? По его молитвѣ Джарахская мечеть была въ одну ночь имъ перенесена изъ Мтубайской долины на вершину Джараха. Въ умѣ ли ты? Ну, почтенное собраніе, и мулла у васъ!.. Не радуюсь я за вашъ аулъ... если такой, какъ этотъ, предстоитъ за всѣхъ васъ Аллаху.

— Да ты кто такой? — взбѣсился мулла: — ты знаешь ли, что русскіе, которыхъ ты такъ славилъ, обречены на гибель?

— Кѣмъ?

— Султаномъ.

— Какимъ султаномъ?

— Нашимъ. Единственнымъ. тѣмъ, который изъ Стамбула управляетъ судьбами всего міра.

— Давно мы слышали эту пѣсню. Кровь лучшихъ дѣтей нашихъ льется рѣкою. Русскіе отнимаютъ у насъ долину за долиной, гору за горой, жгутъ наши аулы, словно желѣзнымъ кольцомъ, окружаютъ наши горы своими крѣпостями, а султанъ въ Стамбулѣ все еще собирается истреблять ихъ. Онъ только шлетъ къ намъ своихъ муллъ, плохое войско для борьбы съ русскими волками! Мы еще не видѣли блеска винтовокъ у его сарбазовъ и аскеровъ, не слышали и ободряющаго крика... Турки хороши только на то, чтобы сѣять смуту между нами.

И Ходовой отошелъ прочь.

Скоро и все собраніе начало расходиться.

XXVIII.

Ходовой чувствовалъ, что въ аулѣ къ нему относятся недоброжелательно.

Ужасно на него косился мулла, и старики уходили къ себѣ, не сказавъ ему обычнаго привѣта. Разумѣется, въ немъ никто не заподозрилъ русскаго, иначе бы и завѣты госте-

пріимства здѣсь не были соблюдены. Адать разрѣшаетъ это по отношенію къ врагу народа и вѣры. Его зарѣзали бы, какъ барана, на этой же площади. Ходовой слишкомъ хорошо зналъ мѣстные обычаи и языкъ, чтобы выдать себя, но у него душа была не спокойна. Тотъ же мулла могъ поднять на него народъ; въ аулѣ Ходовому ничего бы не сдѣлали, но внѣ его стѣнъ первый джигитъ могъ его подстеречь и ухлопать изъ-за утеса или изъ-за стараго, коряваго ствола придорожной сливы. Поэтому чуть только разсвѣло, онъ всталъ, самъ осѣдлалъ коня и тихо вывелъ его изъ нижняго помѣщенія сакли. На улицахъ еще никого не было. Ауль спалъ. До перваго намаза оставался почти часъ, и Ходовой зналъ, что за это время онъ будетъ уже далеко. Большія аульняя ворота были заперты громадною задвижкой изнутри, онъ ихъ отворилъ легко, и, тяжело скрипя, они медленно повернулись на своихъ ржавыхъ петляхъ. Внизу еще носились туманы, но лѣсному скитальцу они не были страшны. Ходовой зналъ, что завяжи онъ глаза своему коню, тотъ все равно отыщетъ дорогу и ни одного невѣрнаго шага не сдѣлаетъ надъ кручами и безднами, гдѣ въ бѣлой тѣни бѣсились потоки. Вчерашній путь, по которому онъ пріѣхалъ сюда, остался въ сторонѣ. Ходовой объѣхалъ ауль и медленно спустился въ сырую лощину. Ему нужно было ѣхать теперь на сѣверо-западъ. По едва-едва пробившемуся сквозь мглу солнцу онъ опредѣлилъ себѣ точно направление, котораго ему держаться, и ужъ шибко погналъ коня. Когда туманъ разсѣялся, что произошло еще чрезъ часъ, онъ оглянулся. Оставленный ауль со своей горной сѣдловиной казался, Богъ знаетъ, какъ далеко. Тамъ дымъ поднимался уже надъ саклями. Весь онъ со своими стѣнами и мечетью игралъ подъ солнцемъ. Тамъ уже творили намазъ, и голосъ муэдзина съ минарета, вѣрно, будить всѣхъ, кому еще спится за плотно притворенными ставнями. Поди, и его хватились: бѣгаютъ теперь и ищутъ, и умомъ раскидываютъ, куда-де это дѣлся гость? Мулла пошли сказать,

тотъ подыметъ тревогу, да поздно уже будетъ. Къ бжедухамъ, что живутъ за слѣдующей горой, изъ того аула не сунутся. Между ними кровавая вражда... Ну, а пока они еще засѣдлаютъ коней да примчатся сюда, Ходовой уже будетъ тамъ и можетъ смѣло смѣяться надъ ними.

Онъ выѣхалъ на слѣдующій скатъ, тутъ было полого. На вершинѣ горы росли сочныя, тѣнистыя дули; добрался туда и вдругъ остановился, какъ вкопанный.

— Что это?..

Даже съ коня сошелъ и къ землѣ припалъ, слушая.

— Чудится, что ли?..

— Нѣтъ, вотъ опять...

Точно поютъ гдѣ-то въ ущельѣ ротныя трубы.

Да... именно... Сборъ! Сборъ поютъ! Чу!..—вотъ и рокоть барабана.

Откуда бы сюда появиться русскимъ?..

Но Ходовой уже на разсуждалъ больше.

Онъ опять вскочилъ на сѣдло и, уже не разсуждая больше, стрѣлою помчался на эти звуки. Все кругомъ опять охватило его молчаніемъ. Зеленая пустыня ложилась во всѣ стороны, безлюдная, тѣнистая, прохладная. Но онъ живо сообразилъ, что съ той вонъ вершины онъ увидитъ всѣ ущелья кругомъ, и, уже погоняя коня, уносился туда. И конь будто понялъ, что не даромъ нащупываетъ ему всадникъ бока, и его гонить нужда неминуемая. Неужели наши стороною успѣли какъ-то обойти горскія крѣпости и поспѣли на помощь? Коли такъ, недалеко будетъ ѣхать Ходовому. Вмѣстѣ съ ними домой вернется... Раньше, чѣмъ ожидаетъ ихъ командиръ. А если это тамъ оказія?... Да какъ они бы провѣдать могли, что разбойники обложили крѣпость... Нѣтъ, гдѣ имъ... Такъ, вѣрно, что-нибудь не такъ...

Получаса не прошло, какъ Ходовой уже вѣзжалъ на вершину горы, откуда должны быть видимы ущелья по ту сторону.

Тутъ все было заслонено утесами и скалами, тамъ даль

раздвинулась вдругъ, да такъ, что и во всякое время Ходовой залюбовался бы непременно ею.

— Гдѣ же тутъ наши?

Неужели померещилось? Смотрить Ходовой, ничего не видать. Горы за горами, ущелья за ущельями, однѣ синѣ другихъ. Долины-то словно въ золотистомъ дыму. Тутъ мерещатся въ немъ пятна садовъ... Дорожки легли кое-гдѣ, только на нихъ никого рѣшительно. Еще зорче сталъ вглядываться, и вдругъ опять что-то загрохотало въ самомъ низу. Тамъ барабанщики ударили. Господи!.. да вѣдь это подъ ногами... Крутымъ отвѣсомъ падаетъ гора, по ней надъ самую бездною точно рубчикъ, и по этому рубчику именно навстрѣчу Ходовому идутъ наши... Вотъ маленькіе солдатики, точно муравьи. Правѣ ихъ за дальнимъ горизонтомъ отлично разглядываетъ Ходовой даже одно орудіе, нѣтъ-нѣтъ да и блеснетъ огонькомъ на солнцѣ. Ходовой быстро понесся къ нимъ навстрѣчу. Земля точно сама уходила изъ-подъ ногъ его коня... Дорога шла крутыми поворотами; нашъ маленькій отрядецъ то показывался, то пропадалъ изъ глазъ. Порою она суживалась и, дѣйствительно, казалась жалкимъ рубчикомъ надъ отвѣсомъ, но горскаго коня это не могло поставить въ тупикъ: онъ такъ же увѣренно несся впередъ, какъ будто подъ его копытами была широкая, хорошо съ обѣихъ сторонъ защищенная дорога. Степанъ даже нагайку за голенище спустилъ, теперь въ ней никакой нужды не оказывалось, и безъ нея хорошо было. На одномъ изъ колѣнъ этого головокружительнаго пути онъ спугнулъ коршуна, трепавшаго на утесѣ какую-то птицу. Хищникъ, все рѣже поблескивая на солнцѣ широко разставленными крыльями, взвился въ синеву неба и тамъ застылъ, высматривая, куда это и что такое гонить человѣкъ. Впереди слышались безтолковые и тревожные крики воронья. Ходовой нахмурился. Терпѣть не могъ эту птицу. Передъ каждымъ отрядцемъ она тучею несется, точно впередъ радуясь добычѣ. Передового подстрѣлилъ бы, да не хотѣлось отряда

тревожить. Остановили бы солдатъ, выслали бы впередъ развѣдчика или казаковъ и потеряли бы часъ или два. И воронье, тяжелое, раскормленное, черное, осталось уже позади. На одномъ изъ загибовъ дороги близко-близко мелькнули папахи солдатъ. Еще нѣсколько минутъ, и Ходовой остановился. Ъхавшій передъ ротой казачій развѣздъ остановился тоже.

— Стой, братцы, не стрѣляй!—крикнулъ имъ солдатъ, замѣтивъ, что тѣ уже и дула подняли вровень съ его головой.

— А ты кто такой будешь?—не опускали ружей казаки.

— Свой, свой!

— Ладно, много васъ своихъ!

— Изъ какого аула?

— Да что вы, станишники? Возьмите глаза въ руки! Не изъ аула, а изъ крѣпости.

— Должно быть, нашъ!—колебались тѣ.

— Скидавай ружье!

— Ладно. Я и безъ того не вынималъ его.

— Куда ѣдешь?

— Въ Передовой Окопъ.

— Зачѣмъ?

— А про то не вамъ знать... Гдѣ у васъ тутъ командиръ? Но не успѣли тѣ еще отвѣтить, какъ подѣхали двое офицеровъ верхами.

— Что это тутъ? Черкесь?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе. Сказывается, будто нашъ.

— Кто ты такой?

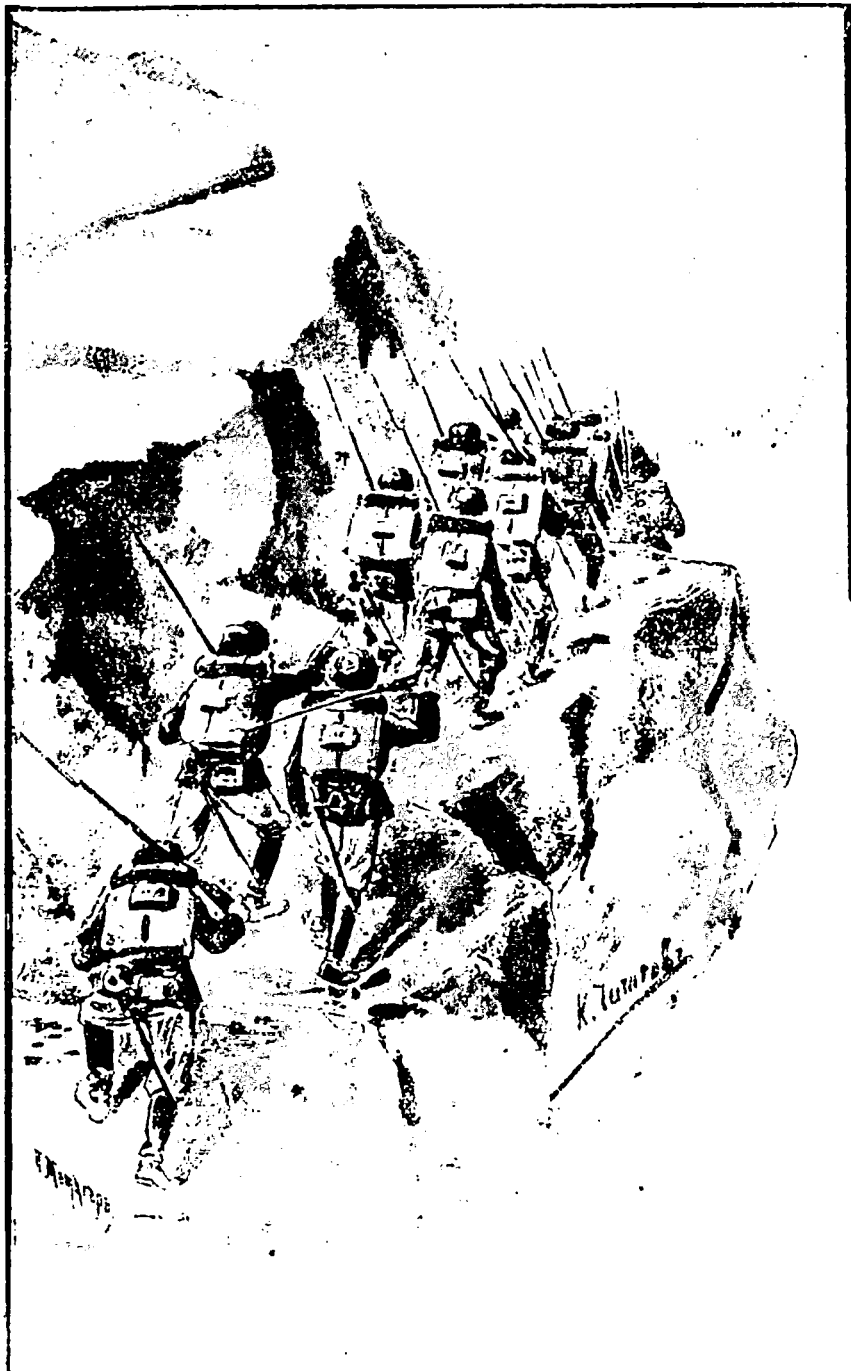
— Рядовой 3-го линейнаго батальона, 2-й роты Степанъ Ходовой, ваше высокоблагородіе?

— Откуда ты? .

— Изъ крѣпости къ генералу Зассу посланъ.

— Съ чѣмъ ты?

— Черкесовъ сила налѣзла, несосвѣтимо сколько ихъ, насѣли!

— Откуда?

— Со всѣхъ сторонъ. Такъ вотъ полковникъ Слободчиковъ послалъ... помощи просить. Какъ во-время не подадутъ, пропадемъ.

— Ну, ужъ и пропадемъ...

— Точно такъ... потому какъ тыщи вышли, почти десять будетъ.

— Мы тоже слышали...

Ходовой подѣхалъ.

— Погоди, любезный! А ты не можешь ли намъ указать Карабулакъ.

— Могу довести.

— Мы туда тоже на выручку спѣшимъ. Нашу оказію окружилъ Кай-Булатъ со своей шайкой... Шпіоны еще вчера донесли намъ объ этомъ.

— Показать могу, ваше высокоблагородіе. Отсюда вы туда къ завтраму будете. Недалеко это. А только самому мнѣ...

И вдругъ вспомнилъ, что по направленію къ Карабулаку идетъ прямая дорога на Перекопъ... Часовъ пять потерялъ Ходовой, но зато на удобствахъ пути долженъ выиграть, такъ что, пожалуй, еще скорѣе къ Зассу пріѣдетъ оттуда, да и вѣрнѣе...

— Слушаю-съ. Могу показать.

— Неужели только къ завтраму мы будемъ тамъ?

— Можно бы и скорѣе. Только путь тутъ несообразный.

— А именно?

— А именно все такъ вотъ... Да и черезъ аулъ немирный надо.

— Гдѣ этотъ аулъ?

— Часахъ въ двухъ похода. Сегодня я ночевалъ тамъ.

— Много у нихъ народа?

— Есть... Старики больше... Молодые въ набѣгъ ушли. На нашихъ.

— А трудно его взять?..

— Отчего же трудно, коли прикажутъ?

— И много мы такимъ образомъ выиграемъ!

— Сегодня къ вечеру будемъ въ Карабулакѣ.

— Попробовать, что ли?

И офицеры собрались въ кружокъ, соображая, можно ли рискнуть на такое предпріятіе.

— Сильно защищаться будутъ?—спросилъ одинъ у Ходового.

— Вѣстимо, ваше высокоблагородіе. Азіаты за стѣной всегда храбры.

— Ну, братъ, они и въ полѣ молодцами держатся.

— Это точно! Всякому своя жизнь дорога. Муллы у нихъ ехидные. А старики ничего.

— А незамѣтно подобраться нельзя?

Ходовой усмѣхнулся.

— У нихъ, ваше высокоблагородіе, собаки пріѣзжены. Онѣ за пять верстъ почуютъ. Вы еще внизу въ щели будете, а онѣ ужъ по селенію такую тревогу подымутъ, бѣда.

— Много потери будетъ?

— Это, какъ Богъ...

Опять стали совѣтоваться.

— Вѣдь съ проволочками, пожалуй, они живо нашу окازیю перекрошатъ.

— То-то, что...

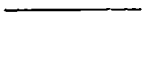
— Я такъ думаю, благословясь, цѣлиной идти!—рѣшилъ командовавшій отрядомъ.

— Значить, съ Богомъ. Гдѣ тутъ отдохнуть можно будетъ?

— А вотъ за этой горкой.

— Значить, и ты съ нами?

— Да ужъ видно, что такъ.

XXIX.

Должно быть, Ходовой по себѣ судилъ, увѣряя начальника маленькаго отряда, что онъ легко можетъ вывести его солдатъ къ Карабулаку. Въ сущности ему все равно было, какъ и гдѣ идти. Лишь бы оказалось достаточно мѣста поставить ногу, а онъ уже сумѣетъ пройти. Иное дѣло—рота, которая слѣдовала за нимъ. Солдаты и безъ того были утомлены. Сегодня они въ четыре часа утра вышли по холодку, а теперь было уже за полдень.

Солнце стояло высоко и жгло вершины и скалы горъ. Люди обливались потомъ, лошади—и тѣ переступали нога за ногу, изнураясь. Тамъ, гдѣ по дорогѣ попадались ручьи, солдаты жадно припадали къ водѣ, казаки обливали студеной влагой коней, и они на первыхъ порахъ послѣ того шли бодро и весело, пока солнце неумолимымъ зноемъ своимъ не уничтожало на нихъ послѣдніе остатки свѣжести и начинало жечь имъ темя и бока.

— Ну, и дорогу же выбрали!—жаловались офицеры.

— Чѣмъ не хороша?—искренно удивлялся Ходовой.

Всѣ только отмахивались.

Рубчикъ надъ бездною часто суживался. Внизу, на днѣ громадной пропасти, большія деревья казались меньше кустиковъ, а широкіе потоки—бѣлыми ниточками. Чудовищныя скалы, которыя солдаты долго огибали тамъ, теперь сверху мерещатся камешками, сорвавшимися съ горы и застрявшимъ на стремнинахъ. Часто оттуда поднимались дымки и, не добравшись до этой высоты, сизымъ облачкомъ расплывались надъ долиною. Тамъ, должно быть, жили люди или пастухи стерегли коней. Они не видѣли нашихъ, да если бы и видѣли, помѣшать имъ уже не могли бы. Рубчикъ надъ бездною часто не только суживался, но, словно край наклоненной тарелки, нависалъ надъ пропастью. Тутъ у солдатъ кружилась голова, и только Ходовой увѣренно

шелъ себѣ, придерживаясь ладонью лѣвой руки о скалы, стѣною стоявшія по другую сторону тропинки. Попробовалъ, было, офицеръ опереться ладонью туда же, да скоро и отнялъ ее и чуть не полетѣлъ въ пропасть: скала жгла, какъ раскаленная мѣдь котла, такъ онѣ нагорѣли подъ солнцемъ. Выше и выше, и только черезъ три часа такой дороги люди вздохнули свободнѣе. „Слава Тебѣ, Господи! Одолѣли!“ И солдаты крестились, какъ будто пройдя черезъ настоящую великую опасность... И съ ужасомъ оглядывались назадъ, соображая, неужели еще придется возвращаться этимъ путемъ.

За этою горою расположились на отдыхъ.

— Далеко аулъ?

— Часа черезъ два лицомъ къ лицу поставлю...

Кое-гдѣ зажгли костры. Люди живо нашли валежника и сухихъ кустовъ. Вода была недалеко... Кашевары уже хлопотали надъ кострами. Отрядецъ выслалъ впередъ развѣздъ изъ четырехъ казаковъ. Имъ наказано было отнюдь не производить шуму. Объ этомъ особенно хлопоталъ Ходовой. Онѣ почему-то особенно не влюбилъ аулъ, сидѣвшій недалеко на вершинѣ. За муллу, за непривѣтливыхъ стариковъ, что ли, только ему нисколько не жалко было людей, спокойно жившихъ тамъ, не ожидая близкой бѣды.

— Мы ихъ, ваше высокоблагородіе, какъ воробьевъ, шапку накроемъ.

— Ну это еще какъ!

— Ужъ вѣрно: потому они никакой такой отваги отъ насъ не ждутъ. Они, дураки, думаютъ, что ихняя взяла. А тутъ мы ихъ надуемъ. Они даже и во снѣ не могутъ увидѣть, чтобы русскіе къ нимъ могли придти. Тутъ и крышка.

— Можетъ быть, и безъ боя удастся?

— Нѣтъ, какъ это и безъ боя. Не такой народъ. Старики тамъ суровые. Они безъ боя никакъ не согласятся.

— А сильно сопротивленіе будетъ?

— А это какъ знать? Успѣетъ ихъ мулла нажечь, какъ

одинъ человѣкъ поднимутся; помирать станутъ. А не успѣеть, пожалуй, что и такъ обойдется.

Къ вечеру, когда жара начала спадать, отрядъ былъ уже въ пути.

Тѣни всѣ ложились сюда, такъ что сверху солдатъ нельзя было увидать. Они шли съ востока, солнце пряталось за западныя вершины. Вверху уже нѣсколько разъ мерещились бѣлыя сакли обреченнаго сегодня на гибель аула. Оттуда въ вечернее небо поднимались дымки. Вотъ минуетъ мелькнулъ.

— Муллу бы зацапать. Отъ него и бунтъ весь!—разсуждалъ Ходовой.

На одномъ изъ поворотовъ казачій разъѣздъ наткнулся на черкеса, безопасно ѣхавшаго внизъ. Тотъ такъ и оторопѣлъ: появленіе русскихъ здѣсь было столь неожиданно, что онъ даже ружья изъ-за плечъ не перекинулъ.

— Откуда ты?—стали его допрашивать черезъ Ходового. Онъ молчалъ, переводя изумленные глаза съ одного лица на другое.

Едва отвѣта добились.

— Онъ изъ аула, да и я его помню...

Черкесь на Ходового смотритъ, тоже внезапно узнавая его.

— Ты у насъ сегодня ночь провелъ? — спросилъ онъ у солдата.

— Да.

— И тоже къ невѣрнымъ псамъ попался, какъ и я?

— Тоже, да и совѣмъ!—засмѣялся Ходовой.

Черкеса обезоружили, сняли съ коня и заставили идти съ отрядомъ вверхъ. Онъ, было, крикнулъ, но ему живо зажали ротъ.

— Молчи лучше! — предупредилъ его Ходовой, — а то убьютъ.

— Что же, мнѣ свой аулъ отдавать имъ на жертву, чтобы сбечь свою жизнь? Что же она стоитъ!

— Что онъ говорить?—спросилъ офицеръ.

Но понимавшій все „по-ихнему“, Ходовой почувствовалъ себя безсильнымъ, когда ему приходилось перевести это на свой языкъ.

— Онъ... говорить... что принимаю, значить, привѣтъ... и все долженъ исполнить.

Черкесь крикнулъ еще разъ. Его ближайшій офицеръ полоснулъ нагайкой.

„Погодите,—подумалъ про себя тотъ,—я заставлю васъ поднять тревогу. Все равно, наши услышатъ и всполохнутся... А моя жизнь, что она стоитъ рядомъ съ судьбою родного аула. Аллахъ! Пусти мою душу въ рай твой“.

И вдругъ, когда никто не ожидалъ этого, онъ поднялся, какъ бѣлка, по стволу вверхъ и на скалу, царапаясь по ней вверхъ. Онъ уже былъ саженьяхъ въ пяти, когда офицеръ скомандовалъ:

— Братцы, снимите-ка его!

Ближайшій солдатъ прицѣлился. Раздался выстрѣлъ.

Пуля шлепнулась въ камень вровень съ головою черкеса. Тотъ по своему обругался и зацарапался еще выше.

Другой солдатъ выстрѣлилъ... Все тѣло черкеса вздрогнуло. Но онъ еще плотнѣе прижался къ скалѣ.

— Прощай!..

— Пусти братцы... не стрѣляй!—остановилъ Ходовой товарищей.—Только тревогу надѣлаемъ. Онъ и самъ сорвется. Вонъ у него кровь.

Дѣйствительно, руки у несчастнаго слабѣли. Скоро онъ оторвался отъ скважины утеса, и тѣло бѣдняги тяжело и грузно шлепнулось на дорогу, раскинувъ по ней руки. На лицѣ у него было неопишемое выраженіе. Очевидно, онъ испытывалъ и предсмертную муку, и счастье, что своей кончиной спасъ родной аулъ.

— Тоже, братцы, храбрецы бываютъ!—размышлялъ надъ нимъ Ходовой.—Себя не пожалѣлъ.

— Еще бы. Азія—Азія, а все понимаетъ.

Но разсуждать было некогда: ауль оказывался недалеко. Слѣдовало спѣшить къ нему.

Отрядъ прошелъ.

Теперь одиноко на выступѣ дикаго камня лежалъ надъ бездною убитый.

Пристально, неподвижными уже глазами онъ смотритъ въ одну точку необъятной лазури, въ глубь и даль раскидывающейся надъ нимъ, и не только въ глубь и даль, но и въ самую вѣчность.

Невѣдомо откуда сорвался воронъ. Хищно и радостно каркнулъ... Вслѣдъ за нимъ нахлынула цѣлая туча черныхъ птицъ... Сначала поодаль держались... Одна бокомъ-бокомъ подскочила и около головы приостановилась... Бокомъ смотритъ на лежащаго... Поострила клювъ, черный и длинный, о его темя... И вдругъ нацѣлилась, вырвала глазъ и съ торжествующимъ крикомъ ринулась на ближайшую скалу. Вслѣдъ за нею сорвались остальные къ трупу, и скоро его уже не было видно подъ этою живою, шевелящеюся кучей воронья.

XXX.

— Сейчасъ покажется, — проговорилъ, было, Ходовой, зорко всматриваясь вдаль, и вдругъ осѣкся. — Ваше высокоблагородіе! Вертайте скорѣе казаковъ!

— Зачѣмъ?

— Такъ... я вспомнилъ... Тутъ сейчасъ... Скорѣе вертайте.

Какъ у всякаго бродяги всѣ примѣты данной мѣстности укладываются въ головѣ, помимо всякаго желанія наблюдать, такъ и у нашего Стенана Ходового запечатлѣлись всѣ малѣйшія измѣненія и профили подступовъ къ аулу. До сихъ поръ онъ не давалъ себѣ отчета въ нихъ, а тутъ вдругъ точно молнія обожгла его. Само собою припомнилось ложе высохшаго потока въ крутыхъ берегахъ. Если вы-

стрѣль по черкесу не взбудоражилъ аула, такъ, вѣдь, удастся подойти къ нему вплотъ, вовсе, не бывъ никѣмъ замѣченнымъ. „Лбомъ въ стѣну ударимся, — соображалъ онъ, — а никто и не разберетъ даже. Вотъ мы какъ!“ Онъ даже зажмурился, чтобы вѣрнѣе представить себѣ, гдѣ должна быть эта щелинка, по которой онъ безъ всякихъ потерь доведетъ солдатъ до надлежащей цѣли. Постояль-постояль и рѣшительно двинулся впередъ. Теперь ужъ не казаки ѣхали впереди, а Ходовой брелъ, опираясь на ружье, какъ на палку. Онъ зорко выглядывалъ окрестность. Да, именно все такъ, какъ и есть и было памятно. Вотъ тутъ направо сейчасъ камень повисъ надъ бездной, а дальше должна быть эта щель. Еще недавно, вѣрно дожди были, по ней несея потокъ, одинъ изъ тѣхъ, что мгновенно рождаются и умираютъ въ горахъ. До сихъ поръ кое-гдѣ камни ея влажны, и между ними, куда не попадаютъ солнечные лучи, земля вся пропитана водою.

— Тутъ, братцы! Ну, теперь благословясь...

Онъ снялъ шапку, перекрестился. То же сдѣлали и солдаты.

И справа, и слѣва дикій камень точно треснулъ здѣсь и разсѣлся. Громады его наклонились надъ солдатами, вотъ-вотъ сдвинутся и раздавятъ.

— Что, такъ ближе? — спросилъ Ходового офицеръ.

— Такъ часу не пройдетъ, будемъ тамъ.

— А передохнуть гдѣ будетъ людямъ?

— Гдѣ прикажете. По камнямъ сядутъ и отдохнутъ.

— Хорошо. А какъ сюда орудіе втащить?

— Никакъ нельзя! Придется его кругомъ везти, по холодку. Оно раньше вечера не будетъ тамъ. Мы уже съ ауломъ покончимъ.

— Помогай Богъ!

— А мулла ихній — дуракъ, все на своего Аллаха надѣется. Вотъ мы вамъ покажемъ, какъ вы русскихъ побѣдите.

Онъ, видимое дѣло, до сихъ поръ не могъ позабыть обиды, ему нанесенной.

Ходовой шелъ бодро. У него и камни изъ-подъ ногъ не катились. Зато солдаты, дѣйствительно, узнали, что значить настоящая мука.

Стонъ пошелъ по этой щели.

Ходовой только озирался. Этакъ, пожалуй, вверху услышать. Тоже, вѣдь, и у азіатовъ уши не заткнуты. Степанъ обернулся.

— Братцы, потише!

— Невозможно,—отозвались ближніе.

— Невозможно, а вы терпите безъ разговоровъ. Не то живыми не дойти. Передайте дальше.

Передали одни другимъ до самаго низа. Стоны прекратились, но люди подымались съ перекошенными лицами, въ каждой чертѣ которыхъ выражалось страданіе.

— Ну, ну, еще, братцы!

Падали, спотыкались, а упавъ не имѣли силъ подняться... Многихъ изъ такихъ брали подъ мышки и ставили на ноги. Но и на ногахъ они качались, какъ тростникъ, колеблемый вѣтромъ. Шли такъ долго ужъ.

— Пора бы и до отдыха.

— Погоди, братцы!

Еще прошли минутъ десять. Тутъ щель расширилась, справа и слѣва обступили ее скалистыя громады. Точно на днѣ большого котла оказались. Ходовой остановилъ переднихъ, остальные подобрались всѣ сюда.

— Ну, теперь ложись, братцы, и чтобы никто и не пикнулъ! Да смотрите, трубокъ не палить! Енъ, черкесь, все видить. Съ крышъ своихъ замѣтитъ, что это за дымокъ (они же вѣдь зоркіе) подымается изъ щели... Не спроста, видно, и пошлетъ узнать...

А у самаго по коню, котораго оставилъ внизу, и сердце болить, какъ бы не испортили его, чего добраго. Долго ли ногу сломать или въ пропасть свалиться. Станутъ имъ,

управлять, ну, и пропало дѣло. Ничего нѣтъ хуже, какъ умнаго учить, всегда глупѣ дурака сдѣлають. А конь его, поди, умнѣ самихъ казаковъ. Онъ имъ наказалъ отнюдь не править имъ, а все-таки опасно...

Когда наши снялись съ отдыха, уже и Ходовому нечего было предупреждать ихъ, чтобы они держались потише. Казалось, что вся эта щель мертва. Ни одного дыханія въ ней не было слышно. Ноги такъ становились между камнями, что отъ нихъ и шороху не подымалось. Щебень не разсыпался. Манерка не стучала о ружье, штыкъ не встрѣчался со штыкомъ. „Ишь, какъ подобрались“, — оглядывался на нихъ офицеръ. „Всякому своя шкура дорога, — философствовалъ въ отвѣтъ Ходовой: — тоже, коли ее продырявятъ пули, немного стоитъ она будетъ“. И въ то же время, понимая, что теперь весь расчетъ во времени, солдаты быстро шли впередъ. Ни у одного не вырвалось вздоха или слова. Не раздавалось команды; чего же здѣсь было командовать, когда всѣ и безъ того отлично понимали, что имъ дѣлать?

— Ну, ребята, благословясь!.. — только и оглянулся на нихъ ротный, когда устье этой щели подошло къ самой верхушкѣ.

И какъ разъ въ эту минуту съ минарета раздался вечерній намазъ.

Грустно и громко выводилъ священныя слова муэдзинъ, и подавшемуся впередъ Ходовому видно было, какъ на плоскія кровли аула выходили торжественно и важно черкесы и, раскинувъ тамъ коврики, становились на молитву, лицами къ востоку.

Тутъ, въ устьѣ щели, оставалась еще вода отъ падающаго потока.

Солдаты бодро перешли ее по канавѣ.

Вверхъ шла невѣроятная крутизна, но раздумывать было некогда.

Какъ ни врасплохъ застали наши мирно сидѣвшій на своей высотѣ аулъ, но ихъ уже замѣтили оттуда, и про-

зительное, „аманъ! аманъ!“ пронеслось отъ одной сакли къ другимъ, и черкесы, издавшіе ихъ, на мгновеніе куда-то провалились и выскочили опять на свои кровли съ ружьями въ рукахъ, прямо навстрѣчу маленькому отряду. Посыпались выстрѣлы, и изъ-за стѣнъ начали выбѣгать абреки по-отважнѣе, желая пашками удержать неожиданнаго врага. Уже кое-кто валился изъ нашихъ.

— Ребята! Казаки! За мною!—послышалось впереди.—Ура!..

И вотъ масса, оцетинившаяся штыками, кинулась на этотъ отвѣсъ.

Не прошло и часу, какъ весь этотъ аулъ дымился. Черные клубы, поднявшись надъ нимъ, разстилались зонтикомъ надъ вершиною горы; красные языки пламени въ нихъ взрывались къ небесамъ и гасли...

— Ну, что? Твое взяло?—допрашивалъ Ходовой у турка-муллы.

Тотъ долго хлопалъ глазами.

— Гдѣ твой султанъ теперича? Здорово расколотили въ русскихъ? Ты чего?—круто оглянулся онъ на рванувшагося, было, сюда со штыкомъ солдата.

— Приколоть...

— Кого?

— А муллу эту.

— Ахъ, ты, картухъ! Старика?.. Что онъ тебѣ сдѣлалъ? Сколфуженный солдатъ подался, было, назадъ.

— Что они, дерутся теперь? Видишь, сдались.

— А то такъ...

— Чего еще?

— Сколько они нашихъ положили...

— А тебѣ лестно, чтобы они, какъ куры, въ руки давались? Такъ они всѣ плѣнные, а плѣнный—святой человѣкъ. Самъ не доѣшь, его накорми! Вотъ какъ старые солдаты думаютъ. Эхъ, ты, жгля!

И, презрительно отвернувшись, Ходовой уже не обращалъ на него вниманія.

XXXI.

Слободчиковъ уже пятый день сходилъ только на минуту со сторожевой башни своей забытой цѣлымъ міромъ крѣпостцы. То, чего онъ ожидалъ, случилось въ полной мѣрѣ. Въ глубинѣ души старый комендантъ все-таки надѣялся, авось, чаша сія минетъ его каменное гнѣздо, заключавшее въ себѣ все, что ему было дорого и свято. Онъ видѣлъ, что съ горъ и главное изъ затерявшагося въ недосыгаемой выси Поднебеснаго аула мало-по-малу сюда спускаются горные кланы; но что-то на зло дѣйствительности говорило ему: авось, они уйдутъ дальше, къ морю, мало ли куда. Зачѣмъ-де имъ крохотное укрѣпленіе, гдѣ гарнизонъ малочисленный сидитъ, какъ въ ловушкѣ?.. Но нѣтъ, эти тучи собирались именно надъ его стѣнами. И довольно было одной ночи послѣ того, чтобы онъ убѣдился въ этомъ... Еще вчера, глядя вдаль, онъ видѣлъ залитые солнцемъ скаты горъ впереди, теперь они темнѣли, точно нѣчто громадное и неотразимое бросило на нихъ свою тѣнь. Еще черезъ нѣсколько времени можно было слышать оттуда гудѣніе тысячи голосовъ, словно безчисленные пчелиные рои собрались туда и шумятъ, вовсе не прячась, не боясь, что ихъ кто-нибудь отсюда можетъ слышать. Порою оттуда выѣзжали всадники, приближаясь на ружейный выстрѣлъ къ крѣпости и, замѣтивъ на ея стѣнахъ всполошившихся солдатъ, удалялись, кинувъ навстрѣчу нашимъ какое-нибудь бранное слово.

Слободчиковъ медленно обходилъ стѣны, какъ-будто зранѣе оцѣнивая силу удара, который ему могутъ нанести враги. Его офицеры были на своихъ мѣстахъ, бодрые и рѣшительные, и только онъ одинъ чувствовалъ, что у него замирало сердце. Но онъ понималъ, что такъ и должно быть, вѣдь, ни у кого изъ нихъ, какъ у него, нѣтъ тутъ, за спиною, ни жены, ни ребенка. Имъ дорога только своя жизнь,

но что она стоитъ въ вѣчной борьбѣ съ неумолимымъ непріателемъ? Какъ нарочно, въ одну изъ такихъ минутъ онъ увидѣлъ Сашу.

Саша преспокойно игралъ съ козленкомъ на мощенномъ дворѣ крѣпости, то бодаясь съ нимъ, то убѣгая за уголь и заставляя маленькое веселое животное искать себя. И все, вообще, здѣсь было мирно и кротко. Такъ же крался котъ по крышѣ за задумчивымъ чижомъ, уместившимся на кончикѣ вѣтки. Такъ же разваливалась на солнцѣ, животомъ вверхъ, старая собака. Такъ же лучи играли въ листьяхъ деревъ и на цвѣтахъ, выращенныхъ здѣсь докторомъ передъ окнами лазарета... А между тѣмъ вдали уже намѣчался врагъ, спокойный, неторопившійся, точно увѣренный заранѣе въ своей побѣдѣ.

Горныя дружины располагались по своимъ ауламъ; кое-гдѣ закуривались костры. Подъ яркимъ солнцемъ не видно было огня; одинъ дымъ, сизый и тонкій, подымался отъ нихъ, рисуясь сквозными облаками на темномъ фонѣ горъ.

Тамара Давидовна тоже вышла, было, на стѣны и, прислонясь къ теплой, нагрѣтой солнцемъ мѣди орудія, смотрѣла на молчаливыя ополченія, оставившія свои поднебесья, чтобы опуститься сюда. Она привыкла уже къ этому.

Ея бодрую душу не испугала бы страшная явь этого солнечнаго дня. Будь, разумѣется, она одна здѣсь... Но что дѣлать съ Сашей? На минуту у нея мелькнула мысль, нельзя ли его услатъ куда-нибудь? Она нашла мужа и передала ему это.

— Услатъ? Куда?

— Куда-нибудь... гдѣ онъ будетъ въ безопасности.

— А ты?

— Я останусь съ тобой... Мое мѣсто здѣсь.

— Съ кѣмъ же?.. Кому мы можемъ поручить Сашу?

— Развѣ мало здѣсь солдатъ? Есть такіе, что до самаго Кутаиса сумѣютъ дойти.

— Да! Но ты обошла стѣны?

— Не совсѣмъ.

— Когда обойдешь ихъ, увидишь, что мы обложены кругомъ, отовсюду. Врагъ не оставилъ намъ ни одной лазейки. Какъ вода—лисицу, окружили. Видишь, на западѣ красно. Тамъ шапсуги... А налѣво убыки... И впереди, и позади, и по сторонамъ вездѣ они устроились.

Тамара Давидовна поблѣднѣла.

— Что же съ нами будетъ?

— Что Богъ дастъ... Если Ходовой во-время дастъ знать Зассу, можетъ быть, мы и будемъ спасены.

— А если нѣтъ?

Слободчиковъ посмотрѣлъ на нее съ невыразимою грустью.

— Ты видишь, вонъ пороховой погребъ...

— Ну?

— Они ворвутся, осиливъ насъ, я взорву его.

Тамара Давидовна перекрестилась.

— Не дай Богъ!

— На Него Одного надежда, вѣдь...

Какъ нарочно, съ Поднебеснаго аула тихо сползало внизъ точно облачко. Когда оно приблизилось сюда, наши разглядѣли новую дружину.

Эти были всѣ верхами.

Зоркіе солдаты разглядѣли не только ихъ, но и ѣхавшихъ впереди шамилевыхъ наибовъ, въ красномъ.

— Видишь, съ праваго фланга перекинулись сюда. Значитъ, это у нихъ давно задумано было. Собрались съ силами, прежде чѣмъ ударить на насъ.

Тамара Давидовна тихо сошла со стѣны. Церковь была отворена. Она въ ея прохладѣ и сумракѣ опустилась на колѣни передъ иконою Богородицы.

— Ты Одна можешь, Пречистая... Спаси насъ и помилуй!

И тихія слезы полились по ея щекамъ.

Сквозь сіяніе лампы ей казалось, что изъ своего оклада Святая Дѣва смотритъ именно на нее теперь и соболѣзнуетъ ей...

Этотъ день такъ и отгорѣлъ въ зловѣщей тишинѣ. Когда смерклося, и крѣпость выслала секреты сторожевыхъ солдатъ далеко за свои стѣны, у коменданта собрались къ ужину офицеры. Но сегодня далеко между ними не было того веселья, къ которому уже привыкла Тамара Давидовна. Да и они замѣчали, что на хозяевъ точно какая-то туча бросила свою тѣнь. Казалось, что въ высотѣ надо всѣми раскинулись громадныя черныя крылья смерти, и подъ ними; всѣ сердца сжались отъ предчувствія чего-то неизбѣжнаго и страшнаго. Странно было только молчаніе не-пріятеля.

— Что это они? — спрашивали молодые, не бывшіе въ бою, офицеры.

— Погодите, еще дадутъ себя знать.

И, дѣйствительно, когда ночь окутала все синею тѣнью, и въ небесахъ зажглись звѣзды, Слободчикова вызвали изъ залы.

— Въ чемъ дѣло?

Фельдфебель стоялъ передъ нимъ блѣдный.

— Ну?

— Бѣда, ваше высокоблагородіе... Послалъ я смѣну, а на правомъ флангѣ разбойники одинъ секретъ вырѣзали.

— Кто тамъ былъ?

— Изъ молодыхъ солдатъ... Зазѣвались, должно быть.

— Принесли ихъ сюда?

— Такъ точно.

— Панихиду завтра. Не смѣть посылать молодыхъ однихъ. Вмѣстѣ со стариками пусть...

— Слушаю!

— То-то... Теперь каждая рука у насъ на счету. А мы трехъ потеряли даромъ. Гдѣ они?

— У церкви.

— Вели зажечь фонарь.

Слободчиковъ вышелъ.

Ночь, хоть глазъ выколи. Ничего не видать.

Отъ фонаря слабая полоса свѣта ложится по мощеному двору.

Вотъ въ ней намѣтилось что-то. Видно настолько, что замѣчаешь спящихъ солдатъ. Дальше ничего не видно.. Покрываютъ шинелями.. Слободчиковъ приподнялъ одну. Молодое, безусое лицо... Красный отсвѣтъ фонаря ложится на неподвижныя черты. Въ нихъ замерло выраженіе какого-то удивленія. Точно онъ спрашиваетъ: „что это со мною? Почему я не могу шевельнуться?“

— Какъ ихъ?

— Кинжаломъ въ сердце этого... И не пикнулъ, должно быть.

Комендантъ перекрестилъ его...

— Докторъ осматривалъ?

— Чего ужъ... Холодный совсѣмъ.

-- Пластуны не спятъ?

— Никакъ нѣтъ.

— Выслать ихъ... Чтобы черкесамъ не даромъ сошло.

Пусть такъ же распорядятся съ ними!

— Слушаю... Жаль, Ходового нѣтъ.

— Ходовой теперь далеко, важное дѣло исполняетъ. Попроси священника отпѣть ихъ. Завтра панихида, и въ утреннюю зарю похоронимъ. Отряди общую могилу рыть.

И, еще разъ перекрестившись, Петръ Александровичъ пошелъ къ себѣ.

Онъ не рассказаль объ этомъ никому, все равно завтра узнаютъ. Пусть хоть сегодня будутъ всѣ покойны. У себя, миновавъ гостей, онъ прошелъ къ спящему сыну. Тутъ горѣли лампы, и слабый свѣтъ ихъ ложился на покойное личико мальчика.

Долго смотрѣлъ на него старый полковникъ.

— Ну, сли спокойно, — шепталъ онъ про себя, — я тебя больше ни одного дня не оставлю здѣсь... Будеть... Наше каменное гнѣздо не для дѣтей. Отошлю въ Тифлисъ, а тамъ, Богъ дастъ, скорѣй и въ корпусъ...

Саша во снѣ шевельнулся. Отецъ тихо благословилъ его и, не отводя глазъ отъ иконы, долго еще стоялъ надъ сыномъ. Этотъ мальчикъ, ни въ чемъ неповинный, казался ему единственною надеждою, единственнымъ залогомъ спасенія всей крѣпости. Въ самомъ дѣлѣ, что-то безобразное и бессмысленное было бы въ гибели ребенка, который еще никому не принесъ зла.

— Пока ты съ нами, мы уцѣлѣмъ.

И, тихо наклонясь, Петръ Александровичъ поцѣловалъ мальчика.

Саша чмокнулъ во снѣ, потянулся и задышалъ покойно и глубоко.

Когда Слободчиковъ вышелъ, офицеры уже прощались. Тамара Давидовна крѣпилась, но комендантъ видѣлъ, что это ей стоитъ дорого.

— Никто, какъ Богъ!—прошепталъ онъ ей.

Бѣдная женщина на минуту опустила голову ему на грудь, точно желая почерпнуть оттуда необходимыя ей силы, и тотчасъ же выпрямилась и даже принудила себя улыбнуться. Она знала, что теперь ея мужу нужны силы и бодрость.

XXXII.

Саша утромъ проснулся отъ какого-то страннаго шума. Солнце жгло его сквозь большое окно. Отворилъ рамы, шумъ еще шире и больше ворвался въ комнату и наводилъ ее...

Казалось, кругомъ какія-то бѣшенныя волны стремятся прямо въ стѣны небольшой крѣпости и, разбиваясь о нихъ, шипятъ и неистовствуютъ внизу.

Саша взглянулъ въ слѣдующую комнату, тамъ никого не было. Онъ живо одѣлся, выбѣжалъ, на стѣнахъ и на башняхъ дѣлалось что-то странное; казалось, тысячи какихъ-то голосовъ орали извнѣ, сверху отвѣчали имъ солдаты. Саша не чуялъ опасности, потому что пока ни одного

выстрѣла не раздалось нигдѣ.. Мальчику примерещилось даже что-то веселое, новое, и онъ живо взбѣжалъ на парашеть къ пушкѣ, около которой онъ разсмотрѣлъ фигуру отца.

Взбѣжалъ и замеръ.

Все пространство отсюда до самыхъ горъ было громаднымъ муравейникомъ, кишмя кишѣвшимъ конными и пѣшими горцами. Кое-гдѣ надъ этими беспорядочными толпами по вѣтру вѣяли и колыхались пестрые значки съ изображеніями руки или полумѣсяца наверху.

Вонъ зеленое, красное, желтое. Видимо, у каждого собирается отдѣльное племя. Между стѣнами и этими спустившимися внизъ горными кланами—пустое пространство. На немъ изрѣдка, точно вызывая напихъ на безпощадную перестрѣлку, вихремъ мчатся и джигитуютъ всадники, сверкая на солнцѣ яркою обличовкою ружей, кинжаловъ и шашекъ. Вотъ одинъ точно нырнулъ у самой крѣпости, крикнулъ по своему какое-то бранное слово и понесся стремглавъ назадъ.

Другой ему наперерѣзъ, и тоже ругается, на всемъ скаку грозясь шашкою на нашу башню.

Саша замеръ и боится спросить. Знаетъ, что его сгонять внизъ сейчасъ. Вѣдь, оттого онъ только и видитъ отсюда, что пока въ суетѣ и суматохѣ его никто не замѣчаетъ.. А замѣтятъ, бѣда. Тотъ же Слободчиковъ турнетъ, да такъ, что у Саши надолго отобьется всякая охота соваться не въ свое дѣло.

Вонъ молодой офицеръ, мрачный и молчаливый, стоитъ и всматривается во что-то вдаль.. Ему, вѣрно, чудится тамъ Кай-Булатъ, захватившій въ плѣнъ Марію Давидовну.. У самыхъ горъ еще мерещатся другія дружины. Ихъ и разобрать трудно за далью: онѣ сливаются въ общій фонъ, но оттуда, отъ этой массы, несется сюда сплошной шумъ, въ которомъ есть что-то невыразимо грозное и зловѣщее. Даже Сашѣ, на что онъ еще глупъ, и то страшно. Чудится ему, что оттуда, точно изъ скопившихся въ небесахъ грозovýchъ тучъ, вдругъ раскатится ударъ, сверкнетъ молнія, и подъ

ея огненнымъ мечомъ развалятся стѣны этого каменнаго гнѣзда. Саша оглянулся, его мать въ лазаретѣ возится съ чѣмъ-то. Мальчику и невдомекъ, что Тамара Давидовна готовится къ тяжкому и печальному дѣлу. Можетъ быть, не пройдетъ и нѣсколькихъ часовъ, какъ эти, пустыя теперь, комнаты наполнятся ранеными. Не хватить холста и бѣлья. Нужно все предусмотрѣть. Въ жару работы потомъ некогда уже будетъ подумать объ этомъ. Чу!.. Что это? У неприятеля слышались какіе-то крики. Красные наибы заѣхали слѣва и справа... Пространство между крѣпостью и дружинами совсѣмъ очистилось.

Оттуда, отъ кучки наибовъ, отдѣлились трое.

Впереди ѣдетъ всадникъ, какого до сихъ поръ и не видывалъ еще Саша: всякихъ горцевъ насмотрѣлся, но такихъ не было: онъ весь точно выхваченъ изъ среднихъ вѣковъ, изъ временъ рыцарства, замковъ, закованныхъ въ желѣзо и сталь воиновъ. Отъ макушки до ногъ онъ покрытъ тонкою кольчугой, отъ плечъ внизъ падаетъ такая же, оканчиваясь желѣзными наручниками. На правомъ локтѣ у него держится щитъ, на лицѣ та же желѣзная сѣтка, и только глаза грозно и сурово смотрятъ сквозь нее.

Саша такъ и замеръ. Что-то теперь будетъ? Онъ не зналъ, что какъ у черкесовъ, такъ и въ Чечнѣ, во многихъ семьяхъ сохранялись доспѣхи крестоносцевъ, когда-то проходившихъ черезъ Кавказъ въ Палестину и оставлявшихъ здѣсь больныхъ и слабыхъ, а то и тѣхъ, которымъ нравились здѣшнія мѣста. Потомъ они забывали священную цѣль своего похода и осѣдали въ горныхъ узлахъ, строили себѣ тутъ башни и вели ту же рыцарски-разбойничью жизнь, къ которой до тѣхъ поръ они привыкли у себя дома.

За всадникомъ, закованнымъ въ желѣзо, ѣхали двое. Въ рукахъ у одного былъ значокъ, на которомъ болтался бѣлый лоскутъ.

— Встрѣтитъ бы ихъ,—послышалось около Саши.

— Эхъ, жигануть бы изъ пушки.

Онъ даже и не оглянулся на говорившихъ солдатъ. Его совсѣмъ захватила новизна представившейся ему картины.

— Однимъ разомъ уложили бы всѣхъ трехъ.

Но Слободчиковъ молчитъ и только зорко смотритъ на приближающихся.

Одинъ изъ нихъ подался впередъ. Кричитъ что-то.

— Переводчикъ!—позвалъ комендантъ.

Латяринъ, въ юнкерской шинели, вышелъ впередъ.

— Спроси, что ему надо?

Закованный въ желѣзо что-то заболталъ по-своему, показывая издали бумагу.

— Онъ предлагаетъ вамъ жизнь и свободу.

— Скажи ему, что я, слава Богу, живъ и свободенъ.

— Онъ говоритъ, что ихъ видимо-невидимо; что они однимъ ударомъ уничтожатъ крѣпость. Ихъ предводитель, старый Кай-Булатъ, теперь обѣщаетъ выпустить гарнизонъ, если ему сейчасъ же будутъ вручены ключи укрѣпленія. Зная васъ, онъ не надѣется, что вы согласитесь перейти къ нимъ...

— Довольно!

И Саша не узналъ голоса своего отца, такъ онъ сдѣлался вдругъ и громокъ, и грозенъ.

— Довольно! переводи имъ теперь то, что я сказалъ Кай-Булату.

Переводчикъ обернулся къ закованному въ желѣзо всаднику.

— Я, полковникъ Слободчиковъ, комендантъ этой крѣпости, приказываю тебѣ передать измѣннику и клятвопреступнику Кай-Булату, что если Господь даруетъ мнѣ побѣду, и Кай-Булатъ попадется мнѣ въ руки, то онъ будетъ повѣшенъ мною на крѣпостныхъ воротахъ. Понялъ? Васъ много, а насъ мало, но не въ количествѣ сила... Съ нами Богъ, и мы вѣримъ въ то, что Онъ насъ не оставитъ. Пусть ваши разбойничьи орды попробуютъ сунуться. У насъ довольно пороха, пуль и зарядовъ. Не въ первый

разъ вамъ быть битыми. Помните только, что я разорю ваше горное гнѣздо, — а отъ аула (указаль онъ въ поднебесье) не останется камня на камнѣ.. Если же,—и онъ перекрестился, — Господь отвратитъ отъ насъ лицо Свое, мы сумѣемъ погибнуть, какъ приличествуетъ русскимъ воинамъ. Я взорву самъ пороховой погребъ, и вамъ не достанется ни одного русскаго солдата въ плѣнъ. Мое слово твердо и вѣрно. Что я сказалъ, такъ и будетъ. Помните только, что наши никогда и ничего не прощаютъ, за каждую жизнь у васъ здѣсь будутъ отняты сотни жизней.. Торопись назадъ. Черезъ пять минутъ я прикажу стрѣлять.

И онъ вынулъ часы.

Угроза нисколько не подѣйствовала на всадника.

Онъ еще минуты двѣ оставался на мѣстѣ, точно желая выразить свое презрѣніе Слободчикову.. Спокойно глядѣлъ на него изъ-подъ своей желѣзной сѣтки. Потомъ медленно, точно нехотя, повернулъ коня и еще медленнѣе поѣхалъ къ своимъ.

— Орудіе готово?—спросилъ комендантъ, не оглядываясь.

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе!

— Возьми прицѣлъ вонъ въ ту красную толпу, гдѣ набы...

— Слушаю-съ!

— Ну, стрѣляй! Смотри, чтобы не было промаха.

Минутная стрѣлка двигалась тихо.

Только что прошелъ назначенный срокъ,—коротко, отрывисто и грозно послышалось:

— Пли!

Саша чуть не схватился за стѣну.

Мѣдная глотка пушки такъ грохнула на весь этотъ просторъ, что съ башни посыпались мелкіе камешки. Снопъ огня и дыма. Что-то громадное разсѣкаетъ воздухъ, точно желѣзный бичъ отсюда вынесся и, дрожа, несется туда...

— Молодцы!..

Въ красной толпѣ смятенье. Тамъ облако точно вскину-

лось... Когда оно разсѣялось, въ бинокль можно было рассмотреть нѣсколько лошадей, бившихся на землѣ, и красныя фигуры сбитыхъ съ сѣделъ наивовъ.

— Второе!

Новый бѣшенный крикъ мѣднаго жерла, но красная толпа уже не дожидалась удара. Она вся разсыпалась. Саша видитъ, какъ, пригнувшись къ шеямъ коней, уносятся вожди ополченій во всѣ стороны.

— Спасибо, ребята!

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе!—весело отвѣчаютъ крѣпостные артиллеристы.

— Это имъ въ задатокъ!

И оборвался...

Точно ураганъ поднялся въ горныхъ кланяхъ.

Вся эта масса пѣшихъ и конныхъ ринулась на укрѣпленіе.

Тихо крестятся солдаты... Зорко смотрятъ на эту стремящуюся на нихъ лавину.

Она все ближе и ближе.

— Ребята! Товарищи!..

Саша опять не узналъ голосъ отца, такъ онъ сталъ звонокъ и спокоенъ.

— Помните: ни одного заряда даромъ... Накинутся, примемъ въ штыки. Жили вмѣстѣ и умремъ такъ же. Это ничего, что насъ мало. Каждый—сотни стоитъ. Правда?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе!

По отчетливости отвѣта Слободчиковъ понялъ, что солдаты спокойны, и улыбнулся.

— Побѣду даетъ не многолюдство, а вѣра въ себя... Она, эта побѣда, въ рукахъ у Бога. Помолимся, и да будетъ Его воля надъ нами.

Свялъ шапку.

Точно шелестъ пробѣжалъ по крѣпостнымъ стѣнамъ. У всѣхъ фуражки долой. Крестятся... Изъ-подъ сурово нависшихъ усовъ слышно, какъ уста шепчутъ молитву.

— Саша! ты какъ сюда попалъ?

И мальчикъ видитъ, что лицо его блѣднѣетъ.

— Осипъ отведи его домой и запри тамъ. Не смѣй у меня показываться сюда! Тутъ—не твое мѣсто.

А у самага сквозь суровость такъ и слышатся ласка и жалость къ мальчику.

XXXIII.

Старикъ Наташинцевъ точно ожилъ.

Несмотря на то, что по лѣтамъ онъ былъ старше коменданта, да и службою—тоже, онъ съ удовольствіемъ подчинялся ему. Товарищи, впрочемъ, не стѣснялись разными мелочами. По крайней мѣрѣ, Слободчиковъ, не спрашиваясь, крикнулъ ему:

— Не угодно ли вамъ будетъ принять командованіе западной башней?

— Слушаю-съ!

Наташинцевъ понималъ, что теперь вся отвѣтственность на полковникѣ, и потому считалъ своей обязанностью точно исполнять его приказанія.

— Я на васъ надѣюсь. Солдаты васъ знаютъ.

И это не обидѣло Наташинцева; на мѣстѣ Слободчикова онъ поступилъ бы такъ же.

Теперь уже у коменданта не было ни одной мысли о своей семьѣ.

Онъ помнилъ одно,—крѣпость и солдатъ. Его жена и сынъ слились съ ними и отдѣльно не выступали въ его памяти... Отстоятъ крѣпость, спасутся и близкіе ему люди; не отстоятъ,—Господь встрѣтитъ въ небесахъ души, исполнившія свой долгъ на землѣ. И больше ничего.

Черкесы, впрочемъ, недолго заставили себя ждать.

Лавина горныхъ ополченій докатилась до крѣпости.

Не прошло и получаса, какъ точно свинцовый дождь просыпался надъ крѣпостью.

Будь небо покрыто облаками, можно было бы подумать, что это оттуда падаетъ губительный ливень. Но, какъ нарочно, сегодня голубая высь была безмятежна и чиста. Ни одно облачко не туманило ея прозрачности. Несравненною синью опрокидывался этотъ, полный священной тишины и безмятежнаго покоя, куполь надъ темной землей. Оно одинаково сіяло это небо, и нападавшимъ, и защищавшимся и палачамъ, и обреченнымъ на смерть. Что за дѣло было ему, высокому и таинственно-прекрасному въ своемъ равнодушіи, къ низменной юдоли, до этихъ жалкихъ солдатъ, которымъ отведена минута подъ солнцемъ, а они и эту минуту портятъ и губятъ взаимною враждою, злобой, неистовствомъ и преждевременною смертью!.. „Вамъ дана жизнь,—точно говорило оно, а вы жить не хотите, это ваше дѣло. Я не омрачусь ни на мгновение отъ этого“. И солнце подымалось до зенита, спокойное, яркое, радостное. И ему не хотѣлось ничѣмъ показать своего участія ни однимъ, ни другимъ. „Ссорьтесь, рубитесь, истребляйте другъ друга, —казалось, говорило оно,—не все ли равно, у моихъ лучей хватитъ силъ вызвать миллиардч новыхъ жизней и вновь наполнить ими опустошенный вами міръ“.

Разумѣтея, защитникамъ крѣпости было не до такихъ соображеній.

Они видѣли только одно передъ собою: эту лавину, выросавшую на ихъ глазахъ.

Къ счастью, Саша уже ничего этого не видѣлъ.

Онъ сидѣлъ подъ замкомъ, глядя въ окно и удивляясь, что это котъ такъ мечется по двору, точно угорѣлый. Бланшеткѣ тоже, видимо, было не по себѣ. Она забралась въ тѣнь, и оттуда то и дѣло, что подставляла рожки невидимому врагу... Видимое дѣло, нервничала и не знала, что ей дѣлать.

Какъ-то проходилъ мимо Сашинаго окна застрывшій въ крѣпости гуриецъ. Саша зналъ, что это молодой князь Леонидзе. Онъ весь былъ тонокъ и гибокъ, какъ лоза; красная

папахъ красиво лежала на густыхъ и волнистыхъ его волосахъ, тѣсно схватывавшая стройный станъ куртки, съ патронами-газырями, позволяла размотрѣть всѣ линіи этого тѣла, вольно развившагося въ горахъ, разрѣзанные рукава

были откинута назадъ. Все у него и кинжалъ, и шапка, и широкій поясъ, было пригнано такъ, чтобы ничѣмъ не мѣшать красотѣ и граціи его движеній.

— Князь!—крикнулъ ему Саша.

— Что тебѣ?—остановился тотъ.

— Куда ты?

Князь удивленно посмотрѣлъ на мальчика.

— Какъ куда? Гдѣ всѣ!

— Что ты тамъ будешь дѣлать?

— Драться!

И у него глаза сверкнули, какъ у растревоженнаго въ клѣткѣ молодого тигренка.

— Съ кѣмъ?

Тотъ только повелъ на него взглядомъ и пошелъ дальше, да, видимое дѣло, не могъ совладать съ охватившимъ его волненіемъ.

— Ты знаешь,—и въ его голосѣ послышалась ненависть,—они убили моего отца и дѣда. Увели въ плѣнъ и продали въ Турцію мою сестру.

Саша въ первый разъ слышалъ подобный ужасъ.

— Куда въ Турцію?

— Въ гаремъ, къ какому-нибудь старому негодному пашѣ.

— Ну?

— Вотъ теперь пробилъ и мой часъ. Глазъ у меня вѣренъ, и рука тверда, а оружіе завѣщаль мнѣ отецъ...

И пошелъ, было, дальше. Но Саша почему-то сейчасъ только вспомнилъ слова стараго священника, жившаго въ ихъ крѣпости.

— Князь!

— Что тебѣ еще?

— А какъ же Христосъ велѣлъ прощать всѣхъ...

Гуриецъ остановился. Опять повелъ на него воспаленными глазами.

— Не теперь... некогда прощать... Да они и не просятъ прощенія.

И, разслушавъ первый ружейный залпъ, кинулся къ входу на стѣны.

Саша остался одинъ.

Онъ никакъ не могъ понять, въ чемъ тутъ дѣло.

Священнику онъ вѣрилъ. Онъ видѣлъ, что и его отецъ и мать относятся къ нему съ почтеніемъ...

Какъ же это такъ? Отецъ Петръ говоритъ: надо прощать, потому что Христосъ простилъ всѣхъ, а у насъ все выходитъ наоборотъ. Люби своего ближняго. Развѣ только намъ горецъ не ближній? Нѣтъ, и это неправда, потому что, когда еще вчера былъ у нихъ Кай-Булатъ, Саша видѣлъ, какъ съ нимъ ласково обращались и отецъ, и мать, и офицеры. Въ чемъ же дѣло? Почему же этотъ Кай-Булатъ, вчера казавшійся такимъ милымъ и близкимъ, сегодня долженъ драться съ ними и убивать, и быть убитымъ. Сашѣ трудно было разобраться въ этомъ, да и некогда было, потому что не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ ему показалось, что все кругомъ точно разваливается отъ грохота и треска. Точно земля раскалывалась до самыхъ нѣдръ, разсѣдались скалы, осыпались горы, рушились слабыя постройки чело-вѣка. Тысячи пуль пронеслись надъ каменнымъ гнѣздомъ русскаго укѣпленія.

Стихійный шумъ боя все захватывалъ въ свою голово-кружащую суматоху. Стройно и отчетливо, видимо, по командѣ, раздавались залпы съ крѣпостныхъ стѣнъ, и на-встрѣчу имъ съ горъ и съ ихъ подножій тысячи свинцо-выхъ шмелей, свистя, шипя, жужжа, неслись отовсюду. Давно уже съ немногихъ деревьевъ крѣпостного двора под-нялись и улетѣли, невѣдомо куда, встревоженные птицы. Теперь Саша смотрѣлъ, слушалъ и ничего понять не могъ. Точно какіе-то стальные прутья хлестали вѣтки этихъ де-реьевъ. Со свистомъ и визгомъ врывались въ ихъ гущу, чмокались о старые корявые стволы, и сучья осыпались внизъ, точно подрѣзанные невидимыми ножами. Листья, будто сорванные невидимыми руками, летѣли во всѣ сто-роны... Голубь поднялся, было, съ кровли, но, застигнутый этими стальными прутьями, вдругъ нелѣпо взмахнулъ крыльями и шлепнулся оземь. Попробовалъ приподняться и распластался опять...

Вонъ вскидывается, перебираетъ слабѣющими лапками, а тухнушіе глаза его заволакиваетъ предсмертная пленка.

„Неужели и люди такъ же?“—думаетъ Саша и невольно вздрагиваетъ...

Со стѣнъ въ госпиталь несутъ раненыхъ на шинеляхъ. Носилокъ не доищешься сразу.

Вонъ старый солдатъ, рассказывавшій ему такія чудесныя сказки... Онъ лежитъ на шинели и, не замѣчая, какъ движутся его несущіе товарищи, колышется всеѣмъ своимъ тѣломъ. Зажмурился, точно ему нестерпимо видѣть это солнце передъ собою...

— Братцы!—кричитъ имъ навстрѣчу Саша.—Что это съ Иваномъ?

Но Иванъ даже и не моргнулъ въ отвѣтъ.

Загорѣлое лицо только поворачивалось вправо и влево, и, взглянувъ внизъ, Саша видитъ, что по разстегнутой груди его сочится что-то красное.

Принесли въ лазаретъ, и назадъ идутъ товарищи...

Сашѣ стало жутко...

Онъ вылѣзъ на подбконникъ, но, какъ нарочно, у самыхъ стѣнъ его домика въ булыжникъ чмокнулось что-то. Другое около, сорвавъ вѣтку съ дерева, ударило въ землю и будто впилося въ нее.

— Паничъ!—кричитъ ему какой-то солдатъ.

— Что тебѣ?

— Не подымайтесь! Сидите смирно.

Чего же сидѣть смирно, когда онъ видитъ, какъ Тамара Давидовна тихо и спокойно идетъ изъ лазарета домой.

— Мама! Мама! Что это?

— Не высовывайся, Саша! Я сейчасъ затворю окно.

Она входитъ въ домъ. Запираетъ ставни... Въ комнатѣ дѣлается темно. Она зажигаетъ лампаду у образа.

И скоро, точно на ходу, обнимаетъ Сашу и порывисто опускается на колѣни передъ Богоматерью.

— Мама! Что это?

— Погоди, Саша!

Мальчикъ видитъ, что мать плачетъ и крестить его.

Слезы набѣгаютъ ему на глаза.

— Молись, Саша! Богъ—наша защита.

Но Саша не находитъ словъ для молитвы. Ему только страшно-страшно.

— Мама! Зачѣмъ меня заперли?.. Выпусти меня.

— Нѣтъ, нѣтъ. Сейчасъ поваръ принесетъ тебѣ поѣсть.

— Долго ли мнѣ такъ сидѣть?

— Не знаю, не знаю.

Она хотѣла сказать ему что то еще, но въ дверь постучали.

— Кто тамъ?

— Пожалуйста въ лазаретъ. Докторъ зоветъ, рукъ не хватаетъ.

Тамара Давидовна схватилась за голову и бросилась туда.

Она забыла запереть за собою. Саша воспользовался этимъ и вышелъ.

То, что онъ увидѣлъ, заставило его тотчасъ податься назадъ. Сверху уже безконечной вереницей несли раненныхъ. Тамъ шелъ ожесточенный бой. Священникъ, добрый отецъ Петръ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, идетъ туда, и по блеску его глазъ и рѣшительности, обнаруживавшейся въ каждомъ его движеніи, Саша понялъ, что тамъ дѣло разыгрывается не на шутку.

XXXIV.

Русскій отрядъ шелъ черезъ горы.

Вель его всѣмъ извѣстный въ тѣ времена генераль Зассъ. Онъ уже третій день, какъ поднялся съ Прочнаго Окопа. Ходовой исправно совершилъ все, что ему было поручено Слободчиковымъ. Полковникъ не могъ выбрать лучшаго

исполнителя. Выручивъ по пути „оказію“, старый солдатъ успѣлъ прорваться на „ту сторону“ сквозь черкесскіе аулы и во-время дать знать о набѣгѣ черкесскихъ племенъ. Къ счастію, какъ разъ въ это время у Засса войска были въ сборѣ. Онъ не колебался ни минуты.

Какъ въ послѣдствіи Скобелевъ, такъ и Зассъ, держался въ жестокой практикѣ войны одного правила: восточнаго человѣка надо бить прежде всего по соображенію.

Слѣдовало нахлынуть сюда, какъ снѣгъ на голову. Именно явиться неожиданно оттуда, откуда никто не ожидалъ нашихъ. Внезапность была уже половиною успѣха. Тѣмъ болѣе, что онъ зналъ, съ кѣмъ ему придется имѣть дѣло. Въ схваткахъ грудь съ грудью не было страшнѣе врага, чѣмъ шапсуги. Про нихъ говорили: шапсугъ не любить жечь много пороха, шапсугъ рубака, какъ абаздехъ стрѣлокъ, а чеченецъ за валомъ крѣпокъ. Тутъ же большинство горныхъ клановъ, обрушившихся на русскую крѣпость, состояло изъ шапсуговъ. По пути тоже надо было ожидать всякихъ неожиданностей. Не даромъ черкесы отлично умѣли пользоваться мѣстностью. Стоило только наступающему зазѣваться, какъ враги появлялись, невѣдомо откуда, и наносили неожиданный ударъ. Въ лѣсу, въ ущельѣ, въ дебряхъ горныхъ узловъ, завязывалась горячая драка.

По словамъ очевидца, лѣсъ былъ весь въ пороховомъ дымѣ, перестрѣлка звучала въ немъ повсюду; но едва только напѣи выходили на чистое поле, какъ непріятель исчезалъ въ одно мгновеніе, точно сквозь землю проваливался. „Такая ужъ у нихъ удача, — говорили черноморскіе казаки: — вырастаютъ несѣянные и пропадаютъ нескошенными“.

Русскій отрядъ, двигавшійся по землѣ черкесовъ и убыховъ, почти никогда не видѣлъ непріятеля; но тамъ, гдѣ онъ проходилъ по мѣстности, закрытой или пересѣченной, сыпались на него пули градомъ, свидѣтельствуя о близости врага. Поворачивать къ нему было бесполезно, потому что — невидимый — онъ опять появлялся съ боковъ и съ тыла.

Такимъ образомъ, дѣйствуя наступательно, отрядъ принужденъ былъ обороняться со всѣхъ сторонъ, двигаться *продолговатымъ ящикомъ*, въ серединѣ котораго были обозъ и артиллерія, а по бокамъ войска. При этомъ вовсе не защита ауловъ составляла славу черкеса. Ему не стоило ихъ отстаивать. Аулучныя построики ничего не стоили. Уничтожали мы ихъ сегодня, — завтра они воздвигались снова. Имя воину давали набѣги за предѣлами его родины. Отдавая преимущество набѣгу передъ защитою, рѣдкій горець не участвовалъ въ хищнической партіи.

Къ счастію для насъ, между черкесами не было единодушія. Если бы всѣ ихъ племена соединились вмѣстѣ, то они могли бы выставить около пятидесяти тысячъ всадниковъ. Но согласія между ними не было. Каждое племя жило своимъ обиходомъ, не слушаясь общихъ приказаній, такъ что нападенія, подобныя описываемому нами, на одинокую русскую крѣпость здѣсь случались очень рѣдко.

Во всякомъ большемъ и маломъ набѣгѣ главную роль играли абреки. Это были люди, извѣстные своею отчаянной храбростью и ловкимъ наѣздничествомъ. Казаки ихъ знали и сильно опасались. Сотня или двѣ линейныхъ казаковъ смѣло бросались въ шашки и врѣзывались въ сильнѣйшую непріятельскую толпу; но случалось, что тѣ же сотни не смѣли атаковать холоднымъ оружіемъ нѣсколько десятковъ абрековъ и стрѣляли въ нихъ издали, зная, что въ рукопашномъ бою ихъ жизнь можно купить только дорогою цѣною. Окруживъ абрековъ, казаки истребляли ихъ до послѣдняго человѣка. Да и сами абреки не просили пощады. Видя отрѣзанными всѣ пути къ спасенію, они убивали своихъ лошадей, за тѣлами ихъ залегали съ винтовкою на присошкѣ и отстрѣливались, пока было возможно.

Выпустивъ послѣдніе заряды, абреки ломали ружья и шашки и встрѣчали безъ сожалѣнія о жизни смерть, съ кинжалами въ рукахъ, зная, что съ этимъ оружіемъ ихъ нельзя схватить живыми. По черкесскому взгляду на дѣло,

всадникъ, потерявшій лошадь, уже не принадлежитъ этому свѣту. Онъ будетъ биться пѣшій до послѣдней возможности и съ такимъ ожесточеніемъ, что наконецъ заставитъ убить себя.

Между такими именно врагами приходилось двигаться русскому отряду.

— Сторожи по сторонамъ! Не вѣрь дереву и камню, — каждый можетъ обернуться въ черкеса! — говорилъ Зассъ своимъ людямъ, и тѣ дѣйствительно не вѣрили ничему.

Обстоятельства, впрочемъ, доказывали справедливость этого.

На третій день отрядъ уже значительно врѣзался въ горы. Позади и впереди было несосвѣтливое царство чужого и враждебнаго народа.

Уже не мало выбыло изъ строя ранеными и убитыми, при чемъ наши даже не видѣли, кто и откуда въ нихъ стрѣляетъ. Наконецъ, къ вечеру третьяго дня лѣса отошли назадъ. Казалось, что теперь будетъ легче.

— Слава-те, Господи! Теперь вольно идти! — говорили солдаты.

— Некуда ему, голубчику, спрятаться.

Ходовой молчалъ.

— Ты какъ думаешь, дядя? — приставали къ нему.

— Намъ съ тобой — некуда, а черкесъ спрячется.

— Какъ такъ?

— Ему не надо дерева. Онъ, какъ змѣя, ляжетъ между камнями.

— Экъ тебя тоже проняло! — смѣялись надъ нимъ солдаты и растянулись по крутому скату безлѣсной горы.

Дорога шла довольно широкая. Было гдѣ обернуться. Лошади, съ маленькими горными орудіями на хребтахъ, бодро подымались въ высоту. Все кругомъ дышало миромъ и спокойствіемъ. Весь отрядъ втянулся въ горы, и вдругъ гдѣ-то въ сторонѣ точно вскочило облачко... Треснуло что то, и ближайшій артиллеристъ такъ и рухнулъ лицомъ въ землю.

Ходовой только насупился, косясь туда, откуда такъ неожиданно, негаданно налетѣла на товарища смерть.. Опять сухой трескъ, точно крупная вѣтка хрустнула, и новая жертва валится оземь. Но впереди и позади уже слышали, и полуроты солдатъ бросились туда, гдѣ въ сторонѣ цѣлой грудой были навалены каменья.

Черкесы, впрочемъ, не дождались нашихъ.

Когда пѣхота добѣжала до мѣста, за камнями уже никого не было. Только на землѣ лежало нѣсколько обгорѣвшихъ пыжей, да было видимо, что здѣсь только что прятались люди. Земля около была утоптана. Вонъ далеко-далеко внизу катится какой-то сѣрый комъ. Не то мѣшокъ, не то камень. Зоркій стрѣлокъ разглядѣлъ его, приложился. Новый выстрѣлъ разбудилъ окрестность...

Повторился въ далекихъ ущельяхъ, отраженный скалами, пронесся, Богъ вѣсть, куда, а у катившагося внизъ мѣшка внезапно выросли руки и ноги, онъ какъ-то взмахнулъ ими и рухнулъ на самое дно зіявшей подъ ногами у нашихъ солдатъ котловины. Чуть видно отсюда. Къ нему точно подползаютъ какіе-то муравьи...

— Свои... Подымаютъ.

-- Теперь бы ихъ ожечь.

— Напрасно... Не попастьъ, — далеко. Глазомъ увидишь, а ружьемъ не попадешь.

— Точно что...

И пошли прочь карабкаться все выше и выше въ заоблачное царство.

Это заоблачное царство надо было миновать. Внѣ этого перевала не было дорогъ на ту сторону, гдѣ теперь, окруженная тысячами враговъ, отбивалась обреченная смерти русская крѣпостца.

И Зассъ, и каждый послѣдній солдатъ въ отрядѣ въ эту минуту думалъ о ней; но всего больнѣе судьба ея была Ходовому... Ему такъ и видѣлись товарищи на ея стѣнахъ, теряющіе силы въ послѣднихъ попыткахъ отстоять это ка-

K. Turanov

ПЕТУХИ

менное гнѣздо, и торже-
ствующій непріятель кру-
гомъ... Правда, оказія, вѣр-
но, уже дорвалась туда, и
провизія въ крѣпости есть.
Но, вѣдь, шапсуги не да-
дутъ отдыху нашимъ. Изма-
ютъ, измучатъ. Если бы еще
было довольно нашихъ, что-
бы разбить ихъ на двѣ
смѣны.

Одна бы дралась на стѣ-
нахъ, другая бы отдыхала.
Но куда тутъ. Всѣ руки на
счету. Поди, и барыня (такъ
онъ называлъ Тамару Дави-

довну) измоталась совсѣмъ, тоже глазъ сомкнуть некогда.

Думаль-думаль Ходовой, да и пришелъ къ тому, что
отрядъ и безъ него доберется до назначеннаго мѣста. Тутъ

Поднебесный аулъ.

было не мало солдатъ, знавшихъ горы. А ему бы прямикомъ теперь къ полковнику,—передать вѣсточку: „идеть-де помощь. Держитесь!“

Ходовой бокомъ подобрался къ генералу. Самъ не рѣшался заговорить... Авось, тотъ его первый замѣтитъ.

— Чего тебѣ, Ходовой?

Ходовой хмыкнулъ что-то про себя.

— Ты сказать мнѣ что-нибудь хочешь?

— Точно такъ...

— Въ чемъ дѣло?

— Полковникъ теперича...

— Какой?

— А Слободчиковъ... нашъ...

— Ну!

— Коли бы онъ зналъ...

— Что именно?

— А то, что помощь близка... Куда бы ему лучше было держаться.

— Это правда.

— Потому, ваше превосходительство, теперича у васъ есть изъ казаковъ такіе, что эти горы поперекъ знаютъ, доведутъ.

— А ты хочешь итти прямикомъ?

— Да. Такъ-то я завтра буду у полковника.

— Ну, да хранить тебя Богъ!

Зассъ перекрестилъ Ходового.

Тому только и надо было этого.

Онъ, не прощаясь ни съ кѣмъ, сунулся куда-то въ сторону и пропалъ въ лѣсу.

Теперь передъ нимъ опять была дѣбрь. Шинель онъ оставилъ въ отрядѣ; на немъ оказалась рваная черкеска. Конь у него за это время отдохнулъ, и Ходовому любо было ѣхать по цѣлинѣ, гдѣ рядомъ съ нимъ былъ только одинъ Богъ,—и никого больше. Онъ выбралъ такую тропу, по которой отряду бы ни за что не пройти и пушекъ не пере-

вести. А ему съ конемъ она была хорошо. Еще конь, можетъ быть, и собьетъ ноги за ночь, ну да это не горе, лишь бы во-время къ своимъ доѣхать.

И Ходовой даже началъ что-то про себя мурлыкать.

Заботиться ему было не о чемъ. У запасливаго солдата были сухари въ сумѣ позади, а воды въ ключахъ да ручьяхъ кругомъ, сколько хочешь. Вонъ вдали между деревьями, въ зеленой сквози мелькнулъ джейранъ. Ходовой ему засмѣялся, какъ старому знакомому.

— Бѣги, бѣги, миляга. Сегодня я тебя не трону, ну, а завтра не попадайся. Въ крѣпость тоже съ пустыми руками зачѣмъ, надо съ пешкешемъ...

А лѣсъ все густѣлъ и густѣлъ.

Казалось, ему нѣтъ конца и краю.

XXXV.

Недѣля прошла уже съ того дня, какъ Петръ Александровичъ въ первый разъ вокругъ стѣнъ своей крѣпости увидѣлъ скопища черкесскихъ племенъ. За все это время непріятель не давалъ ему ни минуты покоя.

Онъ, усталый и измученный, не ложился въ постель, потому что зналъ, стоитъ ему только сомкнуть глаза, чтобы гдѣ-нибудь вспыхнула перестрѣлка, послышались крики, и фельдфебель немедленно застучался къ нему: „пожалуйте-де, ваше высокоблагородіе, черкесь лѣзетъ“. И черкесь, дѣйствительно, лѣзъ во всю.

Будь между горными кладами больше согласія, крѣпости бы не устоять. Ее взяли бы въ первый же день. Стоило только всѣмъ этимъ горнымъ лавинамъ нахлынуть на нее сразу и наводнить крохотное каменное гнѣздо.

Шапсуги, убухи, катухеевцы и беслонѣги слишкомъ любили свободу, ея они не жертвовали никому. Каждое племя хотѣло само покончить съ горсточкой враговъ и

набрасывалось на нее въ одиночку. Остальные смотрѣли, что изъ этого выйдетъ, и кидались только тогда, когда первые, разбившись о каменные лапы одинокаго русскаго богатыря, отходили назадъ. Все дѣлалось въ разбродъ, наудачу. Шамиловскіе наобы убѣждали ихъ выбрать общаго начальника, но это было напрасно. Каждый кланъ выставялъ своего вождя. Убыхи не хотѣли подчиниться шапсугу, шапсуги—безслонѣвцу.

Кай-Булатъ казался вліятельнѣе другихъ, но онъ слишкомъ былъ и умнѣе, и образованнѣе всѣхъ своихъ. Онъ хорошо изучилъ русскихъ въ плѣну, и ему не по-плечу были понятія родичей. Они его не понимали. Онъ хотѣлъ подчиниться одному изъ шамилевскихъ наобовъ, но свои возмущались противъ этого: давно ли-де благородный шапсугъ сталъ ниже простаго лезгина, сильнаго только личностью Имама, Чечни и Дагестана. Поэтому силы осаждающихъ тратились на мелкія стычки и частныя нападенія.

Не то что взрослымъ, и бѣдному Сашѣ пришлось плохо.

Его никуда не выпускали изъ дому, но и тутъ приходилось мальчику жутко. Сидитъ онъ какъ-то за книгою, вдругъ слышатся выстрѣлы, частымъ пореборомъ раскатываются ружья, громыхаютъ пушки, изрѣдка кое-гдѣ вспыхиваетъ „ура“; и Саша уже настолько ознакомился съ дѣломъ, что понимаетъ,—это враги напоролись на наши штыки... Что онъ читалъ въ это время, едва ли самъ могъ дать себѣ отчетъ. Строчки разбѣгались въ его глазахъ: то пропадали вновь, то вдругъ точно осыпались искрами, и передъ нимъ были чистыя страницы. Задумался онъ о томъ, что хорошо бы и ему теперь взять ружье и пойти палить.

Онъ даже не понималъ своего отца: когда было все тихо и мирно, Сашѣ позволяли учиться стрѣлять. У него даже было свое ружье. Отецъ съ княземъ хвалили мальчика: молодець-де, ловко попалъ! А теперь,—когда его знаніе было бы какъ разъ у мѣста, и онъ могъ бы помочь своимъ,—сиди и никуда не смѣй уходить изъ комнаты.

И вдругъ, какъ разъ въ это время что-то ударило въ окно, стекло—вдребезги, въ комнатѣ свистнуло, и Саша замѣтилъ, какъ напротивъ отъ стѣны отбилась штукатурка. Онъ подошелъ. На полу валялась круглая свинцовая пуля, стертая только съ одной стороны. Должно быть, на излетѣ рикошетомъ ударилась въ булыжникъ на дворѣ и оттуда влетѣла сюда. А хорошо бы, въ самомъ дѣлѣ, пойти самому на стѣны. И солдаты скажутъ: каковъ-де молодчинище нашъ барчукъ, и офицеры его похвалятъ за храбрость. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ онъ дѣвчонка, чтобы сидѣть здѣсь, когда другіе тамъ дерутся?.. Его мѣсто на стѣнахъ вмѣстѣ съ ними.

Онъ пошелъ къ себѣ, взялъ ружье. Въ газыряхъ у него были патроны... Тихо отворилъ двери... Вонъ и Васька крадется вдоль стѣны, только исхудалъ, бѣдный. Кожа да кости. Птицы разлетѣлись: всѣхъ ихъ пораспугали выстрѣлы. Балкашка,—онъ уже зналъ это,—убить, и солдаты зарыли стараго пса, тоже явившагося на стѣны и павшаго тамъ славною смертью. Сказывали: кончится томота эта, памятникъ ему поставятъ, чтобы всѣ знали, гдѣ лежитъ отважная собака. Бланшетка уныло бродитъ по двору. Знаетъ, должно быть, что, какъ съѣдятъ люди послѣдняго барана, такъ и ее не помилуютъ. И чѣмъ дальше шелъ мальчикъ пустынными дворами, вдоль казематовъ, тѣмъ ему больше хотѣлось схватиться скорѣе съ врагомъ.

Вдругъ ему удастся убить самаго главнаго между ними, да и такъ, что остальные испугаются и убѣгутъ, и о Сашинѣ подвигѣ вездѣ станутъ рассказывать и писать?! И не только рассказывать, но самъ царь узнаетъ объ этомъ и пришлетъ ему крестъ. То-то онъ будетъ тогда красоваться съ нимъ! Къ тому времени, должно быть, и тетя Маша съ кузиною Лизой освободятся изъ плѣна, и дѣвочка будетъ ему страшно завидовать. А, можетъ быть, и такъ еще дѣло подвернется, что изъ Петербурга придетъ приказъ безъ всякаго ученья записать Сашу въ офицеры, надѣтъ ему

эполеты, а всё эти скучныя книжки—прочь. Мудреное дѣло, подумаешь, военнымъ быть, и очень надо для этого дробнѣ знать! Вонъ Ходовой какой молодчина, а онъ ни читать, ни писать не умѣетъ. Думалъ, думалъ объ этомъ Саша, и вдругъ до его слуха дошли чьи-то стоны. Они звучали съ правой стороны; Саша зналъ, что тамъ была пустая казарма. Ее, вѣрно, отвели подъ лазаретъ. Должно быть, прежняго не хватило, слишкомъ много оказалось раненыхъ.

И дѣйствительно, вотъ изъ дверей ея вышелъ докторъ. Руки у него въ крови... Безъ скюртука... Рукава рубашки загнуты вверхъ. Обыкновенно онъ всегда шутилъ съ мальчикомъ, ласкалъ его, а теперь прошелъ, не обративъ вниманія.

— Что это съ нимъ? Или такъ уже ему некогда?

Саша на минуту оставилъ свои воинственные планы: ему захотѣлось посмотрѣть раненыхъ. Онъ тихо пріотворилъ двери... На полу казармы—солома, на соломѣ лежатъ солдаты... Странно, всѣхъ ихъ долженъ былъ бы знать мальчикъ, но теперь онъ смотритъ на многія лица и понять не можетъ, кто это... Вонъ какъ-будто Арефьевъ, и не онъ въ то же время. У Арефьева не было такихъ страшныхъ воспаленныхъ глазъ, такого искаженнаго рта. А, можетъ, и не онъ? У этого—полголовы въ повязкѣ... Сквозь повязку краснѣетъ что-то... Неужели кровь?! Саша подошелъ ближе... Блѣдный-блѣдный солдатикъ... Тоскливо мутными глазами смотритъ на мальчика.

— Это Арефьевъ?—шопотомъ спрашиваетъ тотъ.

— Онъ самый!—едва-едва шевелитъ солдатъ блѣдными губами.

— Что съ нимъ?

— Въ голову ему... пуля... Черепъ тронуло...

— Страсть мучается!—замѣчаетъ другой рядомъ.

— Ему больно?

— Ахъ, баринокъ, баринокъ! Другой такой страсти люди и не придумали еще.

— Легче бы ему помереть.

Сашѣ стало жутко... Онъ помялся, помялся.

— А докторъ что?

— Да развѣ докторъ можетъ тутъ помочь?.. Докторъ не Богъ.

— Ужели отъ пуль всегда такъ?

— Въ какое мѣсто попадетъ.

Саша невольно опустилъ свое ружье.

— И если я, напримѣръ, въ черкеса выстрѣлю... и ему будетъ также больно?

— А то какъ? Попади только, завертится.

— Нешто черкесь не человѣкъ? Та же душа.

Мальчику страшно сдѣлалось.

И отъ его руки такъ же, пожалуй, какъ Арефьевъ, мучился бы и умиралъ въ страшныхъ страданіяхъ „врагъ“... какъ онъ сдѣлался такимъ? Вѣдь Саша помнитъ, какъ разъ его отецъ взялъ съ собою въ поднебесный аулъ, и тамъ эти самые, которые дерутся теперь за стѣнами, ласкали и миловали мальчика, играли съ нимъ.

Какъ разъ въ это время перестрѣлка на стѣнахъ стихла. Черкесы, должно быть, отхлынули. Саша тихо пошелъ къ себѣ, поставилъ ружье въ уголъ.

— Не мое дѣло. Жаль... Всѣхъ жаль: и своихъ, и ихнихъ. И ихнимъ теперь больно...

Вечерѣло уже. Голубые тоны рисовались въ воздухѣ. На небесахъ протягивались золотисто-розовыя сквозныя паутинки. Не облака, а именно паутинки. Точно невидимые маленькіе ангелы играли съ ними, на лету тянули ихъ за собою, свивали и раскидывали опять каждое въ теплотѣ и ласкѣ окружавшей ихъ лазури.

Со стѣнъ шли внизъ солдаты... И черкесы, вѣрно, отошли далеко. Ишь, за ворота вышли наши, и ворота настеежь... Выбрался туда мальчикъ. Солдаты сбросили шинели зачѣмъ-то. Вдали два офицера указываютъ... Хотѣлъ, было, Саша спросить, что это, да и безъ этого узналъ. У

самыхъ крѣпостныхъ стѣнъ лежать и наши, и черкесы... Неподвижно лежать. Саша замѣтилъ только, что одинъ изъ

нихъ точно повернулся къ нему и однимъ удѣлѣвшимъ глазомъ пристально смотритъ на него.

— Что это?—спросилъ Саша у проходящаго мимо.

— Видишь,—могилы роютъ.

— Могилы роютъ!

А вдали, на плоскихъ камняхъ, золотится заходящее солнце, на зеленой травѣ вспыхиваетъ какое-то желтое сіяніе. Такъ и тянетъ туда къ свѣту, къ волѣ, къ прохладѣ, къ быстро бѣгущимъ ручьямъ, къ тихо, нѣжно колышущимся деревьямъ.

— Зачѣмъ же люди выдумали драться?

И отецъ его такой добрый и ласковый... А тутъ сколько ихъ онъ перебилъ на своемъ вѣку! И мальчику стало какъ будто холодно...

XXXVI.

Ходовой спокойно проспалъ въ лѣсной трущобѣ, стреноживъ лошадь и завязавъ поводъ вокругъ своей руки. Если бы съ конемъ что-нибудь случилось, солдатъ почувствовалъ бы это сейчасъ же. Но время отъ заката солнца до восхода прошло совершенно спокойно. Разъ только что-то пронеслось по дебри: лошадь вскинулась, было. Ходовой поднялся, вслушался... Кругомъ опять стояла тишина, и вверху сквозь листву изрѣдка поблескивали звѣзды. Утромъ на разсвѣтѣ потянуло холодкомъ. Около былъ ручей. Ходовой напоилъ коня и накормилъ его... Когда онъ выѣхалъ изъ лѣсу, вверху показался въ поднебесьи аулъ. За нимъ, за этимъ ауломъ была русская крѣпостца. Пряникомъ тропа шла черезъ аулъ, но Ходовой зналъ, что теперь ему пути заказаны. Онъ сначала пошелъ, было, пѣшкомъ, ведя коня въ поводу.

Стояла прохлада. Солнце не поднялось еще надъ горами, и только вершины ихъ ярко горѣли. Поднебесный аулъ весь такъ и свѣтился. Ночью его окутывала тучка, теперь она сползла, и всѣ кровли саклей горѣли, влажныя, подъ его лучами. Ходовой, впрочемъ, скоро потерялъ его изъ виду. Онъ весь ушелъ въ стѣны, словно въ трещины, ущелья, откуда небо видно было узенькою лентой. Справа

и слѣва стояли стѣною отвѣсы скалъ, и только на ихъ верхушкахъ трепалась чахлая зелень. Тутъ онъ сѣлъ на коня и быстро понесся впередъ. По дну ущелья змѣилась вода, шипя въ каменныхъ переборахъ. Трещина то поворачивалась на западъ, то на востокъ. Ходовой съ сѣдла зорко смотрѣлъ впередъ; онъ зналъ хорошо, что тутъ всякая встрѣча не къ добру. Кто попадетъ на этомъ пути? Обыкновенный горецъ сюда не сунется. Ему не заказаны другіе, болѣе удобные пути. Прячется здѣсь, значить, на немъ кровь, т.-е. канлы, какъ говорятъ въ горахъ. Его ищутъ мстители за совершенное имъ убійство. Если всѣ враги, то и онъ всѣмъ врагъ. Часто такіе убивали наповальъ каждаго, кто только къ нимъ приближался. Словно затаенный въ пещерѣ дикій звѣрь, или онъ разорветъ, или его разорвутъ. Ходовому случалось наткаться на такихъ, и стараго солдата въ такихъ неожиданныхъ встрѣчахъ спасалъ только случай. Слава Богу, на этотъ разъ къ полудню онъ проѣхалъ все это ущелье, не столкнувшись ни съ кѣмъ... Когда передъ нимъ раскинулся выходъ изъ горъ въ котловину, на днѣ которой стояла русская крѣпость, Ходовой, — ужъ на что видалъ виды, — вздрогнулъ невольно.

Наше каменное гнѣздо казалось небольшимъ утесомъ посреди бѣшеннаго, вспѣннаго моря.

Отовсюду съ горъ на него неслись валы и разбивались объ его жалкія стѣны.

Ходовой сразу даже не сообразилъ, что это такое.

Надо было разобраться съ впечатлѣніемъ, чтобы понять кое-что въ этомъ живомъ хаосѣ.

Надъ этой котловиной стоялъ какой-то отчаянный гулъ. Въ немъ тонули и трескотня ружейныхъ выстрѣловъ въ перебивку, и наши залпы, сѣявшіе смерть въ сплошныхъ массахъ шансуговъ и убыховъ, и удары пушекъ, послѣ каждаго изъ которыхъ съ крѣпостныхъ стѣнъ къ небесамъ точно срывались маленькія сѣроватыя облачка.

— Вонъ она, болѣзная! — перекрестился Ходовой. — Стоитъ

еще, миляга, держится! Дай ей Богъ стоять, авось Владыко вызволить...

Онъ уже разсмотрѣлъ, что со всѣхъ сторонъ на крѣпостныя гласисы лѣзеть, остервенясь, врагъ. Должно быть, черкесы сегодня задались, во что бы то ни стало, раздавить сопротивление горсти этихъ бойцовъ. Отсюда, съ горы, потому что ущелье легло выше котловины, Ходовому было все видно отлично... Вонъ отъ непріятельскихъ отрядовъ отдѣлилось громадное скопище и быстро катится къ крѣпости. Навстрѣчу ему съ ея стѣнъ срываются залпы, мѣдныя жерла орудій орутъ во всю свою ненасытную глотку; но все это нисколько не останавливаетъ нападающихъ. Сюда, къ Ходовому, слышится: „Алла! Алла!“ — „Господи!..—шепчетъ онъ поблѣввшими губами, — сомнуть они нашихъ...“ Скопище докатилось, какъ волны у камней, бьется внизу нѣсколько времени; и Ходовой видитъ, что горцы подставляютъ лѣстницы и просто балки, лѣзутъ на стѣны.. Однѣ лѣстницы, скинутыя защитниками укрѣпленія, рушатся внизъ, другія выстаиваютъ, и по нимъ быстро взбѣгаютъ на башни нападающіе. Бой завязывается вверху грудь съ грудью, лицомъ къ лицу. Ему, Ходовому, чудится, какъ тамъ сверкаютъ шашки, и впиваются въ тѣла штыки.. Слава Богу!.. Отбились, должно быть; самъ полковникъ со свѣжими силами съ другихъ мѣстъ снялъ ихъ,—не допустилъ и опрокинулъ отчаянныхъ головорѣзовъ. Ходовому видно, какъ они падаютъ со стѣнъ. Одинъ даже обнялъ русскаго солдата и вмѣстѣ съ нимъ рухнулъ въ оврагъ.

— Кто бы это былъ?—задумался солдатъ, вспоминая товарищей.

Вонъ, направо, другое скопище бѣжитъ шибко-шибко въ тылъ... Должно быть, оттуда ударить думаетъ, и по всему остальному пространству на лихихъ коняхъ носятся сумасшедшіе джигиты „дели“ (одержимые, ихъ такъ и называютъ).—Они переругиваются съ солдатами на стѣнахъ и на всемъ скаку срываютъ ружья изъ-за спины и посылаютъ

выстрѣлы по выдвинувшимся на стѣнахъ солдатамъ. Вонъ группа набовъ въ красномъ, точно щеголя храбростью, подѣхала къ самымъ стѣнамъ, да недолго выдержала. Отъ залпа, точно воробьи, такъ и разлетѣлись во всѣ стороны. А вонъ лошади, безъ всадниковъ, стремглавъ несутся по полю. Вонъ всадники, скинутые съ сѣделъ, полагаютъ по землѣ и припадаютъ къ ней въ смертной мукѣ.

— Пора! Дай Богъ поспѣть во-время.

Ходовой понималъ хорошо, что вѣсть, которую онъ везетъ домой въ крѣпость, стоитъ свѣжаго отряда. Спасеніе близко, оно за горами. Держитесь только! И ему страшно: вдругъ наши не выстоятъ, не хватить у нихъ душевной бодрости. Усталъ и страданія возьмутъ свое. И онъ, уже не думая о себѣ, торопитъ коня.

Ухитрился до сихъ поръ за весь этотъ походъ не заморить его!

Конь со всѣхъ ногъ неся въ крѣпость!.. Дай Богъ только во-время поспѣть!

— Какъ только попасть туда?

Онъ хорошо зналъ, что воротъ ему не отопрутъ.

Но не все ли равно? Лишь бы во-время кинуть туда радостную вѣсточку, а тамъ пусть его искрошатъ въ кашу черкесы,—не все ли равно?

Двухъ смертей не бывать, а одной не миновать!

Да и пора!

Много лѣтъ считаетъ онъ себѣ. Будетъ, послужилъ, пожилъ... Авось, тамъ за его мученическую кончину и зачтутся ему малые грѣхи его. Успокоится и отдохнетъ...

Вонъ онъ уже несется между нападающими.

И встрѣчнымъ нисколько не въ диковинку это бородатое лицо и худая фигура въ рваной черкескѣ. Ихъ тамъ за этотъ походъ столько набралось, что шапсугъ приметъ его за убыха, а убыхъ—за шапсуга. Онъ зорко всматривается въ нихъ, но они не дарятъ его своимъ вниманіемъ. Теперь по всему полю летаютъ такіе, сломя голову. Одинъ крас-

ный наибъ подвинулся къ Ходовому. Такъ и зачесались у солдата руки рубить его, — да во-время удержался. И съ крѣпости не разобрали бы, какъ ближайшіе горцы покончили бы со смѣльчакомъ. И сама крѣпость, вотъ она милая, на глазахъ растеть. Коли бы можно было пріостановиться, разобралъ бы, пожалуй, и лица солдатъ, да нельзя. Свинцовыми шмелями окрылился воздухъ. Они повсюду несутся. Кажется, дышишь ими. Чего добраго, — такой свалить съ сѣдла. Тяжело умирать отъ своихъ же, да еще не докончивъ дѣла, ради котораго поднялъ на себя столько трудовъ.

— Гдѣ наши?—налетѣлъ на него со-слѣпа какой-то убыхъ.

— Ищи самъ!—сурово отвѣтилъ ему Ходовой.

— Куда ты? — кричатъ ему другіе, — „дели“, прямо на смерть идешь.

Онъ только оглядывается на нихъ воспаленными глазами и еще пуще шпорить коня.

— Видно, конца своего ищеть. Къ Аллаху спѣшить, — разсуждаютъ горцы, сторонясь отъ его бѣшенаго наскока. Вотъ и стѣны.

Тутъ только что отбито нападеніе.

Одна лѣстница торчитъ еще. Осталась. Вдругъ Ходовому пришла въ голову почти безумная мысль. Онъ съ сѣдла сорвался къ этой лѣстницѣ и схватился за нее. Теперь лишь бы только свои сверху не скинули его съ лѣстницы въ ровъ или не убили бы.. Лошадь, освободившись отъ всадника, кинулась опрометью назадъ.

— Такъ и есть: смерти себя обрекъ... — слышится позади въ толпахъ черкесовъ.

— Должно быть, зажился на свѣтѣ. Къ пророку въ рай задумалъ.

— Да отворишь ему шире ворота ангелъ Израиль...

— Умиращіе въ бою—гости Магомета.

А крѣпость въ эту минуту переживала страшную схватку! Только что отбили отсюда нападающихъ, какъ они обру-

шились съ другой стороны. Нѣсколько ночей не спавшій Слободчиковъ, съ красными, воспаленными глазами, летѣлъ туда, издали хрипло крича своимъ:

— Держитесь, товарищи! Все равно умирать... Не выдавайте!..

— Рады стараться!—срывалось ему оттуда навстрѣчу.

Мимоходомъ онъ приказалъ отворить двери порохового погреба.

Въ его тѣмъ за ними едва намѣчивались бочки съ порохомъ.

Если не удастся отбиться, и черкесы ворвутся сюда, это единственное, что осталось крѣпости. Онъ не дастъ ее ни за что, погибнетъ въ ея руинахъ съ товарищами и семьей. Большой жертвы онъ не можетъ принести службѣ. Да простить ему Господь грѣхи. Смерть теперь ему въ глаза смотреть и ждать его. Бой кипитъ на стѣнахъ, отчаянный, безумный, послѣдній. Шапсуги ударили оттуда, и тоже обрекли себя на смерть. Сотни ихъ гибнуть, другія сотни набрасываются и занимаютъ ихъ мѣсто. Руки и груди устали. Едва-едва поднимаются приклады. Есть предѣлъ и для храбрыхъ. Съ ужасомъ Слободчиковъ видитъ, что пора ему бѣжать въ пороховой погребъ и взорвать его со всею крѣпостью.

— Еще, ребята... Богъ поможетъ...

А у самого и голоса нѣтъ. Сипитъ въ горлѣ, и чудится ему, что никто его не слышитъ... И вдругъ позади: ура! Да такое... радостное, смѣлое, торжествующее.

Оно перекинулось и сюда, ободрило на минуту осажденныхъ, и этой минуты было довольно, чтобы скинуть со стѣнъ озвѣрѣлыхъ шапсуговъ. Тѣ отхлынули, растерянные и разбитые. До новаго удара хотъ передышаться дадутъ.

— Гдѣ „ура“? Что это значитъ?

— На Георгіевской башнѣ.

Слободчиковъ кинулся туда.

Дѣло оказалось просто.

Видятъ солдаты, что на нихъ по лѣстницѣ одинокій черкесь лѣзетъ. Хотѣли, было, его пулей снять, да кто-то надумилъ: „погоди, долѣзетъ, штыкомъ его сбросимъ“. А поднялся онъ, и вдругъ солдаты слышатъ:

— Крещеные, не узнаете? Свой..

— Какой еще свой?—оторопѣли тѣ.

Но въ эту минуту Ходовой скинулъ папаху.

— Батюшки... Да это нашъ!..

— Ходовой, ты?

— Онъ самый. Ребята, не трожь!

— Помоги, помоги!..

Десятки рукъ протянулись къ нему, подняли его, и старый солдатъ мигомъ оказался на стѣнахъ.

— Откуда, какія вѣсти?

Но у того горло высохло: хрипить что-то, а что, разобратъ нельзя.

— Братцы, дай ему воды!

Припалъ жаркими губами къ квшу. Едва отпился.

— Ребята, держитесь. Помочь идетъ.

— Какая?

— За горою самъ генераль Зассъ... Съ отрядомъ!

„Ура“ такъ и вспыхнуло на стѣнахъ.

И только что черезъ полчаса новое сборище шапсуговъ ринулось на крѣпость; оно было отбито такъ, точно до сихъ поръ всѣ эти солдаты и не изводились въ смертной усталости.

XXXVII.

Поднебесный аулъ былъ тихъ и спокоенъ.

Впрочемъ, тамъ некому было и волноваться. Все способное носить оружіе — внизу, у нашей крѣпости; вверху, за облаками, остались только старики, женщины и дѣти. Эти никакъ не могли ожидать русскихъ. Крѣпость такъ была отовсюду обложена ихними ополченіями, что оттуда, каза-

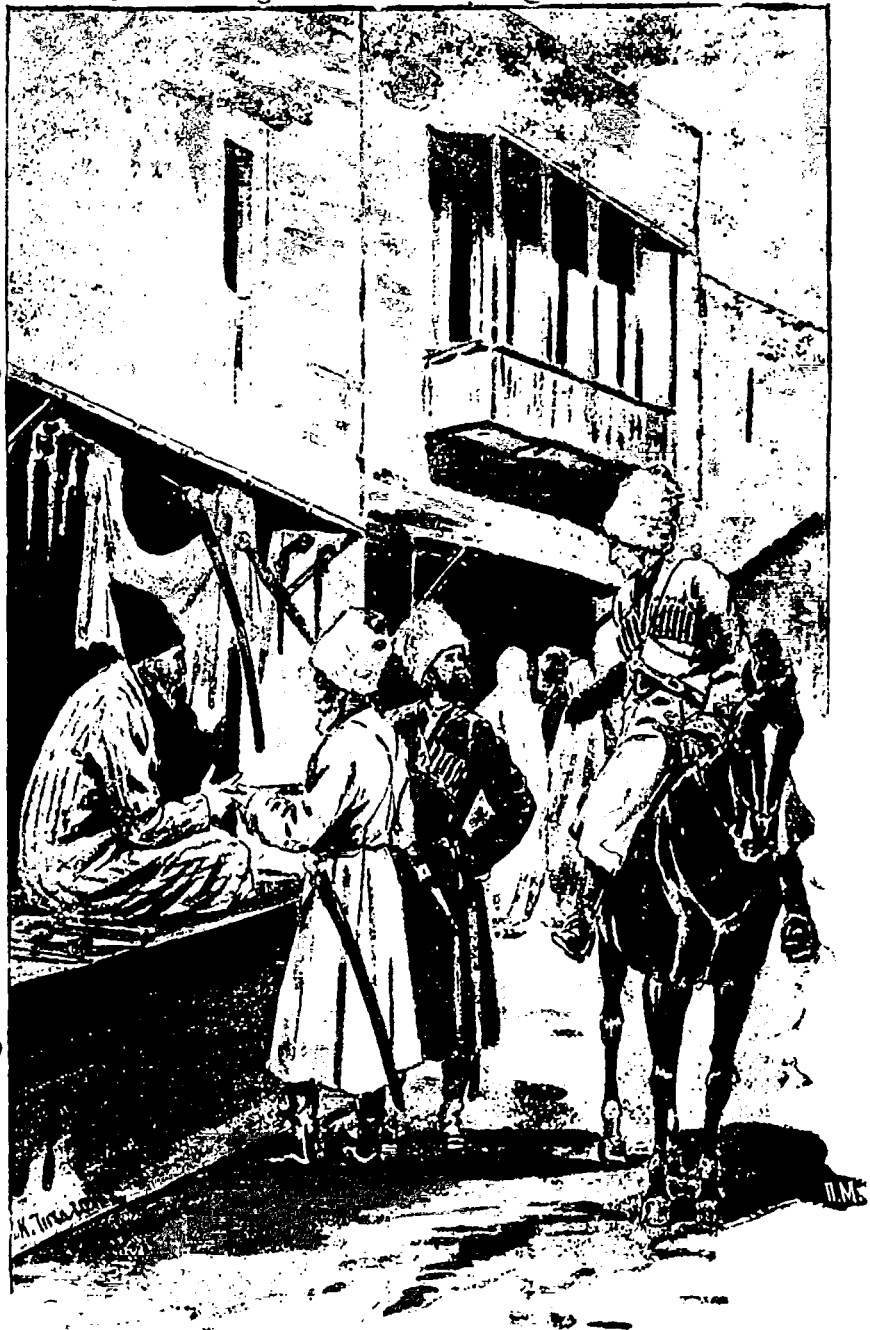
лось, невозможнымъ пробраться даже мыши, не то что чело-
ловѣку. Аульныя дѣвушки уже заранѣе радовались добычѣ,
которую снизу должны имъ привезти ихъ братья и женихи.
По понятіямъ горскихъ красавицъ, тамъ, въ этомъ камен-
номъ гнѣздѣ, сложены, Богъ знаетъ, какія сокровища. Такія
и не снились въ бѣдныхъ черкесскихъ аулахъ... Было чему
радоваться, тѣмъ болѣе, что за послѣднее время въ сак-
ляхъ ощущали недостатокъ всего. Негдѣ было купить по-
зумента на шаровары дѣвушкѣ, канаусу ей на бешметъ.

Въ аулѣ была одна улица, сплошь занятая мелкими лав-
чонками. Прежде тутъ кипѣли жизнь и дѣятельность. Мо-
лодежь уходила за Кубань, въ набѣги на русскія станицы,
и оттуда привозила съ собою много денегъ, плѣнныхъ юно-
шей и женщинъ, которыхъ продавали въ Турцію; теперь съ
тѣхъ поръ, какъ внизу на днѣ этой котловины засѣли въ
своемъ каменномъ гнѣздѣ русскіе, не стало аульнымъ джи-
гитамъ ходу никуда. Когда-то въ этихъ лавчонкахъ торго-
вали евреи изъ Дагестана, и чего-чего у нихъ не было! И
шелка, и ситцы, и золотыя и серебряныя вещи, и пестрые
шнуры, и филигранныя ахалцыхскія пуговицы изъ Турціи,
и всяческія монеты на ожерелья, какими мѣстныя женщины
украшаютъ себѣ голову и лобъ. Теперь въ старой щели
сидѣлъ только старый, невѣдомо какъ попавшій сюда, персъ,
да и то у него висѣло нѣсколько кинжаловъ и шашекъ.
Для женщинъ никакихъ товаровъ не оказывалось. Теперь
это, разумѣется, измѣнится.

Восточное воображеніе работало во всю.

Вѣдь русскіе страшно богаты.

Навѣрное, подъ крѣпостью есть громадныя подвалы, въ
которыхъ у нихъ сложена гибель всякихъ драгоценностей.
Разъ онѣ попадутъ въ аулъ, нечего будетъ мѣстнымъ дѣ-
вушкамъ мечтать о счастіи попасть въ турецкіе гаремы, къ
мрачнымъ пашамъ, гдѣ вдоволь будетъ рису и масла. До-
статочно окажется этого и дома, чтобы быть сытымъ. Ко-
роткіе вечера (въ аулѣ засыпали рано) дѣвушки коротали,

толкую объ этомъ счастливомъ времени, а пока довольствовались только пшеномъ да сухими лепешками. Барановъ молодежь угнала внизъ, они нужны были тамъ. Боевая усталъ, вѣдь, требовала и хорошей пищи. Вчера онъ, такимъ образомъ, впотъмахъ сидѣли довольно долго, что рѣдко съ ними случалось, и передъ тѣмъ, какъ самымъ неугомоннымъ уже хотѣлось спать, къ нимъ вдругъ вбѣжало нѣсколько изъ крайнихъ саклей.

— Что съ вами? Или шайтанъ сакли ваши въ крѣпость сорвалъ?

— Нѣтъ. За той, вонъ, горой огни,—показали онъ,—мерещатся.

Всѣ сидѣли, по обыкновенію, на плоскихъ кровляхъ.

Перебѣжали въ тотъ конецъ сакли и на первыхъ порахъ ничего не поняли.

Дѣйствительно, изъ-за скалъ свѣтится что-то... Костры?.. Должно быть, они: точно самага огня не видно, а отражается его зарево.

— Кому бы оттуда?

— Ужъ не русскіе ли?

— Набей ротъ свой грязью! Откуда вѣзаться сюда русскимъ?

— Крылья у нихъ выросли, что ли, чтобы они могли перелетѣть сюда черезъ горы!..

— Нашихъ тропинокъ, вѣдь, никто не знаетъ.

— Это, вѣрно, каратаевцы. Они давно обѣщали прислать своихъ джигитовъ. Опоздали. Остановились на ночлегъ въ ущельѣ, тамъ и разложили костры.

— Именно, опоздали. Хорошо, если бы наши до нихъ все кончили.

— Ушли бы назадъ со срамомъ, а намъ досталось бы больше добычи.

У русскихъ крыльевъ не было, но зато оказывались проводники, въ родѣ Ходового.

Съ нимъ можно было, подобно птицамъ, перелетѣть че-

резь горы, и отрядъ генерала Засса былъ уже въ одномъ днѣ разстоянія отъ поднебеснаго аула. Казачья сотня, шедшая на-рысяхъ впереди, притаилась уже подъ самою горою, на которой стоялъ онъ, и только не давала знать о себѣ. Не только не раскладывала костровъ, а даже не запаливала трубочекъ, чтобы и слабый огонекъ не видѣлся чуткому и осторожному врагу. Надо было аулъ взять врасплохъ. Если бы снизу свои успѣли подать помощь аулу, исходъ отважнаго похода далеко не былъ бы удачнымъ. Упасть, какъ снѣгъ на голову, уничтожить „разбойничье“ гнѣздо, — и все будетъ хорошо. Почему это гнѣздо являлось разбойничьимъ, казаки не разсуждали. Вѣдь точно такъ же черкесы и насъ, съ нашими форпостами въ ихъ исконномъ краю, считали разбойниками. И, пожалуй, обѣ стороны, — каждая со своей точки зрѣнія, — были правы. Пока казаки располагались здѣсь, главныя силы отряда остановились позади, за небольшимъ лѣснымъ горнымъ хребтомъ. Ихъ путь задерживала подтягивавшаяся еще артиллерія. Горныя пушечки уже перебросили поближе, оставалось дотащить нѣсколько большихъ орудій, при помощи которыхъ завтра можно было бы разгромить аулъ, и оттуда уже, занявъ его, открыть огонь по полчищамъ горныхъ клановъ, собравшихся внизу.

Зассъ нетерпѣливо смотрѣлъ съ утеса, какъ медленно и тяжело взирались по крутымъ извилинамъ горныхъ дорогъ и тропинокъ артиллеріи. Едва-едва усталые и измученные кони вытягивали тяжелыя пушки съ зарядными ящиками. Часто они останавливались, опустивъ головы, и тяжело дышали, втягивая и безъ того тощіе бока. Въ это время тамъ, гдѣ почва была помягче, колеса лафетовъ врѣзывались въ нее чуть ли не по самую ступицу. Опытные офицеры старались не допускать этого. Иное, вѣдь, такъ врѣжется, что хоть бросай орудіе. И потому, соскакивая съ коней, они сами хватались за колеса и за гужи, показывая примѣръ солдатамъ, и тѣ дружно брались за то же самое, вызваливая свою пушчонку изъ неожиданной бѣды. Случа-

лось и такъ, что повиснетъ орудіе надъ бездною, вотъ-вотъ, рухнетъ туда, увлекая своею тяжестью и людей, и коней; и, забывая о собственной опасности, солдаты кидаются между мѣднымъ чудовищемъ и краемъ пропасти и подпираютъ первое собственными спинами. Не разъ при этомъ случалось,

лось, что ближайшіе люди слышали, какъ что-то словно глухо и медленно хрустѣло, и видѣли, какъ несчастный солдатикъ блѣднѣлъ съ искаженнымъ отъ муки лицомъ и валился оземь. Другіе бросались на его мѣсто, и когда пушка подъ соединенными усиліями десятковъ рукъ и коней двигалась, наконецъ, дальше, позади за нею оставался одинокій трупъ человѣка...

— Дорого ты намъ стоишь, голубушка! — говорили про нее другіе солдаты, хлопая закорузлыми ладонями о ея желтую мѣдь:—ишь, сколько народушку съѣла; смотри же,—послужи, чтобы не даромъ было.

На этомъ страшномъ переходѣ черезъ враждебныя горы некогда было даже хоронить тѣла павшихъ. Оглядываясь, живые и уцѣлѣвшіе товарищи видѣли какое-то сквозное черное пятно. Оно медленно и неотступно опускалось ниже и ниже.

— Ишь, проклятые...—бранились солдаты.

— Что это, дяденька? — спрашивали молодые, недавно „приписанные“ изъ Россіи.

— Что? Нешто не видишь,—воронье.

— Зачѣмъ оно?

— Какъ зачѣмъ? Указано ему нами питаться. Вотъ летятъ позади, ждуть своего провіанта. Конь упадетъ, — его добыча, человѣкъ свалится, — они ужъ издали и на него клювы чистятъ!

— Не убережешь...

— А если похоронить?

— Все одно,—ночью набѣгутъ чекалки, разроютъ... А съ чекалками и воронье дружить. Одна разбойничья братія... Вмѣстѣ пируютъ.

— Отчего же ихъ не убиваютъ?

— Пуль не хватить. Подъ Гассанъ-Калай бой былъ. Страсть, что мы этого черкеса тамъ нахлопали... Ну, такъ налетѣло воронье,—и скалы отъ него почернѣли. Шла наша оказія потомъ,—дивилась, до чего чисто объѣли они коней, а отъ людей только лохмотья остались. Ободрали они съ нихъ платье.

— А кости?

— Кости чекалки растаскали.

— Страшно!

— Еще бы не страшно! Такое дѣло — война. Это не съ бабами въ прятки играть.

И солдаты хмуро двигались дальше, опасливо поглядывая на черное облако воронья, кружившагося позади.

Каждому было жутко.

„Сегодня одному оно глаза выклюетъ, а завтра, быть можетъ, моя очередь, и я, раскинувъ руки, лягу на припекѣ головою добычей жадной и беспощадной птицѣ“.

XXXVIII.

Запоздавшія дѣвушки скоро уснули, и въ аулѣ стала такая тишина, что гулъ воинственнаго ополченія снизу наполнилъ ее всю. Спали въ сакляхъ вниз; за лѣсистымъ хребтомъ спалъ нашъ отрядъ... Костры давно потухли, ротные котлы опустѣли, и только одни часовые въ цѣпи зорко всматривались въ синій мракъ. Бережнаго и Богъ бережетъ. Здѣсь нельзя было положиться ни на кого. Камни и деревья вдругъ могли обернуться непріателемъ, „черкесь и пѣтуха обманетъ“,—говорили казаки, не вѣря здѣсь ничему. Но опасенія эти были напрасны: русскихъ отсюда никто не ждалъ, и наши все время оставались спокойны... Самыя горы кругомъ казались пустынными и безлюдными; точно отъ созданія міра весь этотъ край не зналъ чело-вѣка. Засѣвъ просыпался нѣсколько разъ ночью, желая повѣрить цѣпь. Но солдаты тамъ бодрствовали; подъ самое утро, когда за горою чуть-чуть просвѣтлѣло, офицеры разбудили солдатъ. Ни горнистъ не подалъ условленнаго сигнала, ни барабанъ не ударилъ надъ ними. Ни однимъ звукомъ не слѣдовало нарушать этой тишины кругомъ, выдавая нашихъ. Поднялись наскоро, поѣли сухарей, напились воды изъ ближайшаго ручья и, благословясь, двинулись въ послѣдній походъ.

Лѣсистый хребетъ круто подымался передъ отрядомъ. Громадныя вѣковыя деревья переплетались тамъ могучими вѣтвями. Мертвое молчаніе стояло кругомъ, и если бы не

воронье, все также слѣдовавшее за отрядомъ, да не чекалки, въ сторонѣ кравшіяся рядомъ, казалось, во всѣ стороны отсюда ложилось бы мертвое царство. Безвѣтріе было такое, что ни одинъ листъ не шелохнулся надъ солдатами. Медленно двигались орудія, то и дѣло за гужи схватывались солдаты и, помогая изнемогавшимъ лошадямъ, ввозили артиллерію наверхъ. Только къ полудню люди забрались на самый гребень этого хребта. Отсюда невидимые другими, они отлично различали выходы на громадную вершину, гдѣ теперь, весь залитый солнцемъ, млѣлъ въ его свѣтъ поднебесный аулъ.

— Ну, братцы, немного теперь потрудиться.

— Точно такъ, ваше превосходительство!

— Спустимся лошкой... Обождемъ, чтобы тѣнь сюда пала,—насъ никто не увидитъ.

Опять разложили костры, сварили кашу.

Стариковъ и женщинъ въ аулѣ нисколько не удивилъ дымокъ, поднимавшійся надъ деревьями.

„Это,—думали они,— все та же партія, что заночевала вчера за лѣснымъ хребтомъ“.

— Медленно подвигаются, собаки,—ругались аульные сторожа.— Ну, да лучше; наши безъ нихъ покончатъ съ крѣпостью. Больше намъ достанется добычи.

Солдаты отдыхали два часа.

Какъ только тѣнь легла на лошину, отрядъ быстро спрятался внизъ и пошелъ вдоль гребня скалъ, подымавшася отсюда въ высоту. За этими камнями нельзя было рассмотреть солдатъ. Нѣсколько разъ сверкала желтая мѣдь орудія, но ее скоро догадались накрыть шинелями. Теперь самый зоркій взглядъ ничего не рассмотрѣлъ бы внизу. Впрочемъ, скоро нечего было и прятаться.

Не прошло и четырехъ часовъ, какъ голова колонны остановилась.

Спѣшенные казаки сообщили, что за тѣмъ, вонъ, поворотомъ весь аулъ, какъ на ладони.

Подождали, пока подтянулся весь отрядъ. Вонъ и арьергардъ уже здѣсь. Зассъ ушелъ впередъ и долго смотрѣлъ передъ собою.

Не болѣе какъ верстахъ въ двухъ, подымались сѣрыя стѣны и блестящія плоскія кровли поднебеснаго аула. Вонъ виденъ минаретъ мечети, красный мазаный куполъ, который чудится матовымъ полушаріемъ надъ цѣлымъ мѣсивомъ слипшихся между собою саклей. Онѣ идутъ снизу вверхъ, и крыши ихъ кажутся ступенями безчисленныхъ лѣстницъ. Всѣ они, эти дома, точно обернулись сюда и смотрятъ сотнями окошекъ на разстилающійся подъ ними горный край. Видны были даже выдвигающіеся впередъ верхніе этажи болѣе богатыхъ саклей, мазанки бѣдняковъ и слѣпныя башни, перегораживавшія узкія трещины, служившія здѣсь улицами. Налѣво, вдали—другія пустынные горы. По ту сторону, за поднебеснымъ ауломъ,—котловина съ русскою крѣпостью. Зассъ вслушивался напрасно: оттуда еще не долеталъ сюда ни одинъ звукъ. Держатся ли еще, или давно уже воинственные кланы враждебныхъ племенъ стерли съ лица земли это каменное гнѣздо съ нѣсколькими сотнями измученныхъ людей? Нѣсколькими сотнями? Да полно, — осталось ли ихъ столько? Можетъ быть, десятки солдатъ уцѣлѣли за стѣнами, да и то ежеминутно ждутъ конца.

Зассъ медленно вернулся впередъ.

— Эй, казаки! Въ сѣдла! Мигомъ у меня—перемахните все это пространство до аула. Гляди въ оба! Залечь за камни, и cadaго, кто покажется на стѣнахъ, ссадить оттуда. Даромъ пороха не тратить. Еще понадобится внизу... Ну, съ Богомъ, братцы!

Казаки построились, нагнулись къ сѣдламъ и вихремъ понеслись впередъ.

— Господа офицеры! вызвать охотниковъ, съ меня довольно и сотни,—пусть подберутся, какъ можно ближе, къ аулу и помогутъ казакамъ.

Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ охотники тоже кинулись за переваль къ аулу.

И точно разомъ ожило все кругомъ.

Сначала оттуда поелышались въ одиночку разсѣянные выстрѣлы; но, спустя немного, весь аулъ загорѣлся ими. Когда Зассъ съ остальнымъ отрядомъ вышелъ, всѣ аульныя кровли полны были народу. Старики, женщины и дѣти выбѣжали туда съ ружьями, пистолетами. Однѣ кричали, другія смѣло помогали мужчинамъ. На пути Зассъ замѣтилъ уже валявшихся на землѣ казаковъ и охотниковъ. Какъ ни стремительно было нападеніе, но нѣкоторые наткнулись-таки на вражьи пули.

— Молодцами распорядились!—хвалилъ Зассъ тѣхъ, которые уже засѣли за камни. Отсюда видно было, что за каждымъ изъ такихъ лежатъ на груди казаки и охотники и мѣтко сбиваютъ съ крышъ защитниковъ аула. Тѣ, впрочемъ, недолго были тамъ. Первыя мгновенія изумленія прошли. Все наличное населеніе кинулось къ стѣнамъ и засѣло за ними. Теперь уже трудно было нащупывать врага дуломъ. Врагъ весь былъ спрятанъ, и въ сотни отверстій, пробитыхъ въ стѣнахъ, встрѣчалъ пулями подходившій отрядъ.

— Выдвигай пушки скорѣе, господа артиллеристы, да не зѣвайте же!

Но нетерпѣніе командующаго было напрасно.

Пушки вылетали уже на рысяхъ впередъ.

— Готово?

— Точно такъ!

— Видите,—вонъ ворота у нихъ. Всѣ туда разомъ!.. Вѣрнѣ берите прицѣлъ. Первая!

Ахнуло мѣдное жерло и выкинуло чугунку въ земляныя стѣны жалкаго аула. Другая полетѣла вслѣдъ за ней. Не прошло и часу, какъ тамъ зіяла уже громадная осыпь. Сквозь нее были видны руины саклей, не выдержавшихъ артиллерійскаго огня.

— Ну, артиллеристы, — наше! Бейте по аулу теперь! А мы, благословясь... — Господа ротные командиры и офицеры, — впередъ! Показывайте примѣръ солдатамъ! Въ атаку! Горнисты, труби!

Пѣніе мѣдныхъ рожковъ разбудило дали, жадно и безпощадно ударяли барабаны, и развернувшись, — съ ружьями на руку, — ротныя шеренги двинулись въ готовую брешь...

XXXIX.

Едва ли этотъ день не былъ самымъ ужаснымъ для злополучной крѣпости. Бой не прекращался.

Слободчиковъ и Наташинцевъ не сходили со стѣнъ. Молодой Кай-Булатъ самъ сегодня велъ атаку, и по его острвенѣнію видно было, что черкесы рѣшили, во что бы то ни стало, покончить съ этимъ гнѣздомъ. Ихъ толпы, отброшенные геройскими защитниками каменныхъ башенъ, отходили не далеко. Отовсюду являлись новыя ополченія и, примкнувъ къ нимъ, они возвращались назадъ. Люди въ жару, въ поту и въ крови не уходили со своихъ постовъ. Теперь всякая рука была на счету. Даже раненые, — кто могъ, — вернулись назадъ, чтобы хоть лежа направлять выстрѣлъ въ сплошную массу нападающихъ. Къ полудню на той башнѣ, которою командовалъ Наташинцевъ, разгорѣлся бой во всю. Часа два уже черкесы подставляли лѣстницы за лѣстницами и лѣзли вверхъ, точно сами себя обрекая вѣрной смерти, чтобы только какъ можно болѣе вреда нанести врагу. Сброшенный разъ и невѣдомо какъ уцѣлѣвшій Кай-Булатъ опять оказался здѣсь, сѣя кругомъ уничтоженіе. Онъ врубался въ массу нашихъ солдатъ, почти не обращая вниманія на то, что десятки штыковъ направлялись на него отовсюду. Ближайшіе шапсуги отводили отъ молодого князя удары. Въ одну изъ такихъ минутъ передъ Кай Булатомъ показался старикъ Наташинцевъ.

— А, знакомый! — улыбнулся Кай-Булатъ, на минуту опуская свою шапку. Тотъ его тоже узналъ и приложился къ фуражкѣ.

— Уходи, старикъ, отсюда!

— Зачѣмъ?

— Ты когда то былъ добръ къ моему отцу...

— Очень жалѣю объ этомъ...

— Не время жалѣть. Уходи, — я не хочу тебя убивать. Еще минута,—и башня будетъ моя.

Наташинцевъ оглянулся. Нашихъ отгѣснили. Изъ-за стѣны валили новыя толпы черкесовъ.

— Братцы! — крикнулъ онъ назадъ: — не выдавай! Ихняя беретъ. Срамъ будетъ, если помощь придетъ, а крѣпость окажется въ рукахъ у разбойниковъ. Впередъ, ребята, за мной!

И Наташинцевъ кинулся въ самое пекло.

Откуда взялись защитники! Точно изъ камня выросли. Спустя нѣсколько минутъ упорнаго боя, черкесовъ вверху уже не было, зато и намъ не даромъ достался успѣхъ. Много народу ничкомъ лежало на каменномъ помостѣ... Пушка молчала, — у нея уже зарядовъ не было. Раненые потухающими глазами смотрѣли вслѣдъ отступающимъ горцамъ и, собирая послѣднія силы, кричали имъ „ура!“ Но „ура“ уже выходило не торжественнымъ и грознымъ...

Слободчиковъ только что сбѣжалъ со своей башни и шелъ сюда, какъ вдругъ ему навстрѣчу — носилки.

— Кого? — коротко крикнулъ онъ издали.

— Ихъ высокоблагородіе... Стараго коменданта.

Наташинцевъ разслышалъ. Онъ приподнялъ шинель, которую былъ накрытъ.

Страшно блѣдное лицо... Синія губы... Глаза съ трудомъ смотрять. Собравъ послѣднія усилія, приподнялся.

— Прощайте!

Слободчиковъ смахнулъ слезу.

— Ранены?

— На смерть. Дай вамъ Богъ отстояться.

Петръ Александровичъ и не думалъ услышать стараго коменданта.

Онъ снялъ шапку и стоялъ надъ нимъ.

— Перекрестите меня!.. Вотъ такъ,—спасибо! Легче будетъ уходить *туда*. Я не жалѣю. Всегда мечталъ умереть въ бою.

И опять уронилъ голову на носилки.

— Куда раненъ?—спросилъ Слободчиковъ у солдатъ.

— Въ грудь... И въ бокъ.

— Идите, идите! Вы тамъ нужны,—опять нашелъ силы Наташинцевъ.—Оставьте меня... Прощай, старый товарищъ! А что у меня осталось,—денщику моему...

Слободчиковъ бросился наверхъ.

Дѣйствительно, вдали уже виднѣлись новыя толпы.

Оглядываясь съ отчаяніемъ на своихъ, Петръ Александровичъ видѣлъ, какъ ихъ осталось мало. Дѣйствительно,—ужасъ, настоящій ужасъ приближался. Нужно уцѣлѣть, чтобы во-время взорвать пороховой погребъ. Съ Тамарой и Сашей?.. Ну, что же? вмѣстѣ предстанутъ передъ Тѣмъ, Кому вся эта вселенная — одна песчинка, и для Кого одна слеза молитвы больше всей вселенной. Вонъ—идутъ... Идутъ сплошныя толпы ожесточившагося врага. Идутъ отовсюду. Куда глазомъ кинешь,—стягиваются ихъ безчисленныя дружины.

— Ну, братцы,—оборачивается онъ къ солдатамъ,—видно, дѣлать нечего. Вмѣстѣ служили, вмѣстѣ и помремъ.

И въ глазахъ людей онъ читаетъ ту же рѣшимость.

— Ты здѣсь зачѣмъ?—оборачивается онъ.

Бѣлымъ призракомъ позади выросла его жена.

— Ты здѣсь зачѣмъ?—повторяетъ онъ.

Она кротко улыбается ему.

— Развѣ здѣсь хуже, чѣмъ тамъ?

— Что Саша?

— Онъ спитъ у себя.

— Иди и ты туда!

— Полно, Петръ! Смерть близко. Мое мѣсто рядомъ съ тобою.

Слободчиковъ тихо пожалъ ей руку.

И вдругъ...

Что это?

Какой-то ударъ вверху. Точно въ небесахъ.

Неужели это — обѣщанная Ходовымъ помощь? Что-то случилось. Ополченія шапсуговъ и убуховъ приостановилась. Даже отхлынули назадъ...

— Петръ, смотри, смотри!

И Тамара Давидовна указываетъ ему ауль вверху.

На него точно нашла туча. Откуда бы ей съ чистаго неба? Нѣтъ... Это туча вверху клубится, дымомъ взрывается въ лазурь. Сквозь этотъ дымъ чудятся красные языки пламени. Гулъ идетъ по всей котловинѣ... Всадники несутся туда, обратно въ горы. Вонъ Кай-Булатъ съ отчаяніемъ кидается по рядамъ, должно быть, убѣждаетъ въ послѣдній разъ взять крѣпость. Шапсуги, было, двинулись, и опять ихъ откинуло прочь. Сверху орудія повернули сюда и въ живую кашу враговъ оттуда падаютъ ядра и бомбы. Видно, какъ по откосу горы внизъ бѣжитъ пѣхота Засса... Чуть-чуть намѣчивается, но и этого уже довольно... Солдаты оправились. Всѣ на стѣнахъ теперь. Старый священникъ здѣсь же съ крестомъ.. И вдругъ въ общей торжественной тишинѣ, когда передъ помощью Невидимаго и Всемогущаго замерли всѣ сердца, раздался дрожащій голосъ отца Петра:

„Взбракхой воеводѣ побѣдительная“!

Тихо подхватили этотъ напѣвъ солдаты. Не во-всю, а съ умиленіемъ и благоговѣшною радостью... Точно заколдованный стоитъ Слободчиковъ. Тамара Давидовна плачетъ, склонивъ голову на плечо ему.

Неужели спасены? И сынъ, и жена...

А вверху поднебесный аулъ весь теперь такъ и пылаетъ заревомъ. Клубы дыма взвиваются изъ его узкихъ улличекъ. Должно быть, тамъ вѣтеръ поднялся, загонить огонь вверхъ; и слишкомъ чудовищнымъ гуломъ охватило эту низину. Все, что было здѣсь, кинулось во всѣ стороны отъ неожиданнаго появленія русскихъ. Никто уже не думалъ о крѣпости.

Точно лавины несутся мимо ея стѣнъ.

— Спасены, спасены!

Только теперь Слободчиковъ почувствовалъ упадокъ энергiи.

Въ немъ точно все упало. Опираясь на руку жены, онъ пошелъ къ себѣ, и въ комнатѣ у Саши упалъ на колѣни передъ образомъ.

Ребенокъ проснулся, всталъ. Что за диво? Чего это отецъ рыдаетъ передъ Спасителемъ.

— Папа, а, папа!

И сильныя руки обнимаютъ сына... И непонятно Сашѣ, за что именно сегодня его цѣлуютъ такъ.

Книгоиздательство Д. И. ТИХОМИРОВА.

Москва, Б. Молчановка, д. № 18.

НОВЫЯ КНИГИ:

- АЛЕКСѢЕВЪ, В. Восточный вопросъ. Съ рис. Ц. 10 к.
— Война въ исторіи Россіи. Съ рис. Ц. 20 к.
- АЛТАЕВЪ, А. Крупеничка. Изъ русскихъ народныхъ сказаній. Съ рис. Ц. 5 к.
— Въ лѣсу. Съ рис. Ц. 5 к.
— Забавники. Съ рис. Ц. 10.
— Въ поискахъ счастья. Изъ дѣтскихъ лѣтъ. Съ рис. Ц. 20 к.
— Королевичъ и мавритенокъ. Древне-герм. легенда. Съ рис. Ц. 5 к.
— Кружка слезъ. Старо-герм. сказаніе. — Къ свѣту. Сказка. Съ рис. Ц. 5 к.
— Фигурка. Съ рис. Ц. 15 к.
— Атаманъ. Разказъ. Съ рис. Ц. 5 к.
— Не вынесъ. Разказъ. Съ рис. Ц. 5 к.
— Новый годъ.—Скворчикъ. Сказки. Съ рис. Ц. 5 к.
— Маята. Разказъ. Съ рис. Ц. 10 к.
— Панычъ. Разказъ. Съ рис. Ц. 10 к.
— Подъ гнетомъ инквизиціи. Историческая повѣсть. Съ рис. Ц. 80 к.
— Великій сказочникъ. Біографическій разказъ. Съ рис. Ц. 35 к.
— Мигуэль Сервантесъ. Біографическая повѣсть. Съ рис. Ц. 40 к.
— Бенвенуто Челлини. Біографическая повѣсть. Съ рис. Ц. 60 к.
— Божья елка. Разказъ. Съ рис. Ц. 10 к.
— Лѣсное дитя. Съ рис. Ц. 10 к.
- ГАТЦУКЪ, В. (Перев.) Лѣсные воздухоплаватели. Съ рис. Ц. 5.
- Законъ о высшихъ начальныхъ училищахъ. — Законъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Ц. 20 к.
- ИНФАНТЬЕВЪ, П. Воръ. Изъ жизни вогуловъ. Съ рис. Ц. 5 к.
— Гнѣвъ шайтана. Вогульское преданіе изъ времянъ покоренія Сибири. Съ рис. Ц. 10 к.

- КАРАСКЕВИЧЪ-ЮЩЕНКО, С. Св. Евфросинія. Ц. 7 к.
— Св. Янка-княжна. Родное преданіе. Ц. 10 к.
- ОБУХОВЪ, А., СЪРОПОЛКО, С. и ЧЕХОВЪ, Н. Каталогъ учительской библіотеки. 2-е исправленное изданіе. Ц. 10 к.
- ПОКРОВСКІЙ, С. Колонисты скалистаго архипелага. Съ рис. Ц. 10 к.
- РУБИНОВА, Р. (Перев.) На горныхъ вершинахъ. Съ рис. Ц. 5 к.
- САВВИНЪ, Н. Опытъ ежегодника дѣтской литературы за 1914 годъ. Ц. 20 к.
- СВѢШНИКОВА, Е. Бѣдность не порокъ. Ц. 5 к.
- СКУБЕНКО-ЯБЛОНОВСКІЙ, Б. Въ таежныхъ дебряхъ. Съ рис. Ц. 10 к.
- ТИХОМИРОВЪ, Д. И. Переоцѣнка цѣнностей. Уроки войны русскому педагогу. Ц. 10 к.
- ТОЛСТОЙ, Л. Н. Кавказскій плѣнникъ. Разсказъ. Ц. 5 к.
- ФЕЛИЧЕ, А. Плакучая береза. Съ рис. Ц. 5 к.
— Гнѣвъ Эльборуна. Кавказская легенда. Съ рис. Ц. 5 к.
- УЛЬРИХЪ, С. Въ глуши Сибирской. Съ рис. Ц. 50 к.
- ШВЕДЕРЪ, Е. На войну. Съ рис. Ц. 20 к.
— Черемуха цвѣтетъ. Съ рис. Ц. 20 к.
- ШМЕЛЕВЪ, Ив. Солдаты-Кузьма. Разсказъ. Съ рис. худ. К. Фридборга. Ц. 12 к.
— Письмо безъ марки и штемпеля. Разсказъ. Съ рис. худ. К. Фридборга. Ц. 15 к.
— Полочка. Съ рис. худ. Н. Богатова. Ц. 10 к.
— Мой „Марсъ“. Разсказъ. Съ рис. худ. А. Ансита. Ц. 15 к.
-

Подробный каталогъ книгоиздательства высылается бесплатно.

МЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО, Вас. Ив. Соколинныя гнѣзда. Повѣсть изъ быта кавказскихъ горцевъ. Съ рис. К. Чичагова. Ц. 50 к. 8-е изданіе. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки, въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ и таковыя же, младшаго и средняго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній. (Отношеніе № 20366 отъ 17 мая 1912 года).

— **Ведьна рудоноль.** Повѣсть. Съ пятью рисунками художника К. Чичагова. Ц. 50 к. 8-е изданіе. У. К. М. Н. П. книга допущена въ ученич. младш. воѣр. библіотеки средн. и низш. учебн. заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отношеніе № 14880, отъ 19 марта 1914 года).

— **Мысейкина хурда-шурда.** Повѣсть изъ послѣдней Русско-турецкой войны. Съ рис. К. Чичагова. Ц. 45 к. 5-е изданіе. У. К. М. Н. П. книга одобрена для ученич. младш. возраста библіотекъ средн. и низш. учебн. завед. и допущена въ безпл. читальни. (Отношеніе № 10830, отъ 29 сен. 1905 г.). Гл. Упр. В.-Уч. заведеній книга рекомендована для приобрѣтенія въ библи. кадетскихъ корпусовъ для чтенія кадетамъ I, II, III, IV и V классовъ. («Пед. Сб.» № 7, 1901 года).

— **Самъ себѣ помогай.** Повѣсть. Съ рис. Ц. 1 р. 25 к.

— **Кавказскіе богатыри.** Томъ I. Газавать—священная война. 2-е изд. Ц. 60 коп. Тоже. Томъ II. Въ огненномъ кольцѣ. 2-е изд. Ц. 40 к. Тоже. Томъ III.—Побѣда. 2-е изд. Ц. 50 к. У. К. М. Н. П. всѣ три книги допущены въ ученич. старш. и сред. возраста библіотеки средн. учебн. завед. и въ безплат. народныя читальни и библіотеки. (Отношеніе отъ 16 дек. 1910 г., № 35159).

— **Подъ небомъ Африки.** Воспоминанія о посѣщеніи садовъ Гесперидъ. Съ рис. 2-е изд. Ц. 60 к. У. К. М. Н. П. книга допущена въ ученическія библіотеки средняго и старшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и въ бесплатныя народныя читальни и библіотеки. (Отношеніе № 17661, отъ 29 іюля 1902 года).

— **Повѣсть о похищеніяхъ майора Бобкова.** Ц. 35 коп. 2-е изд. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ учен. библ. высш. уч. завед. (Отношеніе № 23266, отъ 18 октября 1907 года).

— **Что пѣли струны.** Повѣсти и разсказы. Ц. 30 коп.

— **Вѣрочка дома.** Повѣсть. Ц. 40 коп. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ учен. библ. высш. уч. зав. (Отв. № 20939, отъ 24 сент. 1907 г.).

— **Мученики Шипки.** Ц. 50 к.

— **Послѣдніе богатыри.** Ц. 50 к.

— **Призывные огни.** Сборникъ стихотвореній для юношества. Ц. 40 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. гор. и 2-хкл. сельск. учил. и въ безпл. нар. библ. и чт. (Отнош. № 20782, отъ 27 іюня 1911 г.).

— **Береговые пираты.** Съ рис. Ц. 40 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библ. город. и 2 хкл. сельск. учил. и въ безпл. народ. биб. и чт. (Отн. № 20788, отъ 27 іюня 1911 г.).

— **Погоня.** Изъ жизни исчезнувшихъ племенъ. Съ рис. худ. И. Гурьева. Ц. 30 к. О. О. У. К. М. Н. П. допущена въ ученич. библіотеки высшихъ учебныхъ заведеній. (Отнош. № 29040, отъ 11 іюля 1913 года).

Подробный каталогъ книгоиздательства высылается бесплатно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЫ:

1) „ЮНАЯ РОССИЯ“

(„Дѣтское Чтеніе“).

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ.

Особымъ Отдѣломъ Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв. журналъ допущенъ къ выпискѣ, по предварительной подпискѣ, въ учебныя бібліотеки среднихъ учебныхъ завед., въ городскихъ, по положенію 1872 г., учаща и въ бесплатныя народныя читальни и бібліотеки.

Журналъ даетъ всѣмъ подписчикамъ:

12 книжекъ журнала, въ составъ которыхъ входятъ: а) повѣсти, рассказы и сказки; б) стихотворенія; в) историческіе очерки и біографіи; г) популярно-научныя статьи; д) снимки съ портретовъ замѣчательныхъ людей и съ картинъ, а также нѣсколько

бесплатныхъ приложеній.

Въ журналъ принимаютъ ближайшее участіе лучшія литературныя и научныя силы.

2) „Педагогическій Листокъ“,

журналъ для педагогическаго и общенаучнаго самообразованія воспитателей и народныхъ учителей.

Журналъ выходитъ восемь разъ въ годъ. Мин. Нар. Просв. разрѣшенъ для учительскихъ бібліотекъ и бесплатныхъ народныхъ читальнь.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») безъ «Педаг. Листка»:

«Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педаг. Листкомъ»:

Безъ доставки на годъ . . . . . 4 р. 50 к.	Безъ доставки на годъ . . . . . 5 р. — к.
Съ достав. и пересылк. на годъ . . . . . 5 » — »	Съ достав. и перес. на годъ . . . . . 6 » — »
Безъ доставки на $\frac{3}{4}$ года . . . . . 3 » 50 »	Безъ достав. на $\frac{3}{4}$ года . . . . . 3 » 75 »
Съ достав. и перес. на $\frac{3}{4}$ года . . . . . 3 » 75 »	Съ достав. и перес. на $\frac{3}{4}$ года . . . . . 4 » 50 »
Безъ доставл. . . . на $\frac{1}{2}$ года . . . . . 2 » 25 »	Безъ доставл. . . . на $\frac{1}{2}$ года . . . . . 2 » 50 »
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года . . . . . 2 » 50 »	Съ достав. и перес. на $\frac{1}{2}$ года . . . . . 3 » — »
Безъ доставл. . . . на $\frac{1}{4}$ года . . . . . 1 » 15 »	Безъ доставл. . . . на $\frac{1}{4}$ года . . . . . 1 » 25 »
Съ достав. и перес. на $\frac{1}{4}$ года . . . . . 1 » 25 »	Съ достав. и перес. на $\frac{1}{4}$ года . . . . . 1 » 50 »

Подписная цѣна на „Педагогическій листокъ“ (безъ „Юной Россіи“) **ДВА РУБЛЯ, на полгода ОДИНЪ РУБЛЬ.**

За границу «Юная Россія» («Дѣтское Чтеніе») съ «Педагогическимъ Листкомъ» 8 руб.

За перемѣну адреса 28 коп. марками.

Объявленія, помѣщаемыя въ журналахъ: 1 строкъ.—40 руб., $\frac{1}{2}$ строкъ.—20 руб.

Издательница **Е. Н. Тихомирова.**

Редакторъ **Д. И. Тихомировъ.**

Редакція и контора журналовъ помѣщаются въ Москвѣ, на Большой Мелчановкѣ, домъ № 18—Д. И. Тихомирова. Адресъ для иногородныхъ: Москва, въ редакцію «ЮНАЯ РОССИЯ» («Дѣтское Чтеніе»).

Каталогъ книгоиздательства Д. И. Тихомирова высылается бесплатно.

